

«РЭВЛЛА»

Шайка Сони Рата готовилась завоевать весь Лес Цветущих Мхов. В победе не было сомнений — ведь с разбойниками их талисман — самый могучий воин, от одного вида которого любой враг бежит с поля боя. Великий Таггеранг еще малышом попал к Сони и не знал другой жизни и других законов, кроме закона силы.

Но однажды Таг решил вернуться на родину, и дорога привела его в Рэвволл.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!



ISBN 5-352-01851-2



9 785352 018514

РЭВЛЛА

БРАЙАН
ДЖЕЙКС

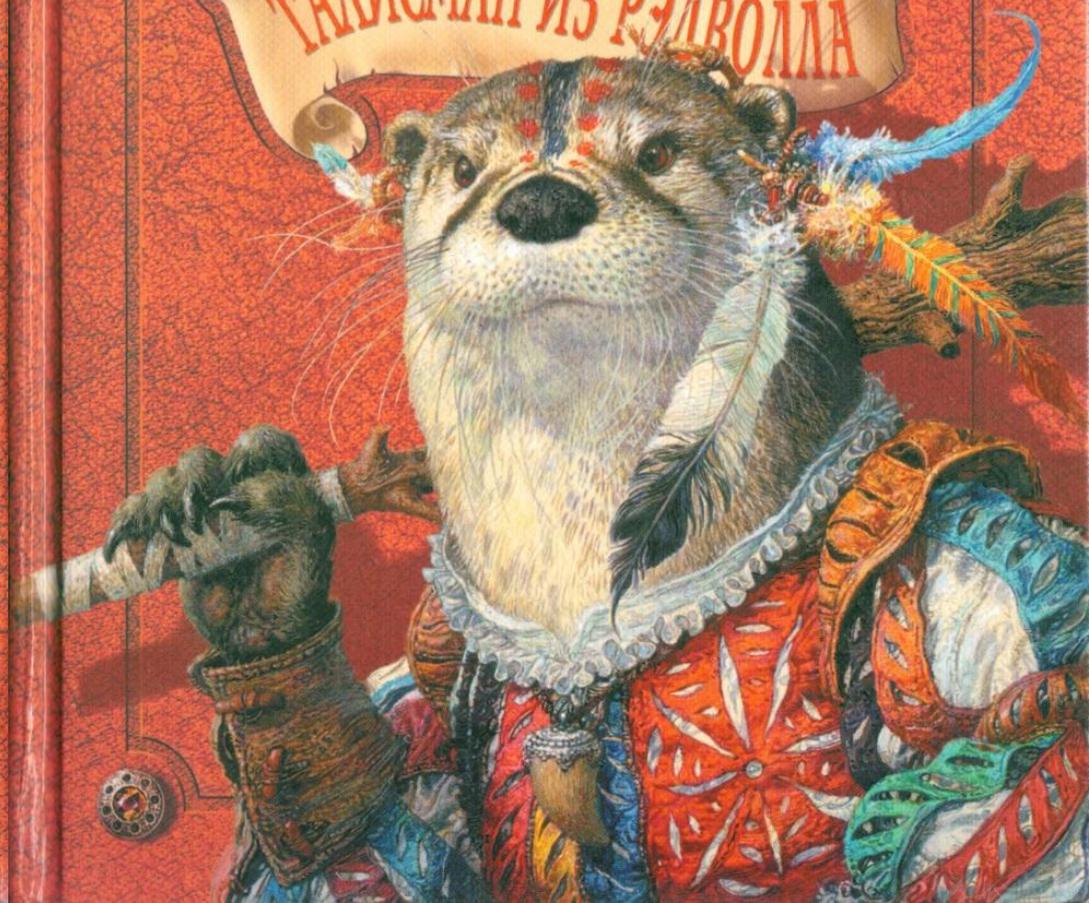
ТАЛИСМАН
ИЗ РЭВЛЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЗБУКА

БРАЙАН

ДЖЕЙКС

ТАЛИСМАН ИЗ РЭВЛЛА





Море

Леса

Ручей

Горы

Жилище
Робальда

Пещера
землероек

Река

Река

Брод

Старый
лагерь Юска

Домик
тети Лолерей

Леса

Ферма

Дюны

Равнина

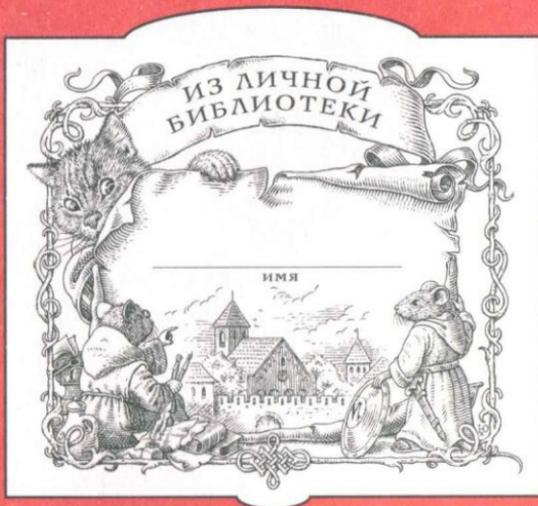
Лес
Цветущих Мхов

Пещера
Рукки

Новый
лагерь Юска

Аббатство
Рэдволл

23







**СЕРИАЛ
«РЭДВОЛЛ»**

ВОИН РЭДВОЛЛА



ВОЙНА С КОТИРОМ



ПОХОД МАТИАСА



МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА



САЛАМАНДАСТРОН



МАРТИН ВОИТЕЛЬ



КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА



ИЗГНАННИК



ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ



ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД



БЕЛЫЕ ЛИСЫ



ЛЕГЕНДА О ЛЬЮКЕ



ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА



ТРИСС ВОИТЕЛЬНИЦА



ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА





Брайан Джейкс

ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА



Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006



УДК82-93
ББК 84.4 Вл
Д40

Brian Jacques. The Taggerung
Copyright © Text the Redwall Abbey Company 2001
First published in Great Britain by Hutchinson Children's Books 2001.

Издательство выражает благодарность
Литературному агенту Эндрю Нюрнберг

Перевод с английского
Юрия Балаяна

Перевод стихов
Сергея Степанова

Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрации на обложке
Антон Ломасева

Иллюстрации на форзаце
Игоря Беличенко,
Валерия Макарова

Художник Игорь Беличенко



Джейкс Б.

Д40 Талисман из Рэдволла / Пер. с англ. Ю. Балаяна. —
СПб.: Азбука-классика, 2006. — 384 с.: ил.

ISBN 5-352-01851-2

Новая книга из сериала «Рэдволл»!

Шайка Сони Рата готовилась завоевать весь Лес Цветущих Мхов. В победе не было сомнений – ведь с разбойниками их талисман – самый могучий воин, от одного вида которого любой враг бежит с поля боя. Великий Таггеранг еще малышом попал к Сони и не знал другой жизни и других законов, кроме закона силы. Но однажды Таг решил вернуться на родину, и дорога его привела в Рэдволл.

© Ю. Балаян, перевод, 2006

© С. Степанов, перевод стихов, 2006

© «Азбука-классика», 2006

ISBN 5-352-01851-2



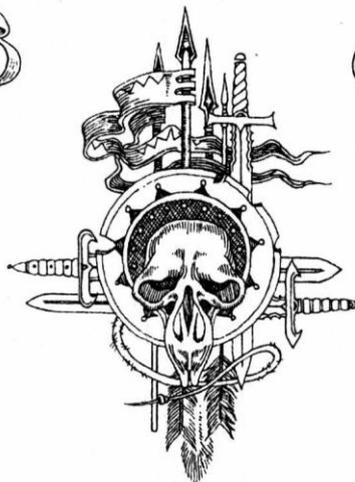
Отец мой не устает твердить, что ученые занятия куда интереснее, чем работа повара. На мой вопрос — почему? — он ответит шуткой: «Лучше лапы в чернилах, чем нос в муке!» Но тут же серьезно объяснит, как почетно быть летописцем аббатства Рэвволл. Ведь мои записки войдут в состав исторических хроник нашего аббатства. И в любое время все желающие могут с ними ознакомиться. Тут он опять засмеется и добавит, что, сколько бы я ни трудилась над корочкой пирога, она исчезнет вместе с самим пирогом в течение одной трапезы. И вот я пристроена ученицей к брату Хобену. Эта добрейшая старая мышь — наш старший архивариус. В последнее время старик спит целыми

днями, так что у меня много времени для самостоятельных занятий. И мне все больше и больше нравится вести записи. Мать моя восхищается одаренной дочерью — но ведь все матери таковы.

С прошлой зимы я работаю над странной историей. Со многими обитателями Рэдволла обсуждала я эту историю по вечерам, а днем скрипела пером. Чудесная легенда! Брат Хобен рассказал, как пишутся хорошие истории, и я это запомнила, поверьте. Печаль и радость, смешное и страшное, немного таинственности и добрая доля захватывающих приключений... Звучит как кулинарный рецепт, правда? Как бы ни звучало, но я дошла до конца. Нынче вечером начну читать свой труд всем собравшимся в Пещерном зале. Зима — самое подходящее для этого время. Тепло очага, вкусная пища, внимательные слушатели. Чего еще желать? За воротами аббатства земля покрыта толстым слоем снега, на ветках вместо листьев висят сосульки. День отступает, темнеет рано. Мне остается лишь смыть с лап чернила, накинуть шарф... ах да, еще надо разбудить брата Хобена. Он опять прикорнул в своем кресле перед угольками очага. Пора в Пещерный зал, читать друзьям записанную легенду. Мне самой не терпится. Может быть, вы тоже хотите послушать? Если не знаете дороги, следуйте за нами с братом Хобеном. Правда, он передвигается очень медленно, все время опирается на мое плечо. Будьте внимательны, мелкота снежками кидается! Пошли, а то опоздаем... Эх, какая я глупая, ведь без меня-то не начнут. Ведь именно я буду читать историю о Тагеранге. Но вы уже знаете. Прошу прощения. Вставай, брат Хобен, вставай, доспишь перед очагом в Пещерном зале. Только не храпи слишком громко, не то моя мать тебя разбудит и попросит не прерывать ее талантливую дочь. Матери все такие.

*Сестра Розабель,
помощник архивариуса аббатства Рэдволл*

ДИТЯ У БРОДА



КНИГА
ПЕРВАЯ





Судьба была благосклонна к стае Сони Рата. Гресса предсказала хорошие времена, а эта хитрая лисица редко ошибается. Вот и сегодня наловили кучу рыбы, загнанной приливом на мелководье. В кустарнике за береговыми дюнами полыхают костры, над которыми пекут, жарят и коптят скумбрию. Сони Рат — хорек не из самых крупных, но ловкостью, быстротой и свирепостью он превосходил всех крыс, горностаев, ласок, лис и хорьков, входящих в его стаю. Хочешь стать вожаком стаи — пожалуйста, но для этого надо победить Сони в поединке. А на поединок с Сони Ратом давно уже никто не

отваживался. К тому же Сони беспощаден к побежденным. Шесть десятков головорезов, входящих в стаю Сони, — кочевники, бродяги, воры, мошенники, всегда готовые к грабежу и убийству. Они — Юска.

Банды Юска рыскали по побережью, в лесах и на дорогах, никогда не объединяясь, предпочитая самостоятельность под рукою сильного вождя. Этот вождь добавлял свое имя к титулу Юска. Поэтому банда Сони именовалась Юскарат. Разношерстный разбойничий сброд, однако, всегда строго соблюдал правила поведения, определяемые провидцами, предзнаменованиями и предрассудками.

Сони скрючился под навесом своей палатки, с отворачиванием потягивая мерзкого вкуса целебный отвар, приготовленный для него жрицей Гриссой. Его постоянно мучили рези в желудке. Услышав, как несколько крыс затянули песню, Сони усмехнулся. Крысам много не надо. Набитое брюхо да фляга крапивного пива — и они готовы петь и спать. На крыс Сони взглянул лишь мельком, гораздо внимательнее следил он за горностаихой Антигрой. Она лежала у костра, нянча своего новорожденного сына Занна. От Сони не укрылось, что Антигра украдкой бросала на него полные ненависти взгляды. Мало что ускользало от внимательных глаз Сони. Он с отвращением понюхал лечебное варево, плюнул в костер и выдавил из себя имя новорожденного:

— Х-хе, Занн!

Из сгущающейся тьмы вынырнула Грисса и поставила перед Сони дымящийся черепок с пищей. Он покосился на лисицу. Странно она выглядела, даже для жрицы. Закутанная в вытканый из коры плащ, расписанный красными и черными фигурами, лап и шеи не видать из-под разных цепочек, ленточек, браслетов и оже-

релий из кораллов, меди, серебра. С пояса свисают объемистый мешок и всевозможные кости. И вечно бегающий взгляд.

Сони ткнул в черепок лапой:

— Это что, съедобно?

Гресса усмехнулась:

— О да! Скумбрия в молочае и щавеле. Твой желудок возлюбит это, о Сони.

Хорь вытащил из-за пояса убийственной красоты нож, прямой и острый, с сапфиром, вделанным в янтарную рукоять. Подцепив кусочек на острие, он попробовал рыбу.

— Ничего! — похвалил он. — Мне нравится.

Гресса присела рядом:

— Никто тебе лучше меня не приготовит. — Некоторое время она молча следила за трапезой вожака, затем нарушила молчание: — Чую интерес твой к Тагерангу. Чую, что вопрос готов сорваться с твоих уст.

Сони ковырнул в зубах.

— Точно чуешь. Есть что-нибудь новенькое?

Тут вмешалась Антигра. Она вскочила и швырнула им своего детеныша.

— Кретины! — вызывающе крикнула она. — Не видите, что мой Занн и есть Тагеранг?

В лагере воцарилась тишина. Позабыв о рыбе и ко-страх, все повернулись к палатке вожака. Сони встал. Прижав одну лапу к животу, другую, с ножом, вытянул в направлении Антигры.

— Не будь ты кормящей матерью, ты бы уже умерла. Никто не смеет называть Сони Рата кретином.

Антигра тряслась от гнева. Ее ребенок завопил, но голос матери перекрывал детский плач:

— Я требую, чтобы вы признали моего сына Тагерангом!

Сони оскалил зубы, сунул нож за пояс и отвернулся, проворчав Гриссе:

— Скажи этой... почему ее отродье не может быть Тагерангом.

Гресса, пристально глядя на Антигра, сняла с пояса череп скворца, нанизала его на бечевку и завертела восьмеркой в воздухе, все быстрее и быстрее. Воздух пронзительно засвистел в глазницах и клюве птичьего черепа.

— Внемли, о Антигра! Даже птица, давно не пребывающая среди живущих, смеется над тобой. Сколь глупа ты, не видящая значения предсказаний! Ты назвала его Занн, что означает Могучий, но не он избран судьбою. Я все вижу, все знаю. Верь слову Гриссы. Иди к своему костру и займись ребенком. И замолчите оба.

Антигра схватила своего младенца и затрясла его, чтобы тот завопил еще громче.

— Ни за что! — закричала она.

Сони сморщился от резкой боли в желудке. Он повернулся к горностаихе и прорычал:

— Ну хватит! Ты слышала жрицу, слышала о предсказаниях. Занн не может быть Тагерангом. Итак, умолкни, если не хочешь вызвать меня на поединок, чтобы изменить законы по своему усмотрению.

Он опять отвернулся и направился было в палатку, но Антигра не успокоилась. Все слышали ее вопль:

— Тогда прими вызов, Сони Рат!

Забыв о болях в желудке, вождь вынырнул из палатки с подобием улыбки на морде. Никто не отважился смотреть ему в глаза, когда на его морде появлялась такая улыбка. Но Антигра не отвернулась, спокойно выслушав его негромкий вопрос:

— И кто же меня вызывает?

Еще до ответа Антигры он увидел противника.

— Грувен, отец Занна.

Подошел Грувен, сжимая в крепкой лапе малый круглый щит, в другой держа тонкое длинное копьё, острие которого поблескивало в свете костра. Он встал в боевую стойку, громким и ясным голосом произнес:

— Я вызываю тебя, Сони Рат. Возьми оружие и защищайся.

Жаль. Грувен, можно сказать, нравился Сони. Очень полезный член шайки. Здоровый, сильный, покладистый, умом не блещет. Сони покачал головой и снисходительно улыбнулся:

— Не надо, Грувен. Убери копьё и щит и живи, чтобы видеть, как растёт сын.

Антигра шептала Грувену на ухо что-то, очевидно, ободряющее. Потрясая копьём, он двинулся к Сони.

— Я буду жить, чтобы увидеть, как мой сын станет Тагерангом. Хватит разговоров, сражайся как Юска или умри как трус.

Сони, казалось, не заметил оскорбления.

— Как хочешь, — пожал он плечами и отвернулся, направляясь в палатку за оружием. Тут же остановился и снова обернулся к противнику, как бы что-то вспомнив: — Да, Грувен...

Вжикнул в воздухе нож, вылетевший из лапы Сони, Грувен кашлянул, всхрапнул, на морде его появилось удивленное выражение. Затем он свалился на спину. Из горла его торчала разукрашенная рукоятка ножа главы шайки, который спокойно закончил фразу:

— Никогда не держи щит так низко. Это непоправимая ошибка. Грисса, зайди ко мне в палатку.

Не обращая внимания на вопли Антигры, Сони жестом предложил жрице присесть.

— Что увидела?

Грисса, кивая с умным видом, опорожнила мешок, вывалив из него на пол кучу камней, раковин и костей.

— Одно и то же много раз подряд показывают предзнаменования, — продекламировала жрица. — Одно и то же после прошлого дождя. Рожден наш Тагеранг. Другие Юска почли б за честь его заполучить. Он — талисман громадной мощи. Он счастье принесет; созданыя нет сильнее, никто с ним не сравняется в бою.

Она помолчала и снова затянула:

— Давно, давно таких судьба не посылала. Ты, Сони, сам об этом должен знать. Ведь твой отец был избранным таким же. О, славные дела прошедших дней! Нас все боялись, все пред ним склонялись. Занн Юскарат Тагеранг! А помнишь...

Сони недовольно поморщился:

— Кончай болтать об отце. Да, да, сам знаю, могучий воин... Но сейчас он покойник. Давай-ка о новом Тагеранге. Откуда ты знаешь, что он родился? Где мы его найдем?

Лисица внимательно рассматривала мелкий цветочек вероники, сорванный накануне. Бледно-розовый, с тремя лепестками пошире и одним совсем узким. Подняв голову, Грисса усмехнулась:

— В видениях явилась мне отметка. Такой же формы, как цветочек этот, должна быть метка и над ним.... — Она поджала губы. — Или над ней... на ней. Ибо кто знает, он это или она?

В палатку вошла ласка Ифира и протянула Сони отмытый от крови нож. Сони отпустил Ифиру и слегка пощекотал ножом нос Гриссы.

— Ты уже сказала, что другие не прочь его заполучить. Не хитри со мной, кончай свои мелкие фокусы, Грисса.

Грисса отодвинула нож в сторонку:

— На нем будет такая отметка. Не знаю, где именно. Посмотри еще на эти две кости. Они легли рядом, на концах устроилась раковина. Это означает поток, реку и место, где те, кто не живет в реке, могут ее пересечь. Видишь?

Сони кивнул:

— Брод. На длинной тропе с севера на юг есть брод, где тропу пересекает река. В стране Цветущих Мхов, пять дней пути отсюда.

Грисса закрыла глаза и принялась раскачиваться.

— Сегодня я увидела, как ястреб ударил голубя над нами в небесах. Их крики раздались, смешались, слились и колоколом отдались в ушах.

Сони вздрогнул:

— Старое аббатство Рэдволл? Где еще здесь можно услышать колокол?!

Жрица не открывала глаз.

— Я думаю, что так. Умом ты скор, о вождь.

Сони грубо схватил Грису за плечо, и глаза ее сразу широко открылись. Он подтянул лисицу вплотную к своей пасти и прохрипел:

— Не говори мне о Рэдволле. Я к нему на милю не подойду. Еще сосупком слышал я об этом проклятом месте.

Он отпустил дрожащую прорицательницу. Размахивая лапами, Сони возбужденно продолжал:

— Ищи дурака! Наслушался я об этом аббатстве. Знаю, сколько завоевателей и полководцев с огромными армиями полегли от этих лесных бестий, которые засели в аббатстве. Даже в старые времена, когда наши прапрадеды еще не родились. И ты о них слышала, и все слышали. Клуни Хлыст, Слэгар Беспощадный и много, много других. Всех разбили, всех убили. Но я тебе назову

имя, которое к ним не присоединится. Это Сони Рат, вождь Юскарата.

Грисса спокойно, чтобы утихомирить разбушевавшегося главаря, проговорила:

— Умерь свой гнев, о вождь. Звук колокола — лишь предупреждение. Остерегайся звона колокольного, держись подальше от аббатства красного.

Сони метко плюнул в пламя.

— Да зачем мне такое предупреждение? Я и без всяких предупреждений туда не сунусь. Ты мне лучше скажи, при чем тут вообще аббатство Рэдловл?

Грисса собрала свои колдовские принадлежности и метнула их снова. Вглядевшись, она указала пальцем:

— Три кости, что легли квадратом с тем красным камнем в центре... Вот, смотри. — Она приподняла красный камушек. Из-под него тотчас выбежал муравей и зашпешил по косточкам. Жрица торжествующе улыбнулась. — Так вот, сие бесспорно означает, что Тагеранг — существо аббатства.

Сони подставил лапу, и муравей тут же забежал на нее. Хорек поднял лапу к глазам, следя, как насекомое бежит вокруг когтя.

— Что за существо? Какое существо?

Грисса озадачилась.

— Кто может это знать? — Она исследовала отпечаток лапы Сони на песке. — Пять дней пути отсюда, у брода, где вода тропу смывает. Там ты узнаешь, что за существо...

Сони встал и похлопал себя по животу.

— Мне лучше. Распорядись, чтобы снимались тотчас. Сейчас же, на ночь глядя, и пойдем. Заполучить Тагеранга — чего еще желать... Юскарат одолеет дорогу за четыре дня. Лучше прибыть раньше, вдруг другие жрицы тоже сообразят. Всех прикончу, кто к броду сунется!

Скажи там, чтобы пошевеливались, не то оставлю здесь... как Гривена оставил, тем же способом.

Гривисса смотрела на него почти с удовольствием.

— Ты мудрый вождь, безжалостен ты тоже...

Сони задержал ее еще раз:

— Да, вот еще что... Заполучив Тагеранга, быстро возвращаемся на берег. Никто в Рэдволле не должен пронюхать, что я его забрал. Если легенды о них хоть наполовину не врут, то эти, там... могут страшно отомстить. Не нужны мне с ними неприятности.

Он махнул лапой, отпустив наконец свою жрицу. Муравей при этом сорвался с лапы и упал в миску с водой. Сони этого не увидел, но муравей поплыл! Он доплыл до края миски, выбрался из нее и убежал.





Дрогг Копейщик, хранитель погребов аббатства Рэдволл, взъерошил мягкие иголки на головах Эгберта и Флоберт, своих ежат-внучат:

— Молодцы, вот видите, выучили правильно.

Ежата уселись возле деда на опрокинутой тачке. Все трое наслаждались весенним после-полуденным солнцем. Дрогг развел лапы, указывая на окружающий их сад:

— Видите? Для вас все растет и расцветает. Деревья в цвету, овощи и фрукты поспевают — после дождей все в рост пошло. Летом будет

иголкам работа. Яблоки, груши, сливы, клубника, черника, разные другие ягоды. Вон салат растет, у смородиновой изгороди. А вон редиска, огурцы, кресс, лук... В землю только посади — все вырастет быстро-быстро. Ну, большие деревья в лесу, ясное дело, растут медленнее, как и мы. А живут намного дольше, чем мы.

Ежата внимательно слушали, рты их были заняты сладкими каштанами. Дрогг увлекся, перешел на рассказ об аббатстве.

— Деревья, кустарники, живые существа — все они рождаются и умирают, приходят и уходят. А вот наше старое аббатство, подумайте только! Гляньте на этот чудесный красный песчаник. Сияет, аж светится, как красные розы в закатном солнце. Ни один нарушитель спокойствия не может проникнуть сквозь эти мощные стены и башни, сквозь наши ворота. Я и сам не знаю, когда появилось наше аббатство. Похоже, оно стоит здесь целую вечность и еще один день. Колокольня, колонны, Большой зал, Пещерный зал, кухни, спальни... и погреба тоже.

Флоберт в поисках чего-нибудь вкусенького засунула крохотную лапку в карман дедова передника. Обычно там можно было что-то отыскать.

— Деда, а ты тут тоже целую вечность и еще один день?

Дед улыбнулся и покачал большой шипастой головой:

— Нет, конечно нет. Но все ж дольше меня в аббатстве, пожалуй, только матушка Крегга.

Эгберт тоже запустил лапку в дедов передник.

— Крегга-барсучиха? Она очень старенькая, да?

Дрогг задумался, пожевал травинку.

— Надо подумать. Крегга — последняя из прежних, как говорят. Она, должно быть, старше иных деревьев. Великой воительницей была, да зрения лишилась в древней битве. Брат Хобен, архивариус, говорит, что

Крегга пережила настоятельницу Песенку. Давно это было. Он говорит, что она знала Арвина Воина, знала моего прадеда Гургана, когда меня еще на свете не было. Вот и подумай сам, какая она старая.

Эгберт широко раскрыл глаза, стараясь вычислить возраст Крегги на ежиный манер, при помощи иголок на голове.

— Ф-фу! Ей сорокнацать тысяч сезонов.

Дрогг подождал, пока ежата выудят из кармана остаток засахаренных каштанов, и медленно поднялся.

— Правильно сосчитал, молодец. А теперь мне пора. Надо открыть бочонок Октябрьского эля для заседания совета. А вы, сорванцы, не хулиганьте, одежду не пачкайте, не то ваша матушка ее отчистит прямо на вас, печным совком. Поинтересуйтесь, как дела у выдренка Филорн. Я вас еще увижу попозже.

Ежата развеселились, представив, как мать будет их шлепать печным совком. Конечно, ничего подобного от мамы ожидать нельзя. Она добрая. Самым суровым наказанием для рэдловльских малышей было раннее укладывание спать.

Дрогг удалился, а малыши соскочили с тачки и понесли по саду. Чуть подалее крошка-крот исследовал заросли черники, внимательно осматривая розовые шарики цветочков. Подняв в знак приветствия толстый копающий коготь, он заговорил с сильным кротовым акцентом:

— Хурр, привет, черники нет. А вы ее видели?

— Мама говорит, что от зеленой черники может заболеть животик, — мудро предостерегла малыша Флоберт.

Гундил — так звали кротеныша — лишь презрительно двинул коротким толстым хвостом.

— Ху-урр. Моя мама то же самое говорит, а мне все равно хочется черники, даже зеленой. Да только тут

никакой нет, хурр. — Он вывалился из черничника и спросил: — А вы куда?

Эгберт показал на аббатство:

— Мы идем смотреть, родился выдренок у Филорн или нет еще. Пойдешь с нами?

И они втроем направились к аббатству. Малыши вошли внутрь и оказались в Большом зале, где их поджидало любимое развлечение. В громадном пустынном зале они принялись прыгать в косых колоннах солнечного света, проходящего через цветные стекла высоких витражей.

Малютка Гундил прикрыл глаза лапой и гукнул басом:

— Хурр-хурр-хурр! Я весь пурпур-р!

Флоберт вертелась в столпе янтарного цвета.

— А я ежиха золотая, вся из золота литая!

Эгберт выбрал аквамарин.

— Топу, спасайте, все сюда-а! Здесь глубокая вода-а! Бульк!

Флоберт и Гундил с готовностью бросились на помощь. Вытащив «утопающего» на сушу, они вместе со «спасенным» направились вниз по лестнице, ведущей в Пещерный зал, где полным ходом шли приготовления к заседанию советников. Брат Бобб, старая белка, вымел вон малышей камышовой метлой.

— Марш, марш отсюда, разбойники! Здесь на вас еще наступит кто-нибудь в спешке. Поиграйте где-нибудь в другом месте!

Он затопал ногами и сделал вид, что сейчас погонится за малышами. Тем очень нравились догонялки, и они стремглав пустились прочь. Бегом поднявшись до площадки спален, они остановились. Гундил уставился вниз, потом похлопал лапой по своему бархатистому носу и пробурчал:

— Хурр, теперь брат Бобб не догонит, хурр.

Дрожащий от возбуждения Эгберт указал на дверь:

— Спрячемся под кроватями!

Гундил влез на спину Эгберту, но дотянуться до дверной ручки все равно не смог. Флоберт пыталась влезть на них обоих, но в этот момент кто-то изнутри открыл дверь.

Все трое кувырком вкатились в комнату, в центре которой стояла улыбающаяся выдра Филорн.

— Так-так. Чем обязаны удовольствию видеть вас?

Гундил почтительно потер нос:

— Хурр, мы хотели узнать, мэ, есть уже маленький или еще нету.

В углу помещения малыши увидели сплетенную из камышовых стеблей колыбельку, возле которой стояли Риллфлаг, муж Филорн, их маленькая симпатичная дочка Мгера и древняя матушка-барсучиха Крегга. Мгера поманила троицу гостей поближе:

— Он родился сегодня утром. Посмотрите, какой хорошенький.

При виде громадной Крегги малыши невольно попятились. Слепая барсучиха почувствовала их испуг и засмеялась негромким рокочущим смехом. Повернув к ним голову, Крегга почти шепотом пригласила:

— Подойдите, не бойтесь. Он не кусается. И я тоже вас не укушу. Это Гундил и внучата Копейщика, так ведь?

Флоберт послушно направилась к колыбельке, за ней потянулись и Эгберт с Гундиллом. Они встали на цыпочки и уставились на новорожденного. Выдреныш тоже прошелся по ним сонным довольным взглядом. Шерсть на его щеках была еще нежной, как пух, а из открывшегося в зевке рта высунулся розовый кончик языка.

Мгера погладила лапу новорожденного брата:

— Правда, хорошенький?

Риллфлаг погладил сына по голове:

— А имя его — Дейна. У моего древнего предка, воина по имени Дейна, был такой же знак, как у этого парня, смотрите.

Он повернул лапку новорожденного. Такая же черная, как и три остальные. Но украшена розовой отметиной, напоминающей по форме четырехлепестковый лист клевера. Причем один лепесток тоньше трех остальных. Гундил потрогал отметину:

— Хурр, как цветочек. Можно, он побежит с нами играть?

Риллфлаг улыбнулся и покачал головой:

— Он пока еще не бегаёт. Попозже, в следующий сезон.

Филорн достала с полки коробку с засахаренными фруктами и угостила малышей.

— Вы еще подружитесь с Дейной и наиграетесь вволю. А теперь бегите, поиграйте пока без него.

Слепая барсучиха постучала лапой по лбу:

— Да, не забыть бы про заседание совета. Ну, вот вы трое и поможете мне справиться с лестницей. Только не спешите. Мои старые лапы за вашими не успеют.

— Хурр-хурр, не беспокойтесь, мэм. Мы осторожны...

Пряча улыбку, Крегга позволила им вцепиться в ее одежду и повести к двери.

— Спасибо, спасибо. Молодцы!

Когда Крегга с провожатыми удалилась, Мгера вынула своего братца из колыбельки и, подражая матери, зашагала с ним по комнате, приговаривая:

— А кто у нас вырастет большой и сильный, станет настоящим речным волком, как папа?

Риллфлаг покачал головой:

— Он не станет настоящим речным волком, пока спины его не коснулась бегущая вода.

Филорн взяла младенца из лап дочери и прижала к себе.

— Но он ведь еще слишком мал...

Риллфлаг фыркнул:

— Вовсе нет. Мой отец отнес меня к реке сразу после рождения. И Мгеру я окунул в реку точно так же. Спину Дейны должна омыть бегущая вода!

В голосе Филорн чувствовался оттенок мольбы:

— Такой маленький... Может быть, можно смочить его спинку в пруду аббатства, там, где мелко...

Риллфлаг возмутился:

— Пруд аббатства — не поток, вода его не бежит к морю. Подходящее место — брод, где поток пересекает тропу.

— Можно мне с тобой, отец? Я понесу Дейну.

Риллфлаг потрепал дочь по плечу:

— Не стоит. Ты лучше помоги матери дома. Этот маленький разбойник ничего не весит, что уж тут нести! А на реке мы с Дейной раков наловим, нарвем длинного, вкусного кресса да перца речного.

Филорн понимала, что спорить бесполезно. Иногда ее муж бывал непреклонен.

— Отец прав, Мгера. Ты его только удержишь. А мы тем временем, пока они сходят к реке, организуем крестины. Настоящие крестины устроим, когда отец сделает нашего Дейну речным волком. Когда ты собираешься на реку, дорогой?

Риллфлаг вытащил старый походный плащ и сделал из него наплечную петлю, чтобы нести малыша. Взял прочное копьё с ясеневым древком, которое могло послужить и дорожным посохом.

— Как только ты соберешь провизию для двух воинов. На три дня хватит. Мы не будем рассиживаться на обочинах, правда, Дейна?

Малыш пискнул на руках у матери.

— Вот видишь, он со мной согласен, — кивнул Риллфлаг. И они дружно рассмеялись.

Внизу, в Пещерном зале все было готово для заседания совета Рэдволла. Кротоначальница Брулл, барсучиха Крегга, брат Хобен, брат Бобб, сестра Алканет и Дрогг, хранитель погребов, сидели за накрытым столом. Брат Хобен, записывающий имена, указал на незанятый стул:

— А где Риллфлаг? Кто-нибудь его видел?

Крегга, принимая кубок с элем, пояснила:

— У него дела. Какая-то церемония с новорожденным. Вы ведь знаете, как он серьезно относится ко всяким ритуалам и традициям. Во всяком случае, он просил передать свои извинения.

Брат Бобб постучал поварешкой по столу и провозгласил:

— Тогда начнем! Сестра Алканет?

Сестра Алканет, сухощавая, серьезная, даже суровая мышь, чопорно поклонилась присутствующим и начала:

— Друзья, наше аббатство уже слишком долго живет без настоятеля. Не пора ли принять меры для исправления ситуации? У кого будут предложения по данному вопросу?

Кротоначальница Брулл подняла здоровенный копающий коготь. Редкий случай для кротов — самка-кротоначальник, но Брулл была тверже камня и переполнена здравым смыслом.

— Хурр, а это очень важно? Крегга и так прекрасно справляется.

Послышалось всеобщее одобрительное бормотание. Прежде чем сестра Алканет смогла что-нибудь сказать, Крегга выступила сама:

— Как вы все знаете, я не настоятельница и никогда не хотела стать настоятельницей. Но случилось так, что после старой аббатисы Песенки я приняла на себя ее обязанности. Я намного всех вас старше, я слепа, часто болею и сплю чуть ли не днями напролет. Но Брулл

права, аббатство живет, а я лишь иной раз что-то присоветую... Народ у нас надежный, добросовестный, каждый свое дело знает. Тут и не надо часто вмешиваться. Но я тоже не вечная. Если вас устраивает старая слепая барсучиха, то я согласна, чтобы все оставалось как было, что ж...

Советники дружно зааплодировали, а сестра Алканет, известная страстью к решению сложных вопросов, снова подняла лапку.

— Рэдволлу нужен защитник вроде Мартина Воителя.

Брат Бобб нетерпеливо фыркнул и повел поварешкой в сторону сестры Алканет.

— Сестра Алканет, дорогая, Рэдволл силен и крепок. Всякая нечисть, тираны и завоеватели всегда разбивали лбы о наши стены. Все они знают, что наше аббатство для них слишком крепкий орешек, не по зубам. Нет такого олуха, который решился бы потягаться с нами. Поэтому нет нужды в отчаянных воинах и острых мечях.

Алканет вскочила и забарабанила лапами по столу, возражая:

— Но всегда ли так будет, брат? Что, если наступит день, когда мы проснемся и увидим врага у наших стен, и не будет храбреца, чтобы организовать защиту аббатства? Что тогда? Что?

Лапа Крегги грохнула по столу, прекратив спор.

— Спокойно! Мы все-таки считаемся солидными советниками, а не детишками-забияками. Брат Бобб, вам, пожалуй, действительно стоит вернуться на кухню. Жаль будет, если пудинг подгорит. А вам, сестра Алканет, я отвечу, что воители в аббатстве всегда появлялись, когда в них возникала нужда. И не нам их назначать. Меч Мартина висит вместе с его портретом в Большом зале и провисит там до появления следующего воина. Когда аббатству будет угрожать опасность,

дух Мартина вселится в какого-нибудь юного рэдволльца и он — а то и она — снимет этот меч со стены для защиты родного аббатства.

Сестра Алканет приблизилась с элем, и Крегга прошептала ей:

— Не хмурьтесь, дорогая, улыбнитесь. Гораздо приятнее выглядеть довольной.

Удивленная сестра Алканет попыталась согнать с лица недовольную гримасу и улыбнуться. Крегга дружески потрепала ее лапу и прошептала:

— Спасибо, Алканет. Так гораздо лучше.

Ароматы цветов и трав висели в почти неподвижном ночном воздухе. Риллфлаг размеренно и энергично шагал на север по старой тропе, посматривая на усеянное звездами небо. Мешок с провизией через плечо, в одной лапе копьё, другая покоится на старом плаще, из которого сделана походная колыбель для новорожденного сына. Издалека доносится звон двух колоколов Рэдволла, Матиаса и Мафусаила. Колокола пробили полночь.

Дейна слегка пошевелился и тихо заворчал во сне. Риллфлаг почувствовал, как его переполняет восторг, и замурлыкал для сына старинную мелодию. Как прекрасна жизнь!





В половине дневного марша от брода, на северном берегу потока Сони Рат остановил свою стаю. Утренние лучи солнца, пробиваясь сквозь ветви деревьев, упали на усталых, потрепанных путников. Совсем иначе выглядел сам Сони. Свежий и энергичный, в простой кожаной накидке, перепоясанный латунной цепочкой, из-под которой торчал его знаменитый нож, он был готов ко всему. Единственное украшение — черная полоса по лбу и носу с двумя рядами красных точек с обеих сторон.

— Спиногрыз, остаешься здесь со стаей. Грисса, Ифира, Даграб, Фелч, Ребро, Вологлучник — со мной. Помни, Спиногрыз, за

все отвечаешь. Никаких костров, никаких палаток и навесов, никому не спать, все остаются наготове. Снимемся мгновенно. Антигра, Веррул, заметаєте следы. К морю пойдём на запад. Надо говорить, что будет с нарушителями? Все понятно?

Быстрый, пронизывающий взгляд Сони скользил по подчиненному зверью. Выхватив нож, Сони ткнул им себе в ухо и вызывающе добавил:

— Видите, как легко я проливаю собственную кровь? Вашу кровь пролить мне еще легче. Не забывайте это. — И он обратился к шести избранным: — Пошли. Наша задача — добыть Тагеранга.

Удивленный Риллфлаг уложил своего детеныша на мягкий береговой мох, бормоча себе под нос:

— Да-а, ты настоящий речной волк. Ты ведь чуть от меня не уплыл! Не видел и не думал, что такой сосунок может плавать! Мгера вопила, когда я ее сунул в воду, все птицы со страху поулетали. А ты, Дейна, даже не пикнул.

Он слегка пощекотал живот младенца. Тот изогнулся и укусил лапу отца крохотными молочными зубами. Риллфлаг захохотал, осторожно освобождая лапу.

— Ха-ха-ха-хо-хо! Ах ты, мелкая акула! Ты б и рыбу цапал, если бы подвернулась, да?

Дейна явно боролся со сном, хлопал глазами и громко зевал. Риллфлаг между тем уловил движение воды на мелководе брода.

— О, а вот и раки. Наша законная добыча. Ну, охотник, наблюдай за мной, учись у старика-отца.

На противоположном берегу спрятавшийся за стволом упавшего вяза Сони подтянул Гриссу поближе и зашептал:



— Какой же это Тагеранг? Здоровенная выдра, уже взрослая. Что теперь делать?

— Это, — лисица неопределенно повела лапой в сторону выдры в воде, — не относится к моему видению. Ты вождь, решай, что делать с ним, он вне моих прозрений.

Лис Фелч, крыса Даграб и Волог-лучник спрятались на другом берегу. Сони проскользнул поближе к ним и помахал через реку Вологу. Он указал на Риллфлага и изобразил обеими лапами выстрел из лука. Волог кивнул. Несложная задача для умелого лучника.

Риллфлаг увлекся раками и слитком поздно заметил хоря с луком на изготовку, выросшего на берегу. Волог мог попасть стрелой мухе в крыло, что уж говорить о такой прекрасной мишени, как громадная выдра! В следующее мгновение мертвый Риллфлаг со стрелой в сердце упал в мелкую воду брода.

Фелч и Даграб рванулись к убитому. Лис чуть не споткнулся о лежащего во мху детеныша выдры и резко затормозил. Он протянул лапу к выдренку, но Дейна зарычал и свирепо укусил его до крови. Фелч взвыл и выхватил топор.

— Ах ты... Кусаться?

Сони неся к месту происшествия, фонтанами разбрызгивая воду, когда увидел, как Фелч поднял топор. Молнией сверкнуло лезвие ножа, и Фелч растянулся в воде рядом с выдренком. Нож вождя пригвоздил его правую лапу к рукояти топора. Подоспевший вслед за ножом Сони наступил на запястье Фелча, вытащил свой нож и угрожающе прошипел перепуганному лису:

— Счастливый у тебя сегодня день, Фелч. Я тебе дарю жизнь. Но если ты косо глянешь на этого младенца, я тебе прорежу новый рот, как раз поперек твоей глупой шеи, на глотке.

Сони подобрал плащ Риллфлага и завернул в него детеныша, только смеясь попыткам его сопротивления:

— Давай, давай, молодец!
Волог кивнул на труп выдры:
— А с этим что, вождь?
Счастливый Сони улыбнулся лучнику:
— Спихни его в реку. Пусть плывет к морю и исчезнет навсегда. Отлично сработал, Волог! Прекрасный выстрел!
Волоча концы плаща по воде, Сони прошлепал обратно к Гриссе.
— Ну, Грисса, мы это искали? Говори поскорей.
Жрица распахнула плащ и осмотрела Дейну. Подняв правую лапу детеныша, она показала отметину Сони.
— Взгляни, о вождь.
Четкая и ясная розовая родинка. Четырехлепестковая отметина.
— Значит, то, что мы искали?
Вместо ответа жрица взяла лапу Сони и положила на ступни младенца.
— Занн Юскарат Тагеранг! — торжественно произнесла она.
— Тагеранг. Могучий воин нашей стаи, — отозвался Сони.

Спиногрыз спрыгнул со своего наблюдательного поста в кроне дуба.

— Сворачивай стоянку! Сони близко! Живей, живей! Снимаемся!

Быстро и тихо бродяги приготовились к уходу. Готовить-то было нечего, разве что пожитки подобрать. Тут появился и Сони со своим сопровождением. Сони подключился к подбадриваниям Спиногрыза:

— Давай, давай! Уходим!

Чтобы добавить им резвости, Сони пригрозил:

— Дождетесь армии из Рэдолла! А они пленных не берут.

Сони отходил в самом хвосте, двигался спиной вперед, следя за работой еще двоих, заметавших следы и сыпавших по тропе отхода пахучие травы, чтобы скрыть запахи стаи. Антигра чувствовала на себе взгляд Сони. Она шла, согнувшись, одной рукой придерживая детеныша, висевшего за спиной.

Из-за спины Сони послышался звук. Это ворчал засыпавший Дейна. Антигра чуть подняла голову и встретила глазами с вожаком.

— Да, у меня за спиной Тагеранг. Знаешь, как зовут его Юска? Занн Юскарат Тагеранг. Хочу услышать это от тебя, Антигра.

Антигра сверкнула глазами и крикнула:

— Занн Юскарат Тагеранг!

Улыбка на морде Сони была страшнее, чем угрожающая гримаса. Антигра почувствовала, что ее бьет дрожь, когда Сони взялся за рукоять ножа.

— Занн. Великий воин. И не может быть никого другого с таким именем. Можешь назвать своего Грувеном в память о дураке-муже. Или я вас обоих здесь где-нибудь и зарюю.

Антигра отвела взгляд.

— Пусть будет Грувен, — послушно произнесла она.

Десять раз зашло солнце над Рэдволлом с тех пор, как Риллфлаг отправился в свое роковое путешествие. Старый Хорг, седой привратник-соня, высоко поднял свой фонарь. К нему подошли восемь выдр и Командор. С затянутого тучами неба упали первые капли, и Хорг натянул капюшон.

— Да, дождичек будет неплохой. Да еще, чего доброго, и с ветром. Ну как, Командор, хоть что-нибудь обнаружили?

Командор запер ворота. Перекинув дротик за плечо, ответил на вопрос:

— Ни следа. А этот дождь нам шансов, конечно, не прибавит.

Когда пришедшие уселись вокруг кухонного стола, в небе ярко сверкнула молния. Командор дождался рокотания грома и предположил:

— Должно быть, к полуночи доберется до нас.

Брат Бобб суетился вокруг толстого бельчонка-подростка, толкавшего тележку, нагруженную пищей.

— Осторожнее, Брогл, не расплещи суп. Внимательнее, здесь ямка в полу, объезжай ее.

Командор уставился на беднягу Брогла, нахмурился и показал ряд стиснутых в шутливой угрозе зубов.

— Кто это собирается расплескать драгоценный суп?

— Н-н-нет, сэр, н-н-е расплескал н-н-ни капли, сэр.

Командор расплылся в ухмылке, потрепал поваренка по плечу:

— Вот и отлично. Наливай нам и себя не забудь.

Брогл вовсе не обрадовался приглашению.

— Н-н-нет, сэр, он для меня слишком г-г-горячий. И острый. Я сделал, как вы любите.

Трапеза состояла из супа, лукового хлеба к нему и холодного чая из мяты и одуванчиков. На десерт Брогл подал громадный фруктовый пирог с ежевичным квасом.

Подошли Крегга и кротона начальница Брулл. Лишь один вопрос задала Крегга:

— Ничего не нашли?

Командор покачал большой, отмеченной многими шрамами головой:

— Очень жаль, мэм, но ни следа. Уже десять дней. Все уже думают, что они пропали с лица земли. Где Филорн и дочка малая, Мгера? Они обычно нас встречали.

Кротона начальница барабанила когтями по столу:

— Хурр. Скорбят, бедняги, у себя в комнате. Плачут, убиваются. Они слышали, как вы пришли, как ворота за-

крылись. Но понимают, что снова с пустыми руками. Поэтому и не спустились, не вышли.

Командор отодвинул тарелку:

— Сердце разрывается, мэм. Уж мы искали, искали... Мне каждая травинка у брода известна, каждый камень знаком. Хвост бы дал себе отрезать, лишь бы их найти.

Крегга подняла лапу и прикоснулась к плечу Командора.

— Я знаю, Командор. Ты истинный друг и отличный следопыт. Может, когда-нибудь... — Крегга замолчала.

— Ох, мэм, понимаю, — кивнул Командор. — Может, когда-нибудь кто-то наткнется на их кости. Но и тогда мы не будем знать всей правды. Завтра снова пойдем искать, уж шторм там или тихо будет. Риллфлаг мне друг. И если он погиб, я найду его кости. — Лапа Командора сжала древно дротика, глаза сузились. — Если же он и его дитя убиты, то я найду этих мерзавцев, клянусь. Никто бы не выстоял против Риллфлага один на один. Тем отчаяннее дрался бы он, защищая жизнь детеныша. Если он убит, то убит из засады, ставлю дуб против желудка.

Сестра Алканет прислушивалась к разговору, стоя у лестницы. Теперь она вошла в кухню и остановилась у стола.

— У меня есть предложение. Может быть, вместо того чтобы искать Риллфлага и дитя, прочесать лес в поисках тех, кто мог их видеть? Кого найдете, доставьте сюда, а мы их расспросим. Может быть, что-нибудь и узнаем.

Брогл, появившийся с тележкой, чтобы убрать со стола, присоединился к сестре Алканет:

— Х-х-хорошая идея, с-с-сестра. Й-й-я тоже так д-д-думаю.

Командор пожал плечами:

— Что ж, мы искали и ничего не нашли. Может быть, ваша идея работает, сестра.

Крегга поднялась из-за стола, вежливо подавив зевок.

— Пусть будет так. Вам нужна какая-нибудь помощь, Командор?

Командор провел лапой по своему мощному, похожему на весло хвосту.

— Если погода наладится, с утра и начнем. А если найдутся добровольцы, я не откажусь от помощи.

— С-с-эр, я д-д-доброволец! — загорелся Брогл.

Брат Бобб запротестовал:

— Нет-нет, ты нужен здесь, на кухне, нечего тебе бродить по лесам.

Слепая барсучиха протянула лапу и потрепала ухо Брогла.

— Не стоит подавлять желание помочь. Пусть он идет, брат.

Командор хмыкнул и вложил в лапу поваренка свой тяжелый дротик.

— Прекрасный боевой дух, друг. Уверен, мы подружимся.

Брогл покачнулся, пытаясь не уронить оружие, и браво заявил:

— П-п-пусть враг ос-с-стерегается нас!

Крегга, осторожно направляясь к двери, обратилась к храброму помощнику брата Бобба:

— Горе негодьям, которые попадутся тебе на пути! Но, Брогл, ты уж и за Командором проследи, ведь он не такой лихой воитель, как ты.

Гром громыхнул над аббатством в тот самый момент, как вспыхнула молния. Крегга медленно продвигалась к лестнице в спальни, по привычке ощупывая стены, в которых ей был знаком каждый камень. Вдруг сквозь грохот дождя по кровле и стеклам она уловила какой-то иной звук. Кто-то плакал у дальней стены, завешенной гобеленами.

Сделав несколько осторожных шагов, старая барсучиха наконец прикоснулась вытянутой лапой к заплаканной физиономии. Притянув плачущего к себе, Крегга обняла его и погладила по голове.

— Мгера, дорогая, я думала, что ты наверху, с мамой. Что ты ищешь тут внизу совсем одна?

Мгера позволила барсучихе вытереть передником слезы.

— Мама поняла, что ни папу, ни братика не нашли, и плакала, пока не заснула. Я тоже заснула, но гром разбудил меня. И я сошла вниз, чтобы спросить Мартина Воителя. Может быть, он знает, что случилось с ними.

Крегга прикоснулась к шпалерам, вытканым многими искусными руками. Мартин, герой Рэдловла... Храбрейший из храбрых... Изображен во весь рост, в доспехах, с большим мечом, а во все стороны от него разбежались испуганные враги. Лицо Великого Воина мужественное, но доброе, и где бы в Большом зале ни стоял наблюдатель, он чувствовал на себе взгляд Мартина Воителя.

— Бедняжка... Ну и как, сказал он тебе что-нибудь?

Мгера вытерла лапой глаза:

— Н-нет. Я стояла и слушала, но ответа не было. И вдруг я почувствовала себя печальной и счастливой только оттого, что смотрю на него. Я решила последний раз выплакать все слезы. Не надо тратить время на слезы. Буду помогать матери как могу. Мне показалось, что Мартин велел мне быть сильной. Это все глупости?

Крегга почувствовала эмоциональный подъем. Она мысленно поблагодарила Мартина.

— Нет, малышка, это не глупости. Храбрость и доброта не могут быть глупостью. Ну а раз у тебя есть желание помогать, начни сейчас же. Проводи меня в мою комнату.

Мгера слабо улыбнулась:

— Вы со мной шутите, мэ. Никто не знает аббатства лучше вас. Какая вам от меня польза?

Крегга похлопала Мгеру по плечу:

— Я не посвящаю в свои секреты всех и каждого, но тебе можно сказать. Видишь ли, я очень старая барсучиха, и все обращаются ко мне за советом, особенно по делам аббатства. И никто никогда не поинтересуется, а нужно ли мне самой что-нибудь. Чем старше я становлюсь, тем нужнее мне друг.

Мгера крепко сжала большую лапу Крегги:

— Я ваш друг, мэ. Навсегда.

Крегга открыла дверь своей комнаты и впустила Мгеру. Ливень неистово колотил в окно. Барсучиха тяжело прошагала к своему массивному мягкому креслу и рухнула в него со вздохом облегчения. Мгера уселась на обширном подлокотнике.

Крегга взгромоздила ноги на шкафчик.

— В этой комнате жила когда-то аббатиса Песенка, настоятельница Рэволла. Мы с нею были большими друзьями. Она умерла еще до рождения твоей матери. Я с удовольствием вспоминаю о ней. Она все время пела, имя очень ей подходило. Если бы она нас сейчас здесь увидела... Знаю, что бы она сказала.

— И что бы она сказала, мэ?

— Она бы сказала, что если эта юная особа мой друг, то можно бы и оставить эту присказку «мэ», что друга можно и по имени назвать. И еще бы она сказала, что развеять печаль лучше всего, устроив пир на весь мир.

Мгера непонимающими глазами уставилась на старую барсучиху, но уже через секунду воскликнула:

— Прекрасная идея, Крегга! Давай устроим большой праздник. Через шесть дней появится новая луна, наступит лето. Чем не причина для праздника?

Вспыхнула молния, осветив серебристые полосы на морде барсучихи.

— Прекрасная причина, лучше не придумаешь, — согласилась Крегга. — Смена сезона всегда отмечается праздником. А как мы его назовем?

— «Лето Дружбы», — хлопнула лапами Мгера.

Крегга забарабанила по шкафчику ногами.

— Великолепно! Отличное название. Значит, так: для праздника нам нужны — кроме еды — игры, танцы, пение, стихи и музыка. Пищу и питье мы предоставим тем, кто в этом лучше понимает, брату Боббу и Дроггу. И завтра с утра начнем готовиться. Этот праздник должен остаться в памяти, так, Мгера?

— Конечно, — с жаром согласилась Мгера. — Мама может помочь брату Боббу. Она замечательно готовит. И это поможет ей прийти в себя.

Крегга не могла дольше сопротивляться усталости.

— Ох, дорогая, мне бы твои годы! — пробормотала она, непроизвольно зевнув.

Мгера подложила подушку под затылок старой барсучихи:

— Отдохни, Крегга. Ты и во сне увидишь что-нибудь полезное. Утром увидимся.

Прислушиваясь к осторожным шагам Мгеры, пробирающейся по коридору к комнате матери, Крегга пробормотала, уже засыпая:

— «Во сне увидишь что-нибудь полезное...» Мудрая малышка — моя юная подруга. Как раз то, что нужно Рэдловлу... Мудрость...



Грисса поддерживала огонь в крохотной береговой пещере — островке света в кромешном мраке бурной ночи. Снаружи бродяги, бандиты и воры почтенного сообщества Сони Рата теснились в жалких убежищах, сооруженных на скорую лапу и чаще всего представлявших собой кусок холстины, натянутый па копы и ветки. Закусив тем, что удалось добыть в пути, зверье ежилось под навесами и в палатках, проклиная непогоду и надеясь, что рассвет принесет облегчение.

В теплой и сухой пещере Сони Рат доедал вареную плотву, которой Грисса кормила детеныша. Сони следил за

выдренком почти отеческим взглядом.

— Глянь-ка на негодяя. Спит как настоящий речной разбойник. А как он рыбу рвал! На аппетит не жалуется.

Грисса снова повернула лапу младенца и посмотрела на четырехлепестковую отметину.

— Интересно, как судьба определила, кому быть Тагерангом. Выбор ее пал на выдру.

Сони повертел в лапах свой нож, взял его за кончик лезвия и сунул рукоять в лапы выдренка. Дейна, не просыпаясь, вцепился в нож крохотными лапками. Сони скосил глаза на жрицу:

— Интересно, да, но выдры мощные и хищные: зубы, когти, мышцы да жилы. Да хвост как молот убойный. Жаль, конечно, что не хорек, по судьбе виднее. Мы живем, как ей угодно. Скажи спасибо, что она нам жабу с такой отметиной не подсунула.

Грисса согласно кивнула:

— О да, благодарю судьбу.

Сони все любовался выдренком.

— Глянь, как нож держит — настоящий убийца! Ох, что из него вырастет... Ну и силища будет, помяни мое слово!

Дождь и ветер трепали холстину, натянутую у крутого берега рядом с пещерой Сони. Под навесом укрылась Антигра с детенышем, которого теперь называли Грувен. Туда же втиснулись крыса Веррул и лис Фелч с искалеченной вождем лапой. Веррул в самое ухо лисе горько жаловался на жизнь:

— Не-е, не дело это, приятель. Мы прем палатки на горбу от моря до брода, теперь обратно, а ставить их не велено. Сидим голодные под дождем, под тряпицей, а Сони в сухой пещере сытое пузо греет. А у меня спинушку

ломит, весь день следы заметал, не разогнулся... Не-е, не дело...

Фелч в ответ сунул собеседнику под нос свою лапу:

— Во, глянь. Калека на всю жизнь. Перевязать даже не дал, бегом, бегом... Подорожник сорвал на ходу, приложил, вот и все лечение. Не так глянул на выдреньша. Х-ха, Тагеранг! Где это видано, выдра — и вдруг Тагеранг. Но погоди, Веррул, погоди. Сони мне еще за это заплатит, увидишь.

Антигра, закрыв глаза, покачивала своего детеныша, стараясь не обращать внимания на бессильное нытье соседей. Она пыталась разобраться, о чем говорят Сони и Грисса в пещере. Сони как раз распространялся о славном будущем выдреньша.

— Подрастет — я обучу его всему, что сам знаю. Нож, когти, зубы. Никогда не показывать спину врагу. Волог научит его стрелять из лука. Малыш будет быстрее и свирепее, чем мой отец. Он приносит счастье: с тех пор как он с нами, у меня живот больше не болит.

Грисса уставилась в костер, стараясь прочитать вести судьбы по языкам пламени и узорам золы.

— Да, о вождь. Удача сопутствует Юска. Благо тому, кто следует предзнаменованиям. Скорость, скорость, быстрота — вот чему надо учить младенца. Дай ему краткое и быстрое имя, чтобы он об этом помнил.

— Таг! — тотчас отозвался Сони. — Мы будем звать его Таг.

Грисса извлекла из своего мешка несколько вещей.

— Пора произнести над ним древние слова. Прикрой глаза, о Сони, когда я пламя лапой осеню.

Жрица положила в изголовье младенца перо ястреба, кусочек кремня и блестящий череп шуки. Протянув лапу над костром, она разжала ее — и пламя вдруг вспыхнуло ярким синим светом. Грисса начала декламировать:

Кто бежит быстрее ветра,
Как по воздуху идет?
Кто застынет словно камень?
Кто и вора обкрадет?
Тагеранг! Таг! Тагеранг!

Щуки кто в воде быстрее?
Чей блестит на солнце мех?
Сокола чей глаз острее?
Кто убийца вся и всех?
Тагеранг! Таг! Тагеранг!

Сони внимательно следил, как жрица рисовала метку его шайки на морде спящего младенца. Черная полоса, с обеих сторон красные точки. И маленькая синяя молния на левой щеке — знак избранного. Малыш даже не шевельнулся. Сони прилег рядом, на тот же плащ. Грисса, не ведавшая никаких проявлений нежности вождя к кому бы то ни было, молча удивлялась, слыша бормотание вождя:

— Занн Юскарат Тагеранг. Таг... сынок...

Снаружи, под брезентовым навесом, Антигра слизывала кровь с прокушенной губы.

— Бери имя моего ребенка, бери жизнь его отца. Я сильна, вытерплю. Долго могу терпеть. Но однажды я заберу все обратно и прибавлю титул Тагеранг к имени моего сына. Надеюсь, Сони Рат, у тебя хватит сил, хватит сил вынести медленную и мучительную смерть твоего нового сына Тага и твою собственную. Этот день придет, клянусь памятью покойного Грувена.

Над Лесом Цветущих Мхов уже поднималось солнце, предвещая теплое, ласковое утро. Командор выдр быстро вынул свой дротик из лап Брогла и скомандовал своим следопытам:

— Ложись!

Брогл послушно плюхнулся в мокрую траву и прошептал:

— Чт-т-то случилось, К-к-командор?

— Ш -ш-ш... Слушай! — шепотом ответил его наставник.

Странные звуки донеслись до притаившихся разведчиков. Как будто три-четыре музыканта нестройно, но с воодушевлением терзали свои инструменты. Музыка дополнял тенор, фальшиво и не в такт выводящий какую-то песню.

Хрустя ветками и спотыкаясь о корни, по лесу шествовал заяц. Голову его украшал трехконечный шутовской колпак, сохранивший лишь один конец с колокольчиком — средний. Из дырок, оставшихся от двух оторванных концов, торчали заячьи уши, на каждом из которых болталось по маленькому круглому колокольчику. Одежда зайца с трудом поддавалась описанию. К тому же куски этой арлекиновой одежды чуть ли не на каждом шагу отрывались и повисали на кустах, которые задевал лихой путешественник. Неуверенность походки зайца объяснялась очень просто: он волок на себе громадный музыкальный инструмент. На этой штуке были струны, торчали из нее какие-то палки, колокольчики, рожки, дудочки и даже барабан. Наконец заяц поскользнулся и рухнул на спину, но, казалось, этого не заметил, потому что продолжал борьбу со своим музыкальным чудищем и со словами песни, по-прежнему вылетающими изо рта.

Заяц замолк, оглядывая окружившую его со всех сторон команду Командора.

— Вот ведь незадача... к пирожку рифму потерял, во, во...

Подумав, две выдры сняли с зайца придавивший его к земле инструмент. Командор поднял длинноухого одной мощной лапой.

— А скажи-ка мне, давно ли ты в лесу? И не видел ли взрослого выдру с детенышем? Может, каких-нибудь бродяг-разбойников заметил?

Заяц похлопал глазами и ушами, покрутил головой и заговорил:

— Так-так. Я просто иду себе и иду, во. Но выдр, ни больших, ни малых, ни совсем маленьких, на пути не встретил, вы первые, во. Да и разбойников тоже, к счастью, не встречал, извините.

Командор с интересом осматривал странного зайца.

— А не скажешь ли ты нам, дружок, как тебя зовут и что ты здесь делаешь, в глуши лесной?

Заяц неожиданно схватил лапу Командора и затряс ее в лапопожатии.

— Дружок — это хорошо, это просто отлично, во. Но звать меня вообще-то Бурак-Дурак, к вашим услугам. Мастер Музыки, Развлекатель-Звукослагатель, Наставник в Мелодике и Лирике. Гонораров не беру, дарю свои таланты по доброте сердца. Нуждаюсь лишь в пропитании, во. Это называется пицца, сэр. Кстати, не знаете ли вы случайно дорогу к заведению, называемому аббатством Рэдволл?

Командор освободился от захвата заячьей лапы и повернулся к брату Хобепу, который тоже присоединился к группе.

— Что вы на это скажете, брат Хобен?

Брат Хобен, архивариус, имеющий доступ ко всем документам аббатства, искренне удивился:

— Впервые слышу. Вас кто-то пригласил, мистер Бурак?

Заяц бесшабашно двинул ушами.

— Да нет, никто не приглашал. Слухом земля полнится, знаете, во. Вы ведь вылечили гуся с поломанным крылом прошлым летом.

— Да, действительно. — Об этом случае брат Хобен помнил, — Он у нас жил, пока сестра Алканет не проводила его в самостоятельный полет.

Заяц вынул из руки Дрогга засахаренный каштан, сунул его в рот и продолжил речь:

— Да, разговорчивый мальи́й этот гусь. Он мне много чего нагоготал, во. И о том, что в аббатстве нет ни зайца, ни ответственного за музыку. Вот я и подумал, что смогу помочь славному аббатству. Пока какой-нибудь другой заяц не перехватил местечко. Конкуренция, знаете, во.

Дрогг потянул Командора за лапу:

— Надо взять его с собой в аббатство. Крегга решит, что с ним делать.

Командор улыбнулся:

— Да, зайцы — хорошая компания, если только не сидят рядом за столом. Конечно возьмем. Если он пойдет дальше один и снова рухнет, то так и останется под своей музыкой. И будет мне по ночам являться, тревожить сон.

Зайцу это решение явно понравилось. Он осмотрелся и, повернувшись к группе выдр, с вызовом ударил лапой по своей хилой грудной клетке.

— Как, ребята, кто-нибудь из вас воображает всерьез, что он сильнее меня?

Все знают, какого высокого мнения выдры о своей силе и ловкости. Двое самых молодых, самец и самка, выскочили вперед.

— Я сильнее! — крикнули оба в один голос.

Бурак с восхищением похлопал их по мускулистым спинам:

— Прекрасно! Две горы мышц, во. Вы сильнее, охотно вам верю. А поднимете мою музыку, если я еще сверху сяду?

— Запросто! — также в один голос отозвались обе выдры.

Командор сразу понял замысел длинноухого и посмеивался в кулак. А заяц завершил свою хитроумную комбинацию:

— Ну, не такой уж я лентяй, я и пешком пройдуся, во. А вы уж поднесите мой инструмент. Ладно?

Командор шагал рядом с зайцем.

— Бурак-Дурак? — спросил он. — Не такой уж ты дурак, друг, как я погляжу. Ну и инструмент же у тебя! Как ты его называешь?

Бурак споткнулся, зацепился за ветку, отцепил свою хламиду и, придерживая ее лапой, ответил:

— Это моя аккордегардия, во. Сам изобрел. Состоит из мандолины, скрипки, барабанов, флейт, рожков и арфы. В мандолине потайное отделение для провизии, во. По причине недостатка везения и избытка аппетита пустое, во, во.

Брогл рысил чуть позади Командора с зайцем, пыхтя под тяжестью командорского дротика. Бурак скосил на него глаз:

— А, друг мой рифмователь. Как зовут вас, юный сэр?

— Б-б-брогл, м-м-мистер Б-б-бурак, с-с-сэр.

— И давно он заикается? — спросил Бурак у Командора.

— Всю свою жизнь.

— Скажи «а-а».

— А-а...

— А теперь дольше: А-а-а-а-а-а-а.

— А-а-а-а-а-а-а...

— Отлично. А теперь спой за мной: «Меня зовут Брогл, мистер Бурак, сэр!»

Командор одобряюще кивнул головой.

Брогл глубоко вдохнул и запел:

— «Меня зовут Брогл, мистер Бурак, сэ-э-эр!»

— Очень неплохо. А ты ничего не заметил, Брогл?

— Н-н-ничего, с-с-сэр.

Бурак поднял лапу:

— Ты не заикался, когда пел.

Брогл засиял от удовольствия:

— П-п-правда?

— Правда! Попробайся петь то, что говоришь, во!

На кухне Крегга с Мгерой, Филорн и братом Боббом размышляли о меню предстоящего пира. Филорн понимала, что остальные хотят ей помочь, и поэтому с готовностью приняла участие в работе.

— Мама, испеки свой яблочный пирог с малиной, — просила Мгера.

Филорн возилась с завязками своего передника.

— Я уже и не помню, как его печь. Да и для яблок еще не сезон, ведь правда, брат Бобб?

Толстяк брат Бобб только усмехнулся:

— Плохой был бы я повар, если б у меня не было запаса яблок с прошлого урожая. Ничего нет лучше наливного красненького яблочка.

— А два наливных красных яблочка все же еще лучше, во, хо-хо-хо!

Все вздрогнули. В кухне появился странного вида заяц. Брат Бобб поудобнее перехватил увесистую поварешку.

— Это еще кто и откуда? — нахмурился он.

Следом за зайцем вкатился Брогл, указывая на него дротиком Командора.

Представить вам имею честь,
Бурак, мой друг, прошу учсть.
Прибывшего прошу пустить,
У нас он хочет погостить.

Мгера рассмеялась и спросила:

— С чего это ты распелся, Брогл?

Звеня бубенчиками на колпаке и ушах, заяц прыгнул к Мгере, отвесил ей церемонный поклон и ответил за Брогла:

— На ваш вполне уместный вопрос, сударыня, сообщаю, что, как вы, конечно, заметили, Брогл не заикается, когда поет, во.

Тут раздался гулкий голос Крегги:

— Стоять смирно, уши вверх, усы равнять, лапы в позицию, хвост торчком! Назвать себя!

Заяц мгновенно отсалютовал и затарабанил:

— Бурак-Дурак, мэм! Б — Бэгскат, У — Углкроп, Р — Рэглуэйт, А — Аркром, К — Крэкуилоу, во.

Крегга поманила зайца к себе и провела лапой по его физиономии и ушам.

— Да! — кивнула она. — Черты Бэгската. Твой дед, Бэгскат Пирожок, служил у меня еще зайчонком, бегал с приказами и донесениями.

Бурак ахнул:

— Деда Пирожок, во! Как же... — Голос его задрожал, когда он понял, перед кем стоит. — Ох, корки и крошки, мэм, во... Вы же леди Красноокая Крегга, правительница Саламандастропа, королева воительница, Краса-Кровавый-Гнев, победительница...

— Стоп, стоп, разболтался! Команды «вольно» не было!

Подошел Командор, наблюдавший от двери. Он стал о чем-то рассказывать барсучихе, которая вытащила об-

ширный платок и, казалось, сдерживала кашель. На самом же деле Крегга пыталась сдержать смех.

Мгера пожалела странного зайца, вытянувшегося в струнку и слегка позвякивавшего колокольчиками.

— Не бойтесь, сэр, все будет хорошо.

Крегга справилась наконец с приступом смеха, вытерла платком глаза и солидно откашлялась.

— Мне сообщили, что ты хочешь у нас стать музыкантом, развлекателем, композитором, лириком и так далее. И я так понимаю, что у тебя рекомендации от прошлогоднего дикого гуся.

— Так точно, мэм! И вы не пожалеете! Вы у меня все запоете и запляшете, от зари до зари, вот увидите, во!

— Спокойно, спокойно, я еще не решила. А чего ты хочешь взамен?

Бурак втянул живот, чтобы казаться существом, которое ничем не питается.

— Взамен, мэм? Лишь местечка, чтобы преклонить усталую голову, да корочку хлеба для пропитания. Я ведь артист и художник, не о хлебе насущном мысли мои.

Крегга повернула голову к Мгере и Филорн:

— Ну как, пригласим мы его, а?

Мгера удивилась, но ответила сразу:

— О, пожалуйста, мэм, оставьте мистера Бурака. Ведь он уже помог Броглу. Мама, мама, скажи...

Филорн улыбнулась и присоединилась к просьбе дочери.

Для зайца раздумье старой барсучихи было невыносимым испытанием.

— Милостивая государыня, — взмолился он. — Умоляю, не оставьте бедного зайца под дождем и снегом.

Крегга побарабанила когтями по столу и кивнула:

— Вот мое решение. Мы принимаем тебя, Бурак, с испытательным сроком в один сезон. Филорн, Мгера, Брогл

и брат Бобб будут за тобой наблюдать. Пища обычная для всех, никаких заготовок и ночных походов в кладовые, узнаю — сразу распрощаемся. Сон и отдых — по обычному распорядку. Согласен на такие условия, Бурак?

В ответ Бурак низко поклонился, кувыркнулся и бросился к своей аккордегардии, которую как раз внесли две молодые выдры. Под дикую какофонию звуков Бурак вдохновенно выкрикивал очередной шедевр.

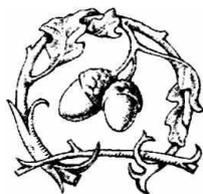
Завершив выступление чарующей улыбкой, он поклонился, потерял равновесие и рухнул под грохот своего инструмента. Кротоначальница Брулл одним копающим когтем растроганно прикрыла глаза, другим поскребла лапу Крегги.

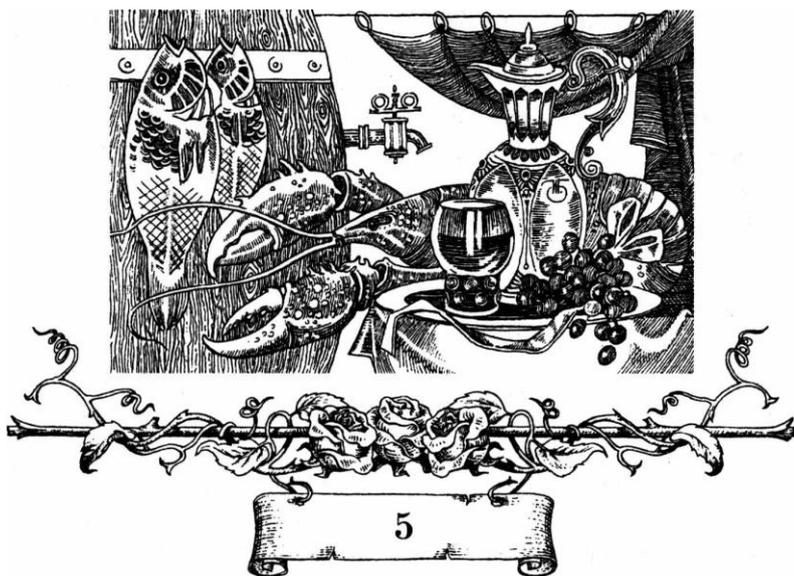
— Хурр, мэ, ценное приобретение этот заяц. Много он нам удовольствия доставит. Хурр, Командор, помоги бедняге подняться.

— Питаться? — отозвался заяц, выкарабкиваясь из-под своего музыкального чудовища. — Ну, если время обеда, то что поделаешь...

Брат Бобб с кислым видом повернулся к Филорн:

— Накормить зайца? Мой отец говорил, что это все равно что кидать камушки в колодец. И за тысячу сезонов не наполнишь.





Ваннее лето. Полуденное солнце жарит пляж. За грядой выброшенных на берег водорослей — полоса мелководья, переходящая в волны бескрайнего моря. Легкий южный бриз подгонял мелкие волны к скалистым отмелям и песчаным бухточкам. Сони Рат разбил свой лагерь там, где дюны переходят в пляж. Выдренок, сидя на одеяле, не сводил глаз с Гриссы, которая кормила его из большой морской раковины. Сони ревниво следил за кормлением.

— Кости не попадаются?

— Не беспокойся, вождь. Нет в пище этой ничего, кроме доброго. Белое мясо камбалы и молодые водоросли. Да

щепотка морской соли. Никто, кроме меня, к еде не приближался. Смотри, как ему нравится.

Сони ущипнул выдренка за живот, и малыш недовольно зарычал.

— Хо-хо, сердимся, — развеселился Сони. — Лопай, лопай, расти большой и сильный. Принесли свежих раковин на ужин?

Грисса пожала плечами:

— Они говорят, прибор слишком силен. Обещали поискать поближе к отливу.

Настроение Сони резко изменилось. Он вихрем пошел к группе зверья, развалившегося неподалеку.

— Юска боятся мелких бурунчиков? Вставайте, вставайте, лентяи. Нашему Тагерангу нужны самые свежие морские гребешки. Давай, Фелч, забирай Антигру и остальных лежебок. Вперед, и с пустыми лапами не возвращайтесь.

Фелч и все остальные послушно поднялись и направились к морю. Сони отвернулся от них и увидел, что в дюнах появились четыре спотыкающиеся от усталости крысы.

— Ну как, есть у нас кто-нибудь на пятках? — обратился к ним Сони.

Покачав головой, старший группы опустился на горячий песок.

— Нет, ни следа, ни веточки обломанной. Да и откуда? Ведь сколько времени прошло! Если б был за нами хвост, мы б давно заметили, вождь.

Сони вытащил нож и направил его кончик на говорящего.

— Я интересуюсь докладом, а не твоим мнением, Гробит. Далеко были? Только правду!

— Клянусь, целый день пути вверх по реке. И никого!

Остальные закивали, подтверждая слова старшего. Сони отвернулся, как бы более не интересуясь ими.

— День вверх по течению? А теперь проверьте на два дня. Пошли, пошли! — Он взял нож за кончик, как будто собираясь метнуть.

Криво усмехнувшись и не глядя более на крыс, Сони зашагал прочь, прислушиваясь, однако, к пыхтению патруля, снова взбирающегося по дюне.

Стоя по плечи в воде, Антигра прикрыла глаза от брызг разбившейся о скалу волны. Она слышала, как отплеваются и откашливаются Фелч и другие посланные на сбор раковин звери, но не отрывала глаз от фигуры хоря, мелькавшего между палаток лагеря и отдающего распоряжения. Антигра скрипнула зубами:

— Глянь-ка, великий и могущественный раскомандовался. Как король на поле битвы. Беги туда, беги сюда, принеси мне это, подай мне то... Принесите свежих раковин... а для чего? Для этого выдреньша.

Одноглазая ласка по прозвищу Бельмина сунула раковину в мешок, висящий на шее Веррула, и предостерегающе проворчала:

— Берегись, как бы он не услышал.

Антигра запустила раковину в скалу, разбив ее твердую оболочку.

— Гаденыш-выдреньш валяется на одеяле в тенечке, питается изысканной пищей, а мой Грувен лежит на солнцепеке, пока мать корячится, собирая жратву для так называемого Тагеранга.

Бельмина подобрала разбитую раковину и высосала сердцевину.

— Такое о Тагеранге говорить тоже не положено.

Антигра презрительно фыркнула:

— Вот подрастет мой сын, и вы увидите, кто настоящий Тагеранг. Он будет вдесятеро сильнее и быстрее, чем этот веслохвостый, увидите. А Сони изменился с тех пор, как этот выдреныш появился. Нас считает за пустое место, калечит и убивает своих.

Фелч поднял искалеченную лапу:

— Правильно Антигра говорит. Да только кто его посмеет вызвать, Сони Рата? Он свой нож метнет — как молния сверкнет.

Антигра прижалась к скале, избегая очередной волны.

— Отец его был еще сильнее и быстрее, но время с любым справляется. Я помню, он еще был Тагерангом, когда я была совсем молодой. Он уже жил своей легендой. Сони старше нас, слабеет с каждым сезоном. Подождем. Придет время, когда лапа и глаз его ослабеют, тогда и настигнет его месть. И этого безродного убудка.

Веррул пихнул Антигру:

— Тихо. Лисица.

Грисса подошла поближе и крикнула, чтобы перекрыть шум волн:

— Наберите побольше, чтобы и для Сони хватило, да не копайтесь там весь день. Надо еще набрать петрушки и лука в дюнах.

Веррул выбрался из воды и отряхнулся. В мешке на груди забрякали раковины.

— Свежие гребешки с диким луком и петрушкой. Я бы тоже не прочь отведать...

— Перебьешься, — усмехнулась Бельмина. — Получишь те же объедки, что и мы. И плевок от Сони.

Антигра помогла Фелчу выбраться на берег.

— Мы можем ждать. Сезон, и два, и три... А там посмотрим.

В аббатстве Рэдволл недостатка в провизии не наблюдалось. Столы, накрытые в саду, ломились от угощения, когда обитатели аббатства собрались на праздник «Лето дружбы». Малыши, взволнованные предстоящим выступлением, без конца репетировали, поправляли костюмчики. Взрослые обменивались шутками, неторопливо наслаждались каждым блюдом.

Крегга спокойно сидела за столом, потягивая бузиновку из небольшого бокала. Она старалась насладиться праздничной атмосферой, и у нее это получалось. Все старались передать ей кусочки повкуснее, и она благодарно кивала головой.

— Хурр, мэм, попробуйте пирога из картошки-свеклы-репы. Кротоначальница Брулл говорит, он делается большим и сильным.

— Спасибо, Гундил. Я обязательно стану большой и сильной... как ты.

— Октябрьский эль, мэм, новый бочонок!

— Спасибо, Дрогг. Поставь здесь, я позже попробую.

— Крегга, кусочек сливового пирога. Объедение!

— Спасибо, брат.

Барсучиха принимала знаки внимания и благодарила. Она понимала, что друзья стараются быть ее глазами, думая, что слепота не позволит найти самые вкусные блюда. Но острый слух и топкое обоняние Креггу не подводили.

Кто-то тронул ее лапу, и она сразу поняла, кто перед ней.

— Ну как, нравится, Командор?

Предводитель выдр изумленно покачал головой:

— Ай да чудесный праздник. Вот, не хотите ли попробовать супу из раков? Филорн и Мгера готовили. Я в жизни такого не едал, клянусь хвостом.

Крегга мысленно упрекнула себя. Она ведь давно уже не слышала голосов Мгеры и Филорн. Нащупав место, куда Командор мог бы поставить плошку с супом, Крегга спросила:

— Скажите, Командор, а где вы видели Мгеру и Филорн?

— На кухне, мэм. А что?

Крегга осторожно поднялась со своего места.

— Посидите пока на моем стуле, погрейте его для меня. Я вернусь скоро.

Отказавшись от провожатых, Крегга прошла между деревьями сада, вошла в здание аббатства. Подобно тени миновав Большой зал, она спустилась в кухни. Филорн и Мгера не слышали ее шагов. Сотрясаемые горем, они искали утешения друг у дружки, сидели обнявшись и узнали о появлении барсучихи, лишь когда оказались в ее объятиях.

— Ну, что же вы, друзья...

— О Крегга, я старалась как могла, правда... — повернула Мгера заплаканное лицо к незрячим старым глазам. — Но нам так не хватает отца и маленького Дейны...

Рыдания прервали речь Мгеры, и Филорн продолжила единственную интересующую их сейчас тему:

— Я видела, что Мгера старается подбодрить меня, и сама старалась ей помочь. Мы работали, стараясь забыть, и у нас даже получалось. Но когда Командор восхитился раковым супом, я сразу как будто увидела Рилфлага... Он очень любил этот суп... Ой... — И Филорн тоже залилась слезами.

Крегга усадила обеих в уголок на кучу пустых мешков и шепнула:

— Сидите здесь. Я сейчас. — Она вернулась с бутылкой и тремя крохотными керамическими стопками. —

Это очень старый напиток из терновника, пить надо осторожно.

Барсучиха наполнила стопки-наперстки, и они пригубили.

— Как будто сладкий огонь, правда? Я его иногда употребляю по капельке зимой, по утрам, чтобы быть в состоянии подняться и передвигаться. Ну вот. Много я видела зим, намного больше, чем любой зверь, которого знаю. Каждый седой волос на моих черных полосах — это зима. Да-а. И друзья умирали у меня на глазах, отправлялись по тихим потокам на спокойные луга. Все думают, что я суровый воин, хоть и старая, слепая. Но это не так. Я горевала и лила слезы по погибшим близким и любимым. Не стыдитесь плакать. Слезы — вода, а цветы, деревья, фрукты без воды не растут. Но и без солнца тоже. Время лечит раны сердца, а память об утраченных близких и любовь к ним остаются в нас и утешают.

— Спасибо за доброту, Крегга, — промолвила Филорн, сжав лапу барсучихи.

Крегга налила еще по стопке.

— О, не благодарите меня. Я ведь говорю от всех обитателей аббатства. Как благодарны вам брат Бобб и молодой Брогл, ведь вы сняли с них львиную долю работы. А я, конечно, не хочу, чтобы вы прятались здесь, на кухне. И Риллфлаг не хотел бы этого, ведь правда, Филорн?

Выпив содержимое стаканчика одним глотком, Филорн сначала задержала дыхание. Затем она встала и вытерла глаза.

— Да, это верно. Риллфлаг всегда говорил, что время лечит все и что жизнь должна продолжаться.

Командор взгромоздился на стул. Он заметил фонарь в руках у Мгеры и хрипло прошептал:

— Ну, братцы, они идут. Готовы?

Хор голосов раздался, когда Крегга, Филорн и Мгера подошли к собравшимся. Все спешили поблагодарить выдр за хлопоты.

— Большое спасибо за прекрасную подливку!

— Хурр, а начинка для пирога! Хуррра-а-а!

— Я такой провизии в жизни нигде не пробовал, во!

Маме с дочкой вручили по букету цветов, а детский хор по взмаху дирижерской палочки исполнил благодарственную песню.

Посреди оваций кротона начальница Брулл хлопнула Брогла по спине:

— Хурр, здорово поешь. И ведь во время пения не заикаешься!

— О, мэ, — ликующе распушил хвост Брогл, — я теперь вообще не заикаюсь. Полностью избавлен от этого недуга, спасибо моему другу мистеру Бураку. Какое-то время я мысленно пел слова, прежде чем их высказать вслух, но теперь и этого не нужно. Просто говорю как думаю, не заикаюсь и не запинаюсь. Говорить для меня теперь — проще всего на свете. Хотите, расскажу алфавит? С начала до конца, от конца к началу, справа налево или наискосок. Вот послушайте...

Тут Бурак ловко закинул в рот Броглу медовый орешек и оттащил Брулл в сторонку.

— Он обнаружил, что может нормально говорить, и я теперь не могу его заткнуть. Бормочет, как ручей журчит. Может, не стоило лечить его от заикания?

Брулл налила зайцу кубок шипучки.

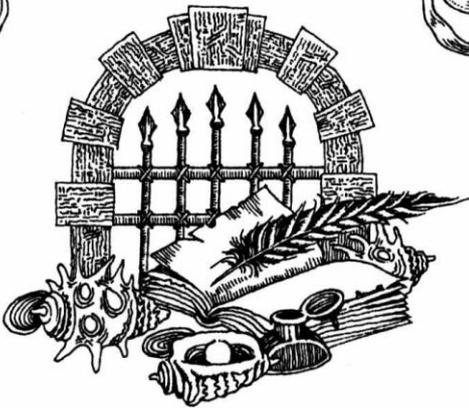
— Хурр, сэ, не можете же вы снова научить его заикаться! Придется нам теперь к нему привыкать, хурр-хурр-хурр.

Брогл переметнулся к Мгере и Филорн. Он решил практиковаться в своем вновь обретенном даре речи на любом, у кого есть уши.

— О, леди! Прекрасный вечер, прекрасный пир, великолепный. Роскошный. И столько слов, которых я бы раньше не смог выговорить, роскошных, превосходных, великолепных, как и пища, которой вы уследили нас в роскошном саду почтенного нашего аббатства. Превосходно, превосходительно... Ну, нравится мне это слово — превосходительный, что поделаешь.

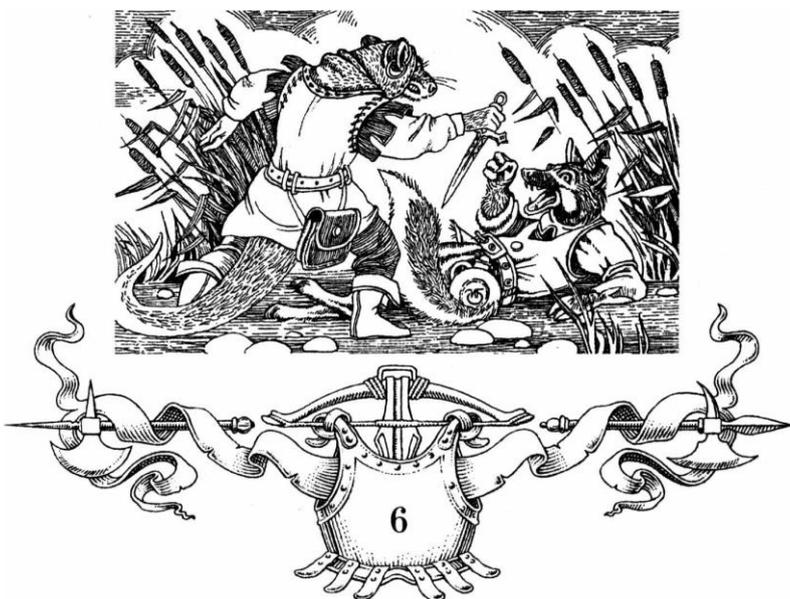


ПЯТНАДЦАТЬ
СЕЗОНОВ СПУСТЯ



КНИГА
ВТОРАЯ





Лис Фелч сбежал, прихватив нож Сони Рата. Полуживой от усталости, он ковылял по лесу. Деревья и кустарники в утреннем дожде сливались в сплошную серо-зеленую завесу. С полуночи бежал он без передышки. Дождю беглец был только рад, он надеялся, что падающая с неба вода скроет от преследователя следы и запахи. Ясное дело, преследователь будет лишь один. Тагеранг. Кого еще может послать Сони вдогонку? Продираясь сквозь заросли крапивы и папоротников, лис чувствовал, как ужас сжимает его ноющую грудь. Усталость давила на Фелча, наливала лапы

и веки свинцом, заставляла делать глупые ошибки. Уж там дождь или не дождь, а след он оставил такой, что и подслеповатая жаба заметит. Еле слышный дальний шум подгонял Фелча. Река! Его единственный шанс. Вода капала с кончика носа на воспаленный язык, затекала в глаза. Жирный лесной голубь тяжело выпорхнул прямо из-под лап. Испуганный Фелч шарахнулся, наткнулся на древесный корень, ссадил до крови лапу. Не обращая внимания на боль и сочащуюся кровь, он продвигался дальше. Шум реки усилился. Обогнув густые заросли кустарника, Фелч облегченно вздохнул. Наконец перед ним береговой обрыв, поросший ольхой и ивняком. Река здесь глубокая, без отмелей. Кое-где из воды торчали скалы. Ухватившись за ветку, Фелч сполз вниз, в воду. На мгновение холод речной воды сжал грудь, у лиса перехватило дыхание. Фелч скрылся в листве, касавшейся водной поверхности. Страшно усталый, голодный, мокрый, жалкий... но живой! Взглядом обшарил все, что мог увидеть вокруг. Что-то подсказывало ему, что он здесь не один. Сверху вдрут посыпался в воду песок, качнулась, погрузившись в воду, свесившаяся ветка.

Фелч затаил дыхание и опустил здоровую лапу к поясу, за который заткнут украденный нож. Кто-то там, на берегу, ищет его следы. Тагеранг, кто же еще! Фелч поднял нож над водой, сжался, приготовившись к броску. Никогда еще не был он так перепуган, но отчаяние прибавляло силы. Тагеранг или дьявол, но он просто так не сдастся. Лучше погибнуть здесь, чем дать утащить себя обратно, навстречу подлой мести Сони Рата.

Фелч поднял глаза. Наверху кто-то передвигался. Там хрустнула сухая ветка. Вот в воду плюхнулся камушек. Шум удалялся. Фелч напрягал слух и зрение, сле-

дя за движением врага. Но вот пришла уверенность: Тагеранг ушел. Сквозь холод, голод и усталость лис почувствовал радость и облегчение. Он избавился от этой выдры!

Но до ночи надо скрываться. Если Тагеранг спрятался рядом и ждет, когда преследуемый сорвется и побежит дальше, то зря он на это надеется. Дураков нет! Не для того он добрался до реки, чтобы здесь выдать себя какой-нибудь глупостью. Фелч опустил нож до уровня морды. Дыхание оставило на лезвии туманный след. Мысленно выругался: если бы не нож, может, и погони не было бы. Сони не слишком бы огорчился, потеряв лиса-ветерана с искалеченной лапой.

Глаза лиса сузились при воспоминании, как Сони искалечил эту самую боевую лапу, и он уверенным движением сунул нож за пояс. Теперь это по праву его оружие. За долгие сезоны службы без всякой награды. Вспомнит этот хореk свой нож, еще не раз вспомнит!

Сони все больше и больше придирался к Антигре и ее группе, как будто чувствуя в них возможных мятежников. Унижал и притеснял Фелча при каждой возможности. И вот прошлым вечером, когда Фелч возвращался в лагерь с жалкой добычей... Он нашел лишь дохлую рыбешку, мертвую форель в ручье. Сони заметил Фелча, украдкой пробирающегося от куста к кусту, и, играя по привычке своим ножом, остановил лиса издевательским вопросом:

— Что это за грязную тряпицу тащишь ты в лагерь?

— Это рыба. Я поймал молодую форель, — потупившись, ответил Фелч.

— Вот была битва, когда ты храбро напал на это чудовище! — продолжал издеваться Сони, подбрасывая и ловя нож. Тон его не предвещал ничего хорошего. — Я

тебе велел добыть птицу. Большого, жирного лесного голубя. Может, у тебя со слухом плохо? Уши заложило?

Лис молчал, исподлобья следя за вождем.

— Да. Все дело в ушах. Сейчас проверим. Постой-ка спокойно, Фелч. Больно не будет... почти.

Сверкнул нож, Фелч нырнул — но кончик уха лезвие все-таки задело. Оружие вождя, свистнув мимо головы лиса, исчезло в зарослях.

Сидевшая неподалеку у костра Грисса усмехнулась:

— Отличный бросок, но ты его предупредил, о вождь. И он с благодарностью принял твоё предупреждение. Подари ему жизнь, о Сони!

Сони подбежал к Фелчу и ударил его.

— Тебе сказано было стоять смирно, дубина? Если не найдешь мой нож, умрешь медленно, в страшных муках. Найдешь нож — останешься в живых. Но ухо все равно отрежу за непослушание. Марш на поиски, тупица! — И мощным пинком послал лиса в кусты.

Чуть не до полуночи проискал Фелч потерянное оружие. Уже начался дождь, когда тускло сверкнул во мраке камень, украшение рукоятки. Нож торчал в древесном стволе, и пришлось его сначала раскачать, чтобы высвободить плотно застрявшее лезвие. Фелч даже свалился, потеряв равновесие. Из лагеря не доносилось ни звука, все спали. Уха лишаться не хотелось. Издевками сыт по горло. Лис сунул нож за пояс и пустился наутек...

Под высоким берегом под убаюкивающий шум дождя Фелч устроился поудобнее. Усталость закрывала веки. Несмотря на холод, Фелч заснул.

Дождь постепенно затих, после полудня небо прояснилось и солнце вышло из-за облаков. Мокрая растительность начала подсыхать, откуда ни возмись над водой появилась мошкара. Одна мелкая мошка впилась

в нос Фелча, разбудив его. Лис открыл глаза и сразу же увидел перед собой веслообразный хвост выдры. С ужасом подняв глаза, Фелч уставился на обладателя хвоста. Варварского вида юный воин-выдра в коротком килте с кожаным поясом и золотой серьгой в одном ухе стоял вплотную и не мигая смотрел на Фелча. Оружия при нем не было никакого, если не считать ножа, который он вытащил из-за пояса спящего Фелча. Фелч не замечал больше ни мошки, ни того, что прекратился дождь, ни сияния солнца. Юнец протянул лапу и без видимого усилия поднял сжавшегося Фелча за плечо. Лисье ухо оказалось возле рта выдры, и Фелч услышал шепот, который показался ему холоднее ледяных объятий воды:

— Никто еще не уходил от Тагеранга...





Нождь с полуночи барабанил по цветным витражам аббатства Рэдволл. Даже самые упорные и выносливые труженики отложили свои дела на открытом воздухе и спрятались под крышу. Мгера и ее верный друг Гундил выскочили из кухни и уселись на прохладную ступеньку лестницы Большого зала.

— Фу, ну и жарница же там! — облегченно вздохнула Мгера.

Крот стащил с себя передник и вытер им затылок.

— Хурр, мэ, жар-р, мэ. Еще чуть — и был бы я крот жарный... жареный.

Из кухни донесся голос Филорн:

— Мгера, Гундил, помогите-ка мне с этим подносом, пожалуйста.

Она встретила их в дверях кухни. Молодость Филорн прошла, она слегка сутулилась, но дочь все равно считала ее красавицей. Мгера, теперь уже на полголовы выше матери, нежно тронула натруженную лапу Филорн:

— Не наработалась? Пошла бы ты к привратнику Хоргу да отдохнула в одном из его глубоких кресел.

— Пицца сама не готовится, дорогуша, — усмехнулась Филорн. — Я пока еще не устаю от дневной работы, хоть и постарше вас буду.

Гундил вежливо потрогал нос:

— Хурр, мэм, вы редкого таланта повар. Но поспать и повару полезно.

— Вас послушать, так и из постели вылезать не стоит, — отшутилась Филорн, вручая молодежи поднос. — Вот закуска для Крегги. Не споткнитесь на лестнице. Гундил, ты носи бутылку, а Мгера возьмет поднос.

Сквозь сон Крегга слышала приближающиеся шаги. Она потянулась в кресле и, не дожидаясь стука в дверь, пригласила:

— Входите, друзья. Гундил, поставь бутылку на пол и открой дверь.

Она похлопала по столику рядом с креслом и сказала:

— Ставь сюда поднос, Мгера. О-о, грибной суп с сельдереем! И перчика Филорн добавила. Мечта!

— Не ставь бокал на подлокотник, упадет, — обратилась она к Гундилу. — Здесь, на столе, я легко его достану.

Крот наморщил нос:

— Хурр, Крегга, вы не слепая, а десятиглазая. И как вы все видите?

— Как видится, так и вижу. Мгера, дорогая, открой дверь, пожалуйста. В этой комнате во время дождя всегда душно.

Мгера распахнула дверь, которая не хотела оставаться открытой.

— Крегга, она опять закрывается. Перекосилась, наверное.

— Загляни в угловой шкаф. Кажется, там на нижней полке лежит дверной упор.

Мгера открыла шкаф и сразу же обнаружила то, что искала.

— Смотри-ка, резная белка, каменная... нет, это дерево такое прочное и тяжелое. И почти черное. Очень интересная вещица.

Попробовав суп, Крегга ответила:

— Эта белочка принадлежала аббатисе Песенке. Ее отец нашел кусок такого дерева на берегу моря и вырезал из него эту белку. Очень давно это было. Когда Песенка состарилась, она подпирала ею дверь. А потом передала мне. Я хотела оставить ее тебе, Мгера, когда придет мое время, но ты можешь взять ее и сейчас.

Мгера подошла к окну, рассматривая статуэтку.

— Спасибо, Крегга. Прекрасная работа. Отец настоятельницы Песенки был настоящий художник. Как живая... Жаль подпирать ею дверь. Глянь, Гундил.

Крот взял деревянную белочку, осмотрел ее внимательно, обнюхал и обстучал когтем.

— Хурр, хурр. Здорово сработано. Только это не дверной упор, это, скорее, бутылка.

Мгера заинтересовалась:

— Бутылка? Что-то вроде флакончика, ты хочешь сказать?

Гундил солидно кивнул:

— Хо-урр. Видел я похожую. Мой дед в ней пиво держал. Только та была на крота похожа. И больше.

Крегга налила себе холодного мятного чаю.

— А скажи нам, Гундил, как туда можно что-то налить? Или положить? Где у нее верх, где пробка?

— Хурр-хурр, мэм, а есть все-таки что-то, чего вы не знаете, — довольно ухмыльнулся крот. — Хурр, голова ее вместо пробки, надо голову ей свернуть... повернуть да отвернуть. В-вот так! — Он повернул беличью голову и открыл статуэтку. Действительно, она оказалась полой.

Гундил вручил открытую статуэтку Крегге. Та ощупала белочку и хриплым от волнения голосом обратилась к Мгере:

— Мгера, у тебя лапы потоньше. Проверь-ка...

Мгера легко и быстро достала свернутый в трубку, обвязанный лептой и скрепленный восковой печатью листок.

— Здесь запечатанный свиток, на печати отметка! — возбужденным голосом сообщила Мгера.

Крегга забыла о своей трапезе.

— И что на печати?

— Буква «П» и волнистые линии, проходящие сквозь букву. Много линий. Что бы это могло означать?

Барсучиха знала, что это означает.

— Полное имя настоятельницы — Песня Ветра. Волнистые линии изображают бриз, легкий морской ветер. Тебе хорошо видно, Мгера? Мне-то здесь свет не нужен. Гундил, голубчик, сбегай-ка за фонарем побыстрее.

Со стола убрали поднос, поставили на него фонарь и свиток. Крегга ощупала печать. Она прилипла и к ленте, и к свитку.

— Жаль ломать эту печать. Я бы оставила ее как память о моей покойной подруге.

— Хурр, я справлюсь, пожалуй. Не сломаю. — Гундил вынул из сумки тонкий и острый нож, которым иногда пользовался на кухне. Он разрезал ленту и осторожно отделил печать от листка.

Мгера подняла печать за ленточку.

— Отлично, Гундил! Как медальон на ленточке. Пожалуйста, Крегга.

Осторожно приняв печать, Крегга тщательно ошупала ее.

— Я буду хранить ее. Большое спасибо, Гундил. Уверена, кроме тебя, никто бы не смог проделать такую тонкую работу.

Гундил от удовольствия заскреб когтями пол и неистово завилял толстым коротким хвостом:

— Хурр, не стоит благодарности, мэм. Простенькая задачка.

Мгера от нетерпения чуть не прыгала.

— Крегга, можно теперь открыть свиток?

Слепая барсучиха скроила равнодушную мину и зевнула:

— Что-то спать захотелось. Давайте отложим на завтра.

Она выслушала разочарованные вздохи молодых друзей и рассмеялась:

— Ха-ха-ха! Открываем, открываем. Только внимательно читай все, что там написано.

Мгера осторожно раскатала свиток. Листков оказалось два, между ними лежал дубовый лист, который Мгера аккуратно вынула.

— Здесь два листка. Почерк очень аккуратный. И лист.

— Дай мне лист, — Крегга вытянула лапу. Приняв лист, она тщательно его обнюхала. — Дубовый. Интересно, что бы это могло означать. Читай, милая, читай.

И Мгера принялась за чтение.

Счастливы добрые звери,
И долги сезоны их,
В полном согласье и в мире
Живущие в стенах сих.
Вожди их мудры от века,
Живой и мертвый, их два:
Сердце — Мартин Воитель,
Аббатиса (аббат) — Голова.
Мартин выберет Воина,
Который возглавит рать,
Но Голову аббатства
Не так легко выбирать.
Я была аббатисой
И бремя долга несла,
Но имя добра и блага
Матушки имя взяла,
Чтобы, как малых деток,
Всех за собой вести
Мудрым и добрым советом
По правильному пути.
Бери же и ты это бремя,
Как некогда сделала я,
Ибо так ведется от века:
Теперь эта доля — твоя!

После краткой паузы Крегга прочитала последние строчки:

Меня тут нынче нет.
А кто меня найдет?
Д. Л. — Дубовый Лист.
А. П. вам ключ дает.

А. П.

Мгера ошеломленно переспросила:

— Доля — моя?!

— Хурр, не моя же, так ведь? — ответил вместо Крегги залезший на подлокотник ее кресла Гундил. — Крот не скроен быть аббатисой... хурр, хурр, и аббатом тоже. — Гундил сложил на животе короткие лапы и зашевелил копающими когтями. — Я прямо вижу, как я в длинной робе запутаюсь и — бух-хурр!

Мгера вернулась к листкам. Она подняла лапу, призывая к тишине, и спросила:

— Второй читать?

Гундил склонился к Крегге и забубнил:

— Хурр. Она уже госпожа настоятельница, хурр...
Надо слушаться и слушать.

Мгера погрозила ему лапой и откашлялась.

— Гм. Спасибо. Итак, здесь написано, во-первых, Д.
Л. — это дубовый лист.

Крегга передала лист Мгере:

— Вот он. Осмотри его внимательнее, Мгера.

Мгера рассмотрела лист со всех сторон.

— Д. Л. Буквы немного выцвели. Но для чего-то настоятельница Песенка написала их на листе.

Гундил сощурился на две тщательно выписанные буквы.

— Хо-урр. Д. Л. — дубовый лист. Лист дуба, значит. Деревя. Что-то это да значит.

Крегга потрепала его загривок:

— Здоровая кротовая логика. Читай дальше, Мгера. Следующие прочитанные Мгерой строчки подтвердили правоту «кротовой логики»:

Теперь эта доля — твоя!

— А. П. — аббатиса Песенка, — сразу поняла Крегга.
— Довольно просто.

— Но дальше будет сложнее, — предупредила Мгера и продолжила чтение:

И Б. З. для головы
Место стоит века.
Встань перед Г. М. В.
И загляни в Ф. К.

— Хуррррррр,— озадаченно протянул крот. — Целая грудка букв.

Мгера улыбнулась:

— А не сходить ли нам к Хоргу в сторожку привратника. Может, он подскажет?

— В сторожку привратника? — приподнялась в своем кресле Крегга.

— Конечно. Помоги, Гундил!

Даже с помощью Мгеры и Гундила Крегга с трудом добралась до конца лестницы. Там она покачала громадной полосатой головой и села на нижнюю ступень.

— Идите дальше без меня. Я вас подожду. Нет уж былой прыти. Осторожнее, не намочите листки!

Мгера аккуратно спрятала листки в карман передника.

— Но, Крегга, ведь тебе же самой интересно, что мы там найдем?

— Вернетесь — расскажете, — махнула лапой Крегга. — Я вас только задержу. Бегите, бегите.

Не успели они удалиться, как появился Бурак. Обжору только что выгнали из кухни. Заяц жевал мятный пирожок с картошкой и луком, когда увидел Креггу. Он тут же спрятал свою добычу в карман.

— Э-э, как поживаете, мэм? Погода не балует, во.

Крегга подняла лапу:

— Помоги мне, пожалуйста, подняться.

Встав, барсучиха принялась:

— Пахнет мятой. Опять мародерствуешь на кухне?

Заяц изобразил на физиономии выражение оскорбленной невинности, но слепая барсучиха этого не заметила. Колокольчики зазвякали в такт укоризненному покачиванию заячьей головы.

— Как можно, мэм! Я и носа не казал в эту проклятую кухню. Я был в Пещерном зале, сочинял поэму о вашей мудрости, доброте и так далее. Не знаю, что с ней теперь и делать, с этой поэмой, во... Ах! Подозревать такую возвышенную натуру, как я, в краже пирожков, во, во...

Крегга пожала плечами:

— Но мяту я чувю и знаю, что брат Бобб затеял мятные пирожки с картошкой и луком.

— Ничего удивительного, — фыркнул Бурак. — Я всегда после утренней ванны каплю-другую мятной настойки трачу на уши. Свежесть и аромат, знаете ли...

Крегга склонила голову:

— Приношу свои искренние извинения. За ужином мы попробуем этих пирожков. Я особенно люблю, когда у них темная коричневая корочка, а внутри картофель растаял в луке.

Заяц-простак сразу клюнул на эту наживку:

— Ну, они еще не дошли до такого состояния, мэм. Корочка лишь слегка желтая, а картошка кусочками.

Бурак прикусил губу, но барсучиха уже хлопнула его по карману, расплющив и размазав пирожок по животу.

— Ну ничего, они еще дойдут, до ужина времени хватит. А испытательный срок еще не закончился!

Заяц надулся, глядя вслед удаляющейся Крегге. Он обмакнул лапу в размазню, которая испачкала его карман, сунул ее в рот и забубнил с лапой во рту:

— Пятнадцать сезонов испытательного срока, где это видано, во, во!

Шлепая по лужам, Мгера и Гундил бежали к сторожке, находившейся при главных воротах аббатства. Гундил поднял лапу, чтобы постучать, но старик Хорг уже открыл дверь.

— Что это вы разбегались в такой дождь? Промокли, как рыбы! Сюда, сюда! — Хорг протянул им большое полотенце. — Оботритесь.

Мгера вытащила листки из кармана передника, положила их на стол и рассказала старому привратнику-соне всю историю. Хорг нацепил на нос очки с линзами из горного хрусталя и долго-долго изучал документ. Друзья ерзали от нетерпения, но хранили молчание. Хорг поднял голову:

— Значит, вы пришли ко мне в поисках разгадки?

— Хурр, да, сэр! Помогите нам, пожалуйста.

— Хорошо, — неторопливо кивнул Хорг. — Но сначала скажи мне, Мгера, считаешь ли ты, что мудрость, терпение и способность не спешить и не терять головы — хорошие качества для настоятельницы?

— Конечно, сэр, — без колебаний согласилась Мгера. — А почему вы спрашиваете?

— Гм-м. — Хорг задумчиво смотрел в окно. — Да, учиться, учиться и учиться. Вот посмотри: две буквы, «Б» и «З». А теперь без спешки вспомни, что у нас в аббатстве начинается на Б и З.

Мгера поднесла лапу ко лбу:

— Конечно! Большой зал!

Голос Хорга остановил их уже на пороге.

— Понеслись, понеслись! А дальше что? А следующее сокращение?

— Г. М. В., — резко затормозив перед дверью, пробормотала Мгера.

— Я понял, что это такое, — все так же спокойно, неторопливо продолжал Хорг.

— Что? Что? Пожалуйста, скажите! — наперебой взмолились Мгера и Гундил.

Хорг снял очки и положил их на стол.

— Конечно, я могу и ошибиться. Но думаю, что это Гобелен Мартина Воителя.

Со щекой, мокрой от поцелуя Мгеры, Хорг опустился в свое кресло. Он слышал, как хлопнула дверь и четыре лапы зашлепали по мокрому газону по направлению к главному зданию.

— Да-а, скорость и энергия юности... Хорошо, что я от них давно избавился.

Ворвавшись в аббатство, запыхавшиеся и мокрые друзья скоро обнаружили Креггу. Она сидела на полу в Большом зале, незрячими глазами уставившись на изображение Мартина Воителя. Мгера остановилась перед барсучихой.

— Крегга, зачем же мы бегали под дождем?

— Я поняла, когда вы уже убежали. А что сказал старый Хорг?

— Хурр, все правильно сказал, о пользе учения и вреде спешки, — сообщил Гундил, обтирая физиономию о рукав Крегги.

Барсучиха вытерла вторым рукавом Мгеру.

— Добрый старый Хорг! Даже в детстве он был неторопливым и рассудительным. Ладно, теперь у нас есть Б. З. и Г. М. В., но я не имею ни малейшего представления, что такое Ф. К. А вы что-нибудь придумали?

Мгера подняла глаза к изображению героя аббатства. Мартин смотрел на нее с гобелена, в полном вооружении и броне, не давая никаких знаков и знамений.

— Боюсь, что нет. И совершенно непонятно, что же мы ищем?

— Может быть, мудрость. Возможно, знания. Определенно — Ф. К., — ответила Крегга, прикоснувшись к ткани гобелена. — Но как его найти?

— Хурр, мэм, мы Мартина спросим. Мудрый он, все знает.

И они втроем подняли глаза на изображение, погрузившись каждый в свои мысли.

Ф.К.

...Фарфоровый Ковшик?

...Фантик Конфетный?

...Форель Ключевая?..

Изображение Мартина зашевелилось, начало расплываться перед глазами Мгеры. Работа в жаркой кухне, переживания, связанные с неожиданной находкой... Усталость смежила ей веки, голова опустилась на могучую ногу барсучихи, и молодая выдра тихонько засопела во сне.





Сони Рату не спалось. Он поднялся задолго до рассвета. Вождя терзали боли в желудке. Зачерпнул горячей воды из котла, булькающего на тлеющих угольках костра, Сони уселся неподалеку, искоса поглядывая на еще не погасшие звезды. Лагерь спал. Потягивая горячую воду, чуть облегчавшую его страдания, Сони размышлял. Перед глазами проплывали события последних пятнадцати сезонов.

Во многом Таг оставался для него загадкой. Не потому ли, что его приемный сын — порождение аббатства Рэдволл? Может, стоило подыскать

подходящую пару и родить кровного, своего сына — будущего Тагеранга? Но со знаменьями не поспоришь, и он сделал все, что мог, с детенышем выдры с берега брода, отца которого он приказал убить. В раннем детстве Тагеранг был для Сони источником многих приятных минут. Малыш рос на диво сильным и скорым. Во всем повиновался не только законам и обычаям стаи, но и желаниям приемного отца. Но потом он начал размышлять и сообщать самостоятельно. Сначала Сони даже радовалась самостоятельность Тага. Но постепенно между ними появились расхождения во взглядах. Сезоны протекали спокойно, в изобилии, без грабежей и убийств. И вот Сони начал замечать неприятные особенности характера своего воспитанника. Обладая врожденным талантом в обращении с оружием, Таг уже в детстве мог победить любого члена стаи, но в конце нескольких немногочисленных ссор он всегда проявлял милосердие к побежденному противнику. Несмотря даже на своевременные подсказки Сони. Ни разу никого не убил и даже не искалечил. Такое не в обычаях Юска. В ответ на упреки Сони Таг только улыбался да плечами пожимал. Нет, мол, необходимости в убийстве. Сони же хотел увидеть в Таге черты настоящего вождя. Что, если стая отправится на разбой? Или нападет враг? А он еще никого за всю жизнь не убил! Настала пора испытания. Когда он приведет Фелча обратно — а Сони не сомневался, что Таг добудет Фелча, — он сам и убьет лису, решил Сони. Вождь сглотнул остаток воды и почувствовал, что ему полегчало.

Фелч едва верил, что еще жив. Мокрый и дрожащий, он сидел на берегу, на том самом месте, куда его выволок Тагеранг. Странная выдра тем временем занялась костром. Таг швырнул лису небольшой мешок.

— Сядь, согрейся, вышей, — кратко приказал он. — Такой ты далеко не уйдешь. Поддерживай огонь, я скоро вернусь. — И бросился с обрыва в реку.

Всплеска Фелч не услышал: нырнул настоящий охотник. Лис пошевелил ушами, прислушался, затем перекинул мешок через плечо и рванулся в кусты. Бежал, чуть не плача, ноги шевелились с трудом. Мысли в черепе тоже едва шевелились. А вдруг Тагеранг случайно его обнаружил? И не такой уж он искусный следопыт... молод еще. Не-ет, старого лиса так просто не возьмешь! Второй раз не дамся!

Какая-то тень мелькнула перед глазами, и мощный удар уложил лиса на пузо. Ни подняться, ни вздохнуть он уже не смог, потому что на спину тяжело присел кто-то весьма солидных размеров. Мощная лапа сгребла оба уха и завернула вверх лисью морду. Фелч почувствовал, как нож Сони щекочет его горло.

— Для лисы ты слабо соображаешь, — угрожающе промурлыкал Тагеранг. — Что ж, придется тебя прирезать, раз ты такой дурной.

— Сжался! — прохрипел Фелч. — Не убивай!

Таг рывком поставил беглеца на ноги и за ухо, как нашкодившего мелкого щенка, привел обратно и снова посадил к костру. Пленник исподлобья со страхом поглядывал на выдру.

— Ладно, попробуем еще раз, сначала. Сидишь здесь, а я скоро вернусь. Понятно?

— Понятно, — проскулил лис.

Страшный зверь снова бесшумно исчез.

Фелч зубами развязал мешок, обнаружил в нем четыре груши и фляжку крапивницы. Жадно забулькал напитком, потом проглотил грушу, почти не жуя. Подбросил в костер несколько веток и присел рядом. Жизнь, причиняя боль, возвращалась в измученное тело. Невеселой пред-

ставлялась ему эта жизнь. Да и продлится ли она хоть до следующего рассвета?

Мрачные мысли лиса прервали две нанизанные на прут солидных размеров рыбины, шлепнувшиеся возле костра.

— Займись ужином, — распорядился удачливый охотник. — Здесь нам на двоих с излишком. Есть вопросы? — Таг уселся напротив.

— Почему ты меня не сцапал сразу, а прошел по берегу мимо? Ты же знал, где я прячусь.

— Не я прошел мимо. Грувен, сын Антигры. Неуклюжий парень. Я с другого берега любовался, там мох мягче. Над ним я тоже подшутил, оставил ложный след. Им любовался и тобой, как ты трясешься под берегом. Грувен, должно быть, еще ищет тебя. Он упорный мальчик. Мозгов только маловато.

Две здоровенные рыбины были съедены без остатка, за ними последовали груши и напиток из фляги. Фелч почувствовал себя лучше и свободнее.

— Ты мог меня прикончить, чтобы не возиться. Почему не... гм-м...

В глубине души Таг чувствовал жалость к этому разбитому созданию. Он знал, что Сони беспощадно расправится с лисом. Но его татуированная морда не вт.разила никаких эмоций, и он спокойно объяснил:

— Сони Рат приказал мне вернуться в лагерь с его ножом — это первое, и главное — и с тобой. Или ограничиться твоей головой. Это в доказательство того, что я не только нож нашел, но и тебя.

— С головой! — ахнул Фелч.

— С головой, — подтвердил Таг, затем подбросил и поймал нож. — Очень мне надо пачкать мешок и таскать лишний груз! Сам донесешь свою голову.

— Но как только Сони меня увидит, я все равно лишусь головы. Если чего похуже не выдумает, — повесив голову, заскулил лис. — Кишки по кустам раскидает... по веткам развесит...

Таг внимательно изучал лезвие ножа.

— Не я устанавливаю правила Юска, Фелч. Ты их знаешь, ты их нарушил. Не надо было убегать.

Фелч чуть было не вскочил, но тело отказалось повиноваться, отозвалось болью в суставах и мышцах.

— Сони все равно убил бы меня, если бы я не нашел нож. У меня не было выбора.

Таг вытянул нож в сторону лиса:

— И так можешь считать себя покойником. Найди тебя Грувен — он бы уже тащил твою голову в лагерь.

— Ты меня пощадил, — рьяно закивал лис. — Я никогда не забуду...

— Ладно, хватит болтать, — поморщился Таг, — Предстоит долгий путь. Поспи, это тебе на пользу пойдет. И без глупостей, не то пожалеешь, что Грувену не попался!

Тагеранг подбросил веток в огонь, убедился, что лис заснул, и сам погрузился в чуткий легкий сон, держа нож наготове.

Этот сон посещал его много раз в течение пятнадцати сезонов жизни. Прекрасное лицо выдры, доброе и ласковое; нежный голос шепчет неразборчивые слова. Лицо помоложе, ясные глаза и те же приятные звуки. Мягкая ткань у щеки, запахи поздней весны и вкусной пищи. Громадный воин-выдра, стоящий рядом, его гордый взгляд направлен на крошку Тага. Старые, теплые стены из красного камня. Солнечные лучи падают в окно, и камень как будто светится лепестками роз. Ощущение умиротворенности, счастья и покоя, неведомое Юска. Слезы вытекли из-под его закрытых век и закапали на лезвие ножа. Он внезапно проснулся и прислушался, уставившись в ноч-

ную тьму. Шумела река, скрипел в коряге жук, ночные существа сновали по своим делам. Негромко храпел Фелч. Тагеранг снова закрыл глаза, стремясь увидеть тот же сон.

Но на этот раз перед ним возникла мышь. Мышь? Не простая мышь. Мышь-воин в доспехах, с мечом. Он почувствовал, что эта мышь была бы для него достойным противником. Но мышь улыбнулась ему, как отец улыбается любимому сыну. Единственное слово сорвалось с губ воина-мышы:

— Дейна!

И видение померкло.

Сизый дым лагерных костров поднимался в небо и рассеивался между деревьями. Прикрыв глаза лапой, Сони Рат отметил положение полуденного солнца. Из лесу вышли два существа и направились к лагерю. Сони обратился к горностаихе Антигре, не поворачивая головы в ее сторону:

— Вот, как я и говорил, Тагеранг возвращается, сын мой. И как раз вовремя.

Антигра подняла взгляд от ощипываемого голубя и с ненавистью посмотрела на Тагеранга и его пленника.

— Нет другого такого охотника, как мой Таг, рожденный штормом и молнией в безлунную ночь, — продолжал бахвалиться Сони. — Ха! Пища, которую ты готовишь для своего лентяя-сынка, протухнет в горшке, пока он вернется. Где твой драгоценный Грувен? Бабочек ловит. Ха! Он не поймает собственный хвост!

Обитатели лагеря с восхищением встретили своего любимца. Таг, ведя перед собой Фелча, пробирался через толпу к палатке Сони. Грисса, стоявшая перед палаткой, низко поклонилась:

— С успехом тебя, о Занн Юскарат Тагеранг!

Сони оттолкнул жрицу и обнял приемного сына.

— Молодец! Я так и знал, что ты к полудню вернешься с моим ножом и этим преступником. И вот ты вернулся.

— Долг Тагеранга — выполнять приказания вождя, — откликнулся Тагеранг. — Что-нибудь съедобное есть? Жуть как проголодался.

Сони кивнул Гриссе:

— Тащи жареного голубя, да поживее. Видишь, мы проголодались.

Ифира, ласка из свиты Сони, уже связала Фелча.

— Хватит, побегал! Больше не удерешь.

Сони подошел к Фелчу, зловеще улыбаясь.

— Ночи ты не увидишь, Фелч, — прошипел он сквозь зубы. — Наслаждайся последним днем.

Тагеранг прошептал Сони на ухо:

— Не надо его убивать. Он еще может пригодиться.

Вождь потрепал приемного сына по плечу:

— Ешь и отдыхай, Таг. Я разберусь. До сих пор справлялся.

Таг еще не успел покончить с трапезой, как в лагерь ворвался ободранный и перепачканный Грувен. Он промчался мимо Антигры, не обратив внимания на мать, и остановился перед сидящим на земле Тагом.

— Ложный след! — завопил Грувен. — Ложный след! Ты послал меня по ложному следу!

— А ты сразу не сообразил? — спросил, вставая, Тагеранг. — Так по нему и пошел? Поздравляю, Грувен.

— Если бы не твой обман, я добыл бы голову лиса еще на заре! — рычал горностаи. Он весь трясся от бешенства.

Грисса хотела вмешаться и напомнить Грувену, с кем он говорит и где его место в стае. Но Сони остановил ее:

— Не надо. Я хочу посмотреть, что будет дальше.

— На заре, говоришь? — Таг покачал головой. — Ошибаешься. Я его засек еще до зари. Кроме того, меня ведь за ним послали, а не тебя, мой дурной друг.

Грувен всегда носил меч. И меч этот тут же оказался у него в лапе.

— Я тебе не друг! И тем более не дурной! Это ты дурной, трус, оружие носить боишься!

Таг молниеносно ударил противника в плечо, парализовав лапу с мечом. Его мощный хвост врезался в живот Грувена, и горностаи сложился пополам. Согнулся и повалившийся под удар меч, сделавшись похожим на лук. И тут же лапа выдры врезалась в челюсть горностаи, отбросив его назад. Меч отделился от рукояти и брякнул о камень где-то за деревьями.

— Хорошо тебе помог твой меч? — спокойно спросил Тагеранг. Он вынул из-за пояса нож Сони и метнул его. Нож воткнулся в землю у самого носа Грувена, отхватив у него половину усов. Тагеранг отвернулся.

Сони уперся йогой в физиономию Грувена и вытащил нож из земли. Он быстро протянул нож выдре и захрипел жарким шепотом:

— На, прикончи его скорее! Он только что пытался тебя убить!

— Зачем? — отмахнулся Таг. — Грувен уже тысячу раз убил меня. Во сне. Но наяву у него никогда не получится. Зачем его убивать, если он меня забавляет. Кроме того, я еще не доел. — И он вернулся к еде.

Сони хотел было сам перерезать Грувену глотку, но вдруг захохотал:

— Ха-ха-ха-ха-ха! Он его забавляет, ха-ха-ха-ха! Ну и Тагеранг! И он еще голодный, ха-ха-ха-ха, он еще не доел!

Сони снял лапу с физиономии Грувена, и тот уполз, побежденный, побитый, но живой. Вождь присел рядом с жующим Тагерангом.

— Никогда я не видел таких, как ты, сын мой. Но надо ведь наконец научиться подчиняться вождю. Когда ты будешь делать то, что-я говорю, наглая ты речная собака?

Таг оторвал от жареной птицы ногу и протянул ее Сони:

— Обещаю, что исполню первое же твое приказание. А вот не скажешь ли ты мне, были мы когда-нибудь внутри дома, настоящего большого здания из красноватого камня? И там были выдры вроде меня.

Сони настороженно уставился на него:

— Никогда! Никогда стая не была в таких местах.

Таг, забыв про пищу, отодвинулся от нее.

— А мышь в броне и с мечом, настоящим боевым мечом? И она сказала, что ее зовут Дейна. Было такое когда-нибудь?

Сони почувствовал внезапную резь в желудке. Хорошего настроения как не бывало.

— Мышь в броне по имени Дейна? Что с тобой, сын? Ты с ума сходишь, что ли?

— Да нет, это просто сон, — пробормотал Таг, откинувшись на спину. Он зевнул и уставился в небо.

Сони запустил ногу жареного голубя в костер.

— Сон? Мне снилось недавно, что я птица, что я прыгнул с утеса и лечу! Что только не приснится, когда ты переутомился. А ты очень устал. Иди-ка ты в палатку, Таг, да выспишься как следует. Без дурацких снов.

Антигра наблюдала, как ее сын ест. Она все еще злилась, но ни Тагеранг, ни Сони не убили Грувена, и это главное. Сам же Грувен, казалось, воспринимал случившееся с мрачным равнодушием. Антигра подала ему мятный чай с медом.

— Не надо было орать, сын мой. Этот нож когда-то убил твоего отца, он мог убить и тебя.

Грувен выплюнул хрящ в костер.

— А что мне надо было делать, по-твоему? Благодарить их за то, что меня пощадили?

— Мы должны спокойно ждать, когда придет подходящий момент, — увещевала Антигра, поглаживая плечо сына.

— Я только это и слышу, сколько себя помню, — огрызнулся Грувен, отталкивая лапу матери, — Мне надоело ждать. Подходящий момент давно уже пришел.

— Не расскажешь ли ты мне, что это за момент такой, о Грувен?

Мать с сыном вздрогнули, увидев незаметно подобравшуюся к ним Грису. Антигра виновато потупилась, но Грувен мрачно и сердито огрызнулся:

— Не твоё дело, хитрая бестия. Что ты шныряешь тут, Сони послал шпионить, что ли?

Потрясая своими бесчисленными браслетами, цепочками и костями, лисица изобразила на физиономии то, что считала дружеской улыбкой. Они присела между Антигрой и ее сыном.

— Смелые слова. Даже слишком смелые для того, кто только что едва не лишился жизни. Почему ты не научишь сына уму-разуму, Антигра?

Горностаиха заискивающе улыбнулась:

— Делаю все, что в моих силах, но мудрость приходит с годами. Может быть, ты дашь Грувену полезный совет, Грису? Может, тебя, мудрую, он больше послушает, чем мать. А я уж, чем могу, отблагодарю. Вот, смотри, — Антигра вытащила четыре голубиных яйца в горшочке и подала Грису. — Я знаю, они тебе нравятся. Свежие. Голубиху, которая их отложила, мой сын только что съел.

Лисица проткнула одно яйцо зубом и высосала содержимое. Три остальных она засунула в сумку.

— Знаешь мои слабости, Антигра. Отличное яйцо. Вот послушайте меня, вы оба. Сегодня утром я видела, как муравьи дрались между собой на своей муравьиной куче. Видела и другие знамения в течение дня. Будущее не улыба-

ется Юска. Я бы на твоём месте, Грувен, постаралась не злить Сони. Его снова мучают боли в желудке — и это тоже неблагоприятный признак. Лучше добейся, чтобы Сони к тебе хорошо относился. Это спасет жизнь и тебе, и твоей матери.

Грувен презрительно фыркнул, но Антигра стукнула его палкой и прикрикнула:

— Слушай, что жрица говорит! Что нам надо делать, Грисса?

Грисса указала на остатки жареного голубя:

— Возьми пращу, набери камней, Грувен. Сходи в лес и набей голубей. Я их представлю Сони как твой мирный дар и похвалю тебя как умелого охотника и послушного члена стаи. Вождь ко мне прислушивается. Плохого я не посоветую. — Грисса поднялась.

Грувен недоверчиво заворчал:

— А с чего бы тебе о нас заботиться? Ты просто бродила вокруг, смотрела, чем бы поживиться... Четыре голубиных яйца за всякую чепуху о муравьях и большом желудке Сони. Выгодный обмен, а?

Жрица запахла свой расписной плащ и покачала головой:

— Ох и дурак же ты, Грувен! Моя забота не просто о двух горностаях, а обо всей стае и всех ее обитателях. Я насквозь вижу твое сердце, но если ты попытаешься отомстить Сони и Тагерангу, ты сам погибнешь и мать погубишь. Моя задача — остановить раздоры в стае. Твой дурной характер, капризы Сони... Все это разрушает стаю. А куда я денусь, если ее не будет? Прислушайся к моим словам, Грувен, постарайся образумиться.

Грисса удалилась. Антигра тут же вынесла из палатки пращу и мешок камней.

— Сделай, как она велела. Это добрый совет, сын.

Грувен плюнул в костер и прислушался к шипению слюны.

— Не буду я пресмыкаться перед этим хорьком и его выдрой. Отстань от меня. Я шлялся по лесу, устал.

Антигра потеряла терпение. Она хлестнула сына пращой по спине. Тот вздрогнул, но не двинулся с места.

— Лентяй — весь в отца. Я сама пойду в лес и убью пару голубей.

Грувен крикнул ей вдогонку, но она уже ушла в лес.

— Ну и иди, — проворчал он себе под нос. — Плевал я на Грису, на Сони и на всех на свете.

Уже вечерело, когда Грису разбудила Тага.

— Вставай! — легонько трясла она его за плечо, — Сони Рат вызывает тебя.

Таг сел, потянулся всем жилистым телом. Зачерпнув воды из ведра, он напился, остальное вылил на голову. Добрый дневной сон без сновидений освежил выдру.

— Что этому старому хорю надо, Грису?

— Он собирается разобрататься с беглецом. Хочет, чтобы ты присутствовал.

Фелч висел на толстой ветке бука, подтянутый за передние лапы. По приказу Сони все население лагеря собралось вокруг. Сони стоял перед Фелчем, нервно вертя свой любимый нож с янтарной рукояткой. Вот он увидел, что толпа пропускает Грису и Тагеранга.

— Ну как, выспался, сынок?

— Да, спасибо, — ответил Таг, взглядываясь в странный блеск глаз Сони. — Что это он тут повис? — спросил Таг, небрежно кивнув на Фелча.

— Я собираюсь с него снять шкуру. С живого. — Сони лизнул лезвие ножа. — Из него получится неплохой входной полог для палатки.



Все собравшиеся замерли. До такой жестокости Сони еще никогда не доходил, но в серьезности его намерения никто не усомнился. Фелч жалобно простонал. У Тага тоже поползли мурашки по шкуре, но внешне он ничуть не изменился. Сони внимательно следил за выдрой, ожидая реакции.

Таг небрежно усмехнулся. Он через плечо ткнул лапой в сторону Фелча и презрительно бросил:

— Такая дырявая старая шкура? Не стоит она возни и драгоценного времени вождя.

— Ха-ха, круто, круто, Таг! — захохотал Сони.

— Больше пользы будет, если эта шкура живьем будет лагерь убирать да помои таскать.

Сони вздрогнул и потер живот.

— Но решения в лагере пока принимаю я. Так?

— Конечно, — сразу согласился Таг.

Сони обнял приемного сына за плечи.

— Занн Юскарат Тагеранг! Моя правая рука. Нет, не буду я сдирать с него шкуру. Помнишь наш последний разговор?

— Помню.

Сони подбросил и поймал нож.

— Я тоже помню. Ты сказал, что следующее мое приказание непременно выполнишь.

— Да, я так сказал, — вынужден был согласиться Таг.

— Так вот, я приказываю тебе, — глаза Сони буравили выдру, — снять шкуру с живого Фелча. — Хорь вложил в лапу Тага нож. — Выполняй.

Вокруг стало тихо, как в могиле. Все глаза устремились на Тагеранга. Что он скажет? Что сделает?

Таг отвернулся от Сони и подошел к лису, беспомощно висящему на дереве. Остановился. Поднял нож. Лис зажмурился и затрясся всем телом. Быстрым движением Таг разрезал веревку. Фелч рухнул к его ногам. Таг повернулся

к Сони и спокойно, без всякого выражения в голосе произнес:

— Очень жаль, но я не выполню приказания. Лис этот — жалкий вор, но я не стану лишать жизни беспомощное существо.

Лапа Сони рванулась к поясу. Но, вспомнив, что отдал нож Тагу, хорек закричал с пеной у рта:

— Делай, что я приказал! Никаких отговорок! Выполняй приказ! Живо!

Таг нагнулся и перерезал веревки на лапах лиса. Потом сказал только одно слово:

— Нет.

В бешенстве Сони сорвался на визг:

— Ты соврал мне! Твое обещание! Выполняй! Я заставлю тебя!

Таг больше не обращал на него внимания. Он вздернул Фелча на задние лапы, растер следы от веревок и шепнул лису:

— Ну, попробуй еще раз. Беги, придурок!

Фелч рванулся к деревьям. Сони крикнул Вологу-лучнику:

— Убей его!

Никогда не расстававшийся с луком Волог выхватил стрелу и прицелился в мелькавшего между деревьев лиса. Но Таг мгновенно оказался возле лучника и взмахом ножа разрезал тетиву. Лук превратился в бесполезную палку.

Волог, заметив острым глазом стрелка выражение физиономии Тага, отступил в сторонку.

Сони кривился от приступов боли в животе, но он отстранил Грису, подошедшую, чтобы ему помочь.

— Предатель! — закричал он выдре. — Никакой ты не Тагеранг! Я ошибся, подобрав тебя и назвав сыном.

Тут Тага прорвало:

— Посмотри вокруг, Сони! Крысы, ласки, горностаи, хорьки, лисы. Я — единственная выдра в стае. Как хорек может быть отцом выдры! Я никогда не называл тебя отцом, но уважал как вождя. До сих пор. Но живодером не стану. За этим дураком-лисом бегать тоже больше не буду. И не буду подчиняться ничьим глупым капризам. Нет такого закона у Юска.

Сони презрительно выпятил губу:

— Что ты знаешь о законах Юска? Это моя стая. Я диктую здесь законы. Ифира, Волог, взять его! Я его прочучу. Дайте мне кнут.

Таг поиграл ножом.

— Первый, кто подойдет, — мой первый покойник.

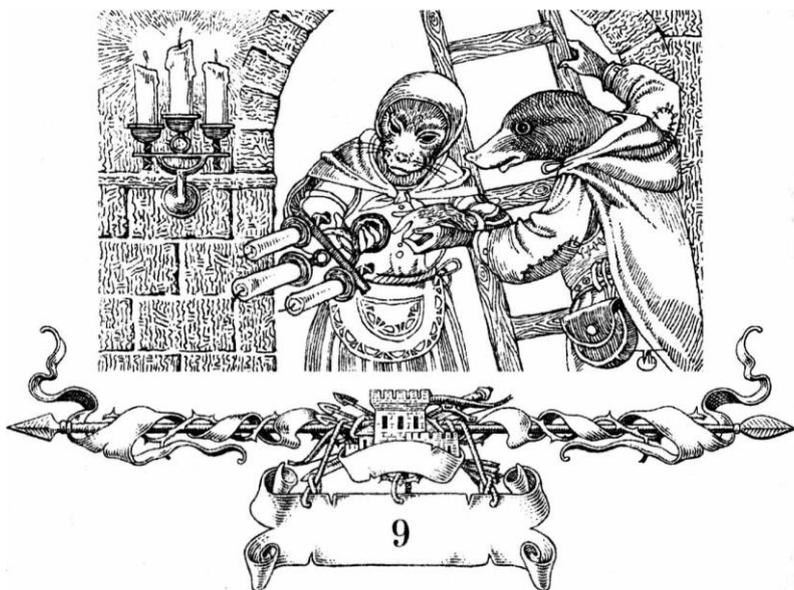
Никто не пожелал рисковать. Таг попятился к деревьям.

— Я ухожу, Сони. Ты стал слишком опасен даже для себя самого. В течение сезонов я наблюдал за тобой, а ты превращался из вождя в злобную старую бестию. Я пойду своей дорогой. Наши пути больше не пересекутся. А тебе желаю благоразумия.

Таг скрылся за деревьями.

— Наши пути пересекутся, щенок! — крикнул Сони вслед. — Я догоню и уничтожу тебя своими руками! — Он выхватил копьё из лап Ифиры. — Все остаются в лагере! Я верну его живым или мертвым. Чего уставились? Думаете, я старик и мне не догнать эту выдру? Увидим. У меня ум. Ему таким никогда не стать. Он больше не Тагеранг, но я-то по-прежнему Сони Рат.

Все молча следили, как Сони пропал за деревьями леса, преследуя своего нового врага. Грисса присела и метнула наземь свой запас костей. Она исследовала получившийся узор, покачала головой и закрыла глаза.



В вечеру дождь прекратился. Брат Бобб пробрался к двери сквозь толпу малышни, рвущейся наружу. Дети дергали повара за передник и торопили его:

— Играть, на травку!

— Брат Бобб, скорей, брат Бобб!

Брат Бобб распахнул дверь и чуть не упал, когда мимо него рванулась вся ватага. Потрясая поварешкой, брат Бобб шутиливо пригрозил:

— Кто опоздает к ужину — отрежу хвост па суп.

Свежий ветерок, подувший в дверь, разбудил Креггу. Барсучиха резко выпрямилась, и Мгера с Гундилом скатились с ее ног

пол. Молодая выдра протерла глаза и забормотала:

— Что... Как... Ох, ну я и спать!

— Хурр, мы спим, а прол... прод... промблема не решается, — с раскаянием в голосе бормотал Гундил.

Крегга задумчиво провела лапой по полосам на физиономии:

— Возможно, Ф. К. — это Фраза Ключевая?

Но тут Мгера вспомнила свой сон и всплеснула лапами.

— Нет, нет! Фонарная колонна! Мне Мартип сказал.

— Мартин сказал? — недоверчиво спросила Крегга.

Мгера неуверенно перебирала поясок.

— Н-ну, я не совсем уверена... И не знаю даже, спала я или нет. Я видела картину... ну, этот гобелен. И приятный голос сказал мне: «Фонарная колонна». И больше ничего не сказал.

С обеих сторон от гобелена Мартина находились две невысокие пристенные полуколонны с фонарями. Еще не стемнело, поэтому фонари не горели. Мгера переводила взгляд с одной на другую. Которая из них?

Она сняла фонари с крюков и вместе с Гундилом тщательно осмотрела их. Крегга ощупала и обнюхала колонны.

Подошел брат Хобен с тележкой, нагруженной сосудами с маслом, свечами, фитилями и приспособлениями для очистки фонарей.

— Чем это вы здесь занимаетесь? — удивленно спросил старый архивариус.

Крегга сразу узнала его по голосу.

— А, брат Хобен. Собрался наполнить фонари маслом?

Хобен взял с тележки кувшин с душистым, пахнущим сиренью осветительным маслом и принялся за работу.

— Да, это всегда было делом архивариуса. Распространять свет знаний и учения, освещать умы — и освещать помещения, когда это необходимо. Каждый шестой день у ме-

ня большой обход. Меняю свечи, снимаю огарки, подгоняю фитили в лампах. Доливаю масло. А что случилось?

Крегга подвела Хобена к левой колонне и провела лапой по щели между камнями.

— Не было ли в этой щели какого-нибудь листка бумаги, топкой деревянной дощечки или еще чего-то плоского?

— Действительно, здесь была топкая черепичная пластинка. Этак восемь... даже девять сезонов назад... нет, даже раньше... вот еще, помню...

— Брат, не столь важно, как давно это было. Эта пластинка... она сохранилась?

— Гм. Неужели я похож на существо, которое ни с того ни с сего выбрасывает ценные вещи? Мой священный долг как архивариуса и летописца — сохранять все предметы, на которых имеются какие-либо надписи.

— Надписи!

— Хурр, а можно ее увидеть, сэр?

— Конечно. — И на физиономии брата Хобена даже появилась улыбка. — Прошу вас, следуйте за мной.

Они и последовали. Очень несолидно за ними следовала Мгера. Она подпрыгивала от нетерпения, забегала вперед и приговаривала:

— Надпись! Брат Хобен, там есть надпись, на этой пластинке, так вы сказали?

Гундил схватил ее за лапу и притормозил.

— Хурр-хурр, чересчурр, чересчурр... Упадешь, нос разобьешь, госпожа настоятельница.

Старик Хорг вышел на крыльцо сторожки, чтобы вдохнуть свежего воздуха, погреться лучами вечернего солнца.

— Снова вы? — удивился он, завидев Мгеру и Гунди-ла. — Два визита в один день! Большая честь для старого привратника.

Хобен кивнул привратнику и объяснил:

— Надо порыться в архивах, поискать старые записи.

— Ищите осторожнее, — предупредил Хорг. — Мама Мгеры прикорнула в моем старом кресле. Она заслужила отдых.

Из подушки кресла около самого рта Филорн высунулось перышко и колебалось от дыхания спящей.

— Хурр, твоя мама работает, как никто другой, — прошептал Мгере Гундил. — А готовит даже лучше, чем брат Бобб. Только ты не проговорись, что я такое сказал.

Стоя возле дверей, Крегга, Гундил и Мгера ожидали, пока брат Хобен найдет нужную им записку.

— Так, Осень Плакучей Ивы... Нет, раньше... — бормотал брат Хобен. — Лето Звонящего Жаворонка... Весна Легких Ласточек... А, вот, наконец. Зима Скрипящего Снега, — Архивариус снял толстый манускрипт с полки, и они вышли из сторожки.

Хобен нашел между страницами и вынул из пыльного тома продолговатую пластинку и протянул ее Мгере. Надпись была выполнена четкими буквами, аккуратным почерком аббатисы Песенки, легко читалась. Мгера прочла вслух, «с выражением»:

Мой первый — крайний в барсуке,
Второй — зароев третьим крот,
Мой третий — первый в молоке,
Живет четвертый у Ворота,
Мой пятый — с краю головы,
Шестой мой — в голове совы.
С ним все четыре стороны
Пребудут для тебя видны.

Гундил слушал, лежа на спине и обхватив голову обеими передними лапами.

— Ху-урр... Бедный, бедный крошка крот, ничего он не поймет. Такого послушаешь и забудешь, как тебя зовут, хурр.

Мгера улыбнулась ему:

— Подожди, тут еще есть. Слушай дальше.

Меня сыскать немудрено —

Я в утюге живу даино.

Из четырех возможных я —

Самая короткая.

Крегга прилегла рядом с Гундиллом и тоже обхватила голову лапами.

— У меня тоже мозгов не хватает, — пожаловалась она.

Мгера возмущенно хлопнула хвостом:

— Вот, второй раз вы меня перебиваете. Здесь еще две отдельные строчки. Сидите, пожалуйста, спокойно и слушайте.

Гундил быстро сел, сложил лапы и уставился на Мгеру.

— Хурр, Крегга-мэм, шутки в сторону, мать-аббатиса рассердится и пошлет нас на кухню кастрюли мыть.

Барсучиха тоже села и кротко сложила лапы.

— Извините, мать-настоятельница. Мы слушаем внимательно.

Мгера улыбнулась:

— Кончайте шутить и слушайте. Последние две строчки.

Я тень, или почти что тень,

Меж камнем и водой стою весь день.

Брат Хобен задумчиво пригладил упрямые усы.

— Что это все значит? — спросил он удивленно.

Из сторожки вышла проснувшаяся Филорн. Она остановилась возле читающих и напомнила:

— Время ужина подходит. Надеюсь, вы не собираетесь сидеть здесь всю ночь?

Вышел и старик Хорг, и все направились к главному зданию.

— Мятные пирожки с картошкой и зеленым луком. М-м-м. Пальчики оближешь!

— А что на десерт, мама?

— Не удивлюсь, если брат Бобб и Брогл сделали бисквит со сливками. Собирались, во всяком случае.

— С миндальными хлопьями и луговым нектаром?

— Хурр, а суп будет, мэм?

— Ты что, забыл, Гундил? Ты же сам резал для него сельдерей и морковку вместе с Мгерой.

— Хурр-хурр, забыл запомнить. Запомнил.

— Крегга, пошли побыстрее. Если Бурак уже там, нам ничего не останется.

— Ты прав, Хорг. Давайте бегом!

Они появились в Пещерном зале запыхавшиеся и все еще смеясь. Бурак, уже сидящий за столом рядом со своим другом Дроггом, поднял бровь:

— Разве можно смеяться за столом? Еда — нечто серьезное и священное, во. Я только один раз в жизни за столом смеялся. Под моей престарелой толстой тетушкой стул сломался, она треснулась об стол башкой и престаилась. И мне досталась ее порция. Ха-ха-ха-ха... Извините.

Все немного удивились, когда Крегга села не в свое законное большое кресло за главным столом, а рядом с молодежью: Гундиллом, Эгбертом, Флоберт. Уже давно не детишки, они еще не числились взрослыми. Она пригласила сесть, туда же брата Хобена и Мгеру, которая уже считалась «настоящей» молодой взрослой. А большое кресло так и осталось пустым. За столом велись всевозможные разговоры, народ сплетничал и шутил, обсуждались события дня. Когда появились служители с тележками, Крегга постучала ложкой по столу. Воцарилось почтительное молчание.

Брогл, которого все еще звали «молодой Брогл», несмотря на солидные размеры, произнес застольную молитву.

С почтением выслушав молитву, Крегга обратилась к брату Хобену:

— Какого вы мнения, брат Хобен, о нашей молодежи, о ее способностях, знаниях, возможностях? Ведь вы их всех обучали в нашей школе.

Брат Хобен опустил ложку:

— Гм-м... Возможно, сейчас они и блещут выдающимися качествами, но в школе большинство из них были сонными лентяями или буйными сорванцами и хулиганами.

Мгера успокоила расшумевшихся возмущенных малышей, обратившись к ним с призывом:

— А вот мы сейчас проверим, на что вы способны. Кто разгадает больше всех строчек из загадки, сегодня будет сидеть в большом кресле. И весь завтрашний день сможет делать, что ему захочется.

Это обещание вызвало восторженный шум и гам:

— Где загадка? Подать ее сюда!

— Я в один миг разгадаю!

— Хурр, я лучший загадчик-разгадчик в мире.

— Не ты, а я!

Брат Хобен постучал ложкой по столу.

— Тогда прекратите шум и послушайте Мгеру! Прошу вас, мисс.

— Мой первый — крайний в барсуке. Это первая строка. Ну, кто знает, что это значит?

Все озадаченно уставились на Мгеру. Потом Флоберт спросила:

— Есть и еще строчки? Может быть, они связаны по смыслу и подскажут решение.

От другого стола отозвался Дрогт Копейщик:

— Точно, мисс. Читайте уж все вместе.

Мгера протянула пластинку с текстом брату Хобену:

— Прочитайте, пожалуйста, брат Хобен. Я ужасно есть хочу. — И она набросилась на еду.

Архивариус медленно и четко произнес первые восемь строк. Немедленно вверх потянулись руки, как в школе; слышался шепот и нетерпеливое повизгивание:

— Я! Я!

Брат Хобен указал хлебцем на Эгберта:

— Ну, попробайся.

— Я не знаю ответа на первую строчку, — Эгберт смущенно почесал иголки. — Но на вторую строку ответ — буква «О». Она третья в слове «крот».

Брат Хобен всегда носил в кармане кусок пергамента и уголек. Он вынул их и сделал пометку.

— Очень хорошо, Эгберт. Следующий.

Мышка Биррел разгадала третью строчку:

— Это буква «М». Она первая в слове «молоко».

Тут Мгере пришел в голову ответ на первую строку, но ее опередил Брогл:

— Буква «К» крайняя, то есть последняя в слове «барсук».

Мгера пожала Броглу лапу:

— Отлично! Эта первая строка не давала мне покоя. Спасибо!

Брат Хобен оторвал взгляд от своего пергамента:

— Флоберт, ты что-то хотела сказать?

Юная ежиха робко перебирала тесемочки передника.

— Да, брат Хобен. Шестая буква «С». Она первая, то есть в голове слова «сова». Правильно?

Бурак зааплодировал, и колокольчики на его колпаке зазвенели.

— Конечно, конечно, браво, во, во! А можно заглянуть в эту странную дощечку?

Брат Хобен передал зайцу табличку. Бурак внимательно ее прочитал и воскликнул:

— Ага! Вот и пятая строчка раскололась, как бочка! С краю головы — «А», во, во... Так или иначе, ответ — буква «А».

Бурак вернулся к своему пирожку и кивнул Крегге:

— Вы совершенно правы, Крегга-мэм, они вкуснее всего, когда картошка расползлась с лучком в кашу-размазню, во!

— Хурр, буква «П», хурр. У ворот живет привратник! Хур-р-р-а-а-а-а!

Брат Хобен улыбнулся Гундилу:

— Вот видишь, а жаловался, что ничего не соображаешь. — Он поднял обе лапы, как бы завершая обсуждение, и произнес: — Отлично, класс! Теперь посмотрим, что у нас получилось.

Он поправил на столе пергамент, на котором каждый пункт был аккуратно пронумерован. Вот так:

- | | | |
|---|---------------------------------|---|
| 1 | Мой первый — крайний в барсуке, | К |
| 2 | Второй — зароем третьим крот, | О |
| 3 | Мой третий — первый в молоке, | М |
| 4 | Живет четвертый у Ворот, | П |
| 5 | Мой мягый — с краю головы, | А |
| 6 | Шестой мой — в голове совы. | С |

— Компас! — еле слышно выдохнула Флоберт. — Следующие две строки это подтверждают. Вот послушайте:

С ним все четыре стороны
Пребудут для тебя видны.

— Компас указывает нам четыре стороны света: север, юг, запад, восток.

Дрогг под аплодисменты присутствующих предложил большое кресло своей внучке:

— Садись сюда, милая моя. Заслужила. Ты явный победитель.

— Хурр, очень, очень умная ежиха, хоть еще совсем дитя, — подтвердила кротона начальница Брулл.

Бурак выволок свою аккордегардию и провозгласил:

— В честь победительницы утешу вас «Балладой об Умной Утке». Благодарю, благодарю!

— Не даст ведь поесть спокойно! У меня пропал аппетит! — буркнула сестра Алканет и отодвинула тарелку.

Заяц высокомерно глянул на все и изрек:

— Замечание принял к сведению, мэ. Продолжаю.

Он принялся дергать за рычаги и крутить колесики.

Инструмент зашипел, запыхтел и вдруг закричал, вызвав смех присутствующих. Бурак вступил с обещанной балладой:

Иной о глупости ее
Расскажет прибаутку,
Но только същете едва ль
Умнее этой утку.

Выла она весьма сильна
В истории и в счете,
Другой такой начитанной
Нигде вы не найдете.

Но речь ее заклинило —
Короче говоря,
Сказать умела лишь одно:
«Кря-кря! Кря-кря! Кря-кря!»

Гогочет гусь, щебечет чиж,
А ей до фонаря.
Спроси ее про дважды дна,
Ответит: «Кря-кря-кря!»

Однажды в птичник нанялась
Лисица в лекаря,
Но возмутилась утка,
На это крикнув: «Кря!!!»

«Кря-кря! Кря-кря! Кря-кря! Кря-кря!!!»
Шумиха поднялась,
И от лисицы стая вся
В пруду тогда спаслась.

Ума палата у нее,
У утки всё не зря.
И если утка скажет: «Кря!»,
То это значит — «Кря!»

Закончив, Бурак отвесил низкий поклон и, как обычно споткнувшись, свалился под стол вместе со своей аккордегардией. Филорн заглянула туда. Трудно было понять, где заяц, где его инструмент.

— Бедный мистер Бурак! С вами все в порядке?

Заяц высунул голову из-под инструмента:

— Хо-хо-хо, в порядке, во! Чуть подстроить... крякушка перегрелась.

После ужина в комнате Крегги продолжилась работа над текстом. Брат Хобен прочитал последнюю часть загадки:

Меня сыскать немудрено —
Я в утюге живу давно.
Из четырех возможных я —
Самая короткая.

— Интересно, кто живет в утюге? — произнесла Крегга в задумчивости. — И как он туда залез?

— Да вот же! — возразил брат Хобен. — У нас имеются четыре стороны света — запад и восток, север и юг. А юг — из четырех — самая короткая. Это «юг» живет в уютге! Значит, нам надо на юг.

— Да, и две последние строки. Слушайте:

Я тень, или почти что тень,
Меж камнем и водой стою весь день.

Это очень важно, друзья мои. Что же мы ищем?

Гундил слез с подлокотника кресла:

— Хурр, пошли на юг.

Громадная лапа барсучихи вернула его на подлокотник.

— Уже почти стемнело. Сейчас ничего не найдешь.

— А откуда ты знаешь, что стемнело, Крегга? — заинтересовалась Мгера.

— Чувствую тепло звезд, — усмехнулась Крегга и вытянула лапу к окну. — Прошел час после ужина, накапливается усталость... Принимаете объяснения, мисс?

— Кроме тепла звезд, — подтвердила Мгера, пристраиваясь к ногам Крегги. — Это ужасная выдумка.

Старая барсучиха погладила молодую выдру по голове:

— Спать пора, детишки, баиньки. Завтра продолжим, после завтрака.

— После завтрака! — спохватилась Мгера и вскочила. — Гундил, мы ведь пообещали маме, что поможем с тестом для овсяных лепешек. Побежали!

Брат Хобен растянулся на кровати, которую Крегга никогда не использовала, предпочитая свое удобное кресло. С него было удобнее вставать. Архивариус устроился поудобнее.

— Энергия молодости, Крегга! С какой скоростью они носятся!

— Хвала судьбе, я так больше не могу носить, — усмехнулась Крегга. — Как только подумаю об этом, сразу устаю. Спокойной ночи, брат.

Филорн погнала Мгеру и Гундила прочь, как только они вбежали на кухню.

— Марш в постель, оба, да побыстрее! Лепешки уже в духовке. Дрогг и выдры Командора мне уже помогли. Идите, идите, мы тут справимся без вас.

Брогл высунулся из буфетной:

— Вы тоже идите, мэм. Нет нужды ждать, пока они испекутся. Мы сами легко с ними справимся.

И Филорн отправилась с детьми.

— Хороший парень Брогл, правда, Гундил?

— Хурр... Да, мэм. Конечно, мэм. Но самое приятное создание во всем аббатстве — мисс Мгера, извините.

— Нет-нет, — запротестовала Мгера. — Самое приятное, вежливое, спокойное существо в аббатстве — это ты, Гундил!

Крот замотал хвостом и втянул голову в плечи от удовольствия.

— Хурр, мурр, курр... аж у меня от похвал вскружилась голова... дыханье сперло...

Филорн засмеялась и обняла обоих:

— Давайте-ка по кроватям. Там придумаете на завтра новые комплименты друг другу.

— Конечно, мэм, хурр. Спокойной ночи, мэм!





Антигра продвигалась по лесу на север. Она знала место, где в кронах дубов и буков гнездились голуби. Лапы погружались в приятный мягкий мох, пятна света и тени играли в папоротниках, но красоты природы не занимали горностаиху. Она пригнулась и приготовила пращу. Два голубя клевали на земле прошлогодние желуди. Антигра завертела пращой над головой, прицеливаясь в более жирного. Но тут дернулась сумка на животе, камушки в ней грюкнули. Голуби взлетели к гнезду. Горностаиха выругалась и изменила прицел. Как только голубь сел в гнездо, камень

свистнул в воздухе и, к удивлению Антигры, попал в цель. Голубь безжизненно обмяк... но, к несчастью, не свалился наземь, а остался в гнезде.

Придется лезть за ним! Антигра поправила сумку, накинула пращу на шею и прыгнула на дерево. Сначала с непривычки было тяжеловато, но выше ветви стали тоньше, и она быстро достигла гнезда. Рядом с мертвой голубкой лежали два яйца. Устроившись поудобнее, Антигра поглощала яйца и оглядывалась вокруг. Лагерь не видно, но в противоположной от него стороне вдалеке виднелись сквозь ветки покрытые снегами вершины гор. Ее больше интересовало, можно ли чем-нибудь еще поживиться, но гнезд больше не было видно. Она начала спуск и заметила, что внизу кто-то движется. Тень мелькала между деревьями, время от времени замирала, потом продолжала движение. Тагеранг!

Антигра не знала, что произошло в лагере, но перед ней оказалась цель. С пращей она обращалась неплохо. Горностаиха тут же осторожно полезла вниз. Никто не узнает, что эта она убила Тагеранга. А дальше... Она уже видела, как ее Грувена объявляют новым Тагерангом. Но тут ее внимание привлекло еще какое-то движение. Из зарослей выскользнул Сони Рат. Он остановился, исследуя папоротники, и Антигра решила не упустить момент.

— Я здесь. Сони Рат! — крикнула она, уже раскрутив камень над головой.

Сони вскинул голову — и тут же камень врезался ему между глаз. Умер вождь Юска мгновенно. Антигра спрыгнула с дерева и осторожно обошла тело. Сони лежал с широко раскрытыми глазами, сжимая копьё.

И снова какие-то звуки! Кто-то еще неуверенным шагом пробирался сквозь лес. Антигра скользнула за ствол могучего дуба и притаилась. Появился Фелч. Он

остановился, как бы не веря глазам, потом тоже обошел труп, не отрывая от него взгляда.

Антигра вышла из-за дерева и подошла к лису.

— Покойник, — сказала она. — И убила его я!

Фелч издал вздох облегчения. Он присел рядом с хорьком и осмотрел его рану.

— Да, готов. Я теперь ходок никудышный. Поэтому отстал, затаился, пропустил обоих. Сначала Тага, потом этого...

Фелч встал, вырвав копые из лапы трупа.

— Вот и пришел день, о котором ты говорила... Лежишь? — обратился он к мертвому хорьку. — Никаких приказаний, указаний... падаль гнусная! — И Фелч с яростью вонзил копые в грудь мертвеца. — Долго я об этом мечтал. Да и ты тоже, — снова повернулся он к Антигре.

— Да-да, — улыбнулась Антигра. — А что случилось в лагере? Почему Сони гнался за выдрой?

— Значит, мы теперь от обоих освободились, — подвела итог она, выслушав Фелча.

— Точно! — потрянул копыем лис. — И никаких забот. Будем вдвоем править стаей, ты да я. Точно?

— Точно. Дай-ка копые. Я тоже хочу ткнуть нашего вождя на память.

Хихикая, как шаловливый малыш, Фелч передал копые Антигре. Он еще хихикал, когда Антигра, резко развернувшись, пронзила его копыем. Широко раскрыв глаза и разинув пасть, Фелч схватился обеими лапами за древко. Антигра зло уставилась в глаза лиса:

— Мой сын будет править стаей. Для тебя больше нет места. И ты слишком много знал.

У лагерных костров громоздились кучи хвороста. Грисса, поддерживая огонь, сидела у палатки Сони Рата

и вглядывалась в ночь. Она почувствовала спиной острие копы и услышала шепот:

— Сони Рат умер.

Не пытаясь повернуться, Грисса ответила:

— Я уже знаю об этом, Антигра.

— Нагадала... Отгадала... А кто его убил, твое гадание не сказало? Обдумай ответ, если хочешь жить.

Грисса спокойно протянула лапу за спину и отвела копы в сторону. Так же спокойно звучал и ее голос:

— Мое гадание сказало, что ответ на этот вопрос есть у тебя.

— Мудрый ты зверь, — признала Антигра, оставаясь в тени. — А вот у меня было видение, будто мой Грувен теперь Тагеранг. Что ты на это скажешь?

— Это невозможно, — покачала головой Грисса. — Не кипятись, а слушай внимательно. У меня нет никаких сведений о смерти Тагеранга. По законам Юска, только тот, кто убьет Тагеранга, может занять его место. Другое дело вождь. Кто-то должен занять место убитого. И я могу помочь твоему сыну стать Грувеном Занном Юсказанном, главарем стаи, если ты этого хочешь.

Против этой идеи Антигра ничего не имела против.

— Хорошо. Говори, что делать?

Жрица закрыла глаза:

— Для начала погуляй в лесу. Потом вернешься и расскажешь свою историю. Я с твоим рассказом соглашусь. Потом Грувен с сильным отрядом отправится догонять Тагеранга, а до его возвращения мы будем править стаей.

— Согласна, — кивнула головой Антигра и исчезла во тьме.

Через некоторое время Антигра появилась в лагере и подняла всех на ноги воплями:

— Сони Рат убит! Тагеранг убил его!

Толпа последовала за ней до палатки Сони, где все еще сидела Грисса. Жрица мигом всех утихомирила, бросив в огонь что-то, что вызвало яркую синюю вспышку.

— Я видела смерть Сони Рата вчера, когда бросила кости.

— Да, помню, — подтвердил Спиногрыз. — И после этого ты обхватила голову лапами.

К Антигре подобрался Грувен и спросил шепотом:

— Что случилось? Ты видела его мертвым?

Антигра больно ткнула его в бок и прошипела:

— Отойди от меня и держи язык за зубами, пока не скажу, что делать. От этой ночи многое зависит.

— По Гриссе видно было, что предзнаменования плохи... Да... Казалось, что она видит смерть, — вторили Спиногрызу другие свидетели.

Жрица вскочила и взмахнула плащом.

— Пусть говорит Антигра! — крикнула она. — Антигра, расскажи, что случилось, что ты видела, что знаешь!

Все тут же уставились на горностаиху.

— Я влезла на дерево к голубиному гнезду, чтобы найти яйца. И тут я услышала шаги и увидела внизу Фелча. За ним появился Сони Рат. Он крикнул Фелчу, тот обернулся, и Сони убил его, метнув копьё. Предателя Тагеранга я сначала не видела. А он увидел, что Сони безоружен, выскочил и метнул нож. Нож попал Сони в лоб рукояткой, но вождь потерял сознание. Меня Тагеранг не заметил. Я начала спускаться с дерева, чтобы защитити нашего вождя, но Тагеранг вырвал копьё из тела Фелча и убил Сони Рата. И сразу скрылся в северном направлении, к горам. Ужасно, ужасно! Я застыла от горя. Ничего не оставалось, как поспешить к вам с дурными вестями. Никогда не забуду этого страшного зрелища! — Прикрыв глаза лапой, Антигра опустила наземь. — Отомстить

предателю Тагераигу! — завопила она, лежа на земле. — Дух Сони взывает к мести от входа в Темные Леса!

Тут раздался пронзительный вопль Гриссы. Она двинулась с места, исполняя какой-то жуткий мистический танец. Зверье расступалось, давало ей место, опасаясь, что прикосновение колдуньи принесет беду. Все они боялись непонятного. Жрица приблизилась к Грувену и коснулась лапой его головы. Грувен глянул на мать, но та жестом приказала стоять смирно. И он замер, глядя на Грису.

— Тот ли это, кого ты избрал, Сони Рат? — завопила Грисса. Она замерла, испустила громкий вздох, опустилась перед Грувеном наземь и коснулась головой его ног:

Грувен Занн! Юсказанн!
Ты нам вождь великий дан!
Внемли гласу мертвеца!
Убей убийцу-подлеца!

Толпа следила за ее действиями как за гипнотизированная. Грисса подвела Грувена к костру, в синем пламени которого даже его туповатая и озадаченная физиономия выглядела внушительно и загадочно. Жрица металась у костра и швыряла в пламя разные порошки. Огонь трещал, одна за другой следовали разноцветные вспышки. Антигра нырнула в палатку Сони и вытащила лучший плащ вождя. Она накинула плащ на плечи сына, втиснула ему в лапы меч и прошипела на ухо:

— Очнись наконец! Будь вождем, а не сонной жабой. Скажи им что-нибудь.

Она нырнула в толпу и хрипло завопила:

— Грувен Занн Юсказанн!

К ней присоединились другие голоса, и вскоре вся толпа орала во всю глотку:

— Грувен Занн Юсказанн! Грувен Занн Юсказанн!

Грувен поднял меч, и все смолкли. Он звучно и не перевирая слов повторял то, что стоящая за ним Грисса шептала в его ухо:

— Воины Юсказанн! Трусливый Тагеранг не сможет убежать от моего гнева. Клянусь этим мечом, что он заплатит за свое предательство. Я выберу лучших из вас и принесу в лагерь его голову. Мы двинемся на рассвете. Все будут бояться нашей стаи. Скажите, храбрые мои, как вас теперь называть?

Звери закричали, потрясая оружием:

— Юсказанн! Юсказанн! Грувен Занн Юсказанн!

Все шло, как задумала Грисса. Стая вела себя согласно ее плану. Она то и дело подбрасывала в костер свои порошки, и пламя окрашивалось в синий, красный, серебристый цвета, из него палил то белый, то лиловый дым. Тут жрица кинула наземь свои гадальные косточки и раковины.

— Сони Рат взывает от врат ада! Выдра — предатель Тагеранг, убийца вождя, трусливый беглец. Он не может оставаться Тагерангом. Позор падет на нашу стаю, если он останется в живых. Грувен Занн Юсказанн должен убить его и взять себе титул Тагеранга. Иди, о Грувен Занн Юсказанн, принеси честь своей стае, гордящейся новым именем! Отомсти за убийство вождя, убей трусливого беглеца и прими имя Грувен Занн Тагеранг!

Даже сквозь дым и пламя Грисса видела огоньки удовлетворения в глазах Антигры.

Далеко на севере, в лесах Цветущих Мхов, Тагеранг вынырнул из широкого потока. Отряхнувшись, он сел на берег, пытаясь разобраться в себе. Он покинул тех, которых знал с рождения. Одиночка, отщепенец, изгнанник. Но он чувствовал себя свободным и счастливым. Конечно, раньше он восхищался Сони, его силой, волей, реше-

мостью. Но он никогда не был привязан к Сони по-настоящему, не любил его, не называл отцом. Тага не беспокоило, что Сони идет по его следу. Хорек стар, не так быстр, как раньше, его вспыльчивость и резкая смена настроений неизбежно ведут к ошибкам. Таг почувствовал радость и облегчение, вызванные освобождением от всего этого стада по имени Юскарат. Жизнь в его распоряжении. А что делать дальше — над этим он пока не задумывался. Тут он вспомнил о горé.

Он несколько раз в течение своего пути на север видел эту гору. Она выныривала в просветах между деревьями, вырисовывалась снежно-белым конусом на фоне голубого неба. Он прошел вдоль берега, выискивая точку повыше, приподнялся на цыпочках и снова увидел эту таинственную и прохладную громаду, сероватую на фоне звездного неба. Вдруг его неудержимо потянуло туда. Никогда он еще в горах не бывал! Загоревшись этим желанием, он высоко подпрыгнул и заорал:

— Я иду к тебе в гости, гора!

Подпрыгнув, он ударился головой обо что-то твердое, висящее в листве дерева. Таг протянул лапу и нащупал грушу, еще твердоватую, но сладкую и довольно сочную. Жуя, с набитым ртом, он сорвал еще одну и снова закричал:

— Подожди, гора, я скоро приду!

— Й-й-й-и-и-к! Речная собака умом тронулась. Держись подальше, Крозби!

— Не бойся, Претил, я с ним разберусь!

Таг вытянул шею, пытаясь разглядеть говорящих. Перед ним у кромки воды стояли две береговые полевки. Он улыбнулся им и вежливо сказал:

— Привет!

Толстый самец в домотканой ночной рубахе держал в лапе дубину и стоял перед самкой в позе защитника.

— Я вот тебя сейчас поприветствую дубиной, веслохвост чокнутый. Ты кто такой и что тут у нас делаешь?

Таг смерил забияку взглядом и негромко протянул:

— Я бы на твоём месте поразмыслил, прежде чем хвататься за дубину.

Полевка, пыхтя и отмахиваясь от спутницы, которая пыталась его удержать, неуклюже полез вверх по береговому склону.

— Хо-хо, он бы пораздумал... раздумчивый какой... Да я и не таких, как ты, бродяга речной...

Тагу не хотелось ни с кем связываться, и он попытался прояснить обстановку.

— Послушай, друг, я не понимаю, из-за чего ты так разошелся?

Отпихнув свою подругу, полевка аж подпрыгнул от возмущения.

— Из-за чего взволновался? Хорошенькое дельце! Он тут орет и буянит, будит детенышей, тырит наши груши. А я с ним целоваться должен да за все это благодарить!

Разъяренный блюстителю порядка и покоя бросился на Тага. Тот легко увильнул в сторону, и нападающий, промахнувшись, свалился ничком, проехавшись носом по земле. Таг наступил ему на затылок, а дубину прижал к земле мощным хвостом.

— Охо-хо-хоньки-и-и-и! — запищала молодая полевка. — Теперь он нас убьет, сожрет, и никтохоньки-то нас не спасет! И-и-и-и-и!

Отобрав у вояки дубину, Таг поднял его за шиворот и посадил рядом с полевкой.

— Я вас ни убивать, ни пожирать не собираюсь. Я ваш друг. Утрите слезы.

— Не трогай меня, отстань, грубиян! — Она оттолкнула его успокаивающую лапу.

Его бывший противник уже собрался с духом и трезво оценил обстановку.

— Э-э-э, мать... Перестань вопить, закрой шлюзы, золотце мое. Он нас не тронет, видишь? Я Крозби, а ее зовут Претил, моя хозяйюшка. А ты кто?

— А я просто Таг. Так меня и зови.

Претил протерла глаза краем ночной рубахи и залепетала:

— Очень приятно ветре... Ик! Ветре... Ик! Такого... Ик!

Крозби обнял свою толстушку-жену и пояснил:

— Это она от плача заикала. Придержи морду лапой и хлопни по земле хвостом хорошенько, Претил! Сразу пройдет. Ты, должно быть, голодный, Таг? Потому и груши зеленые слопал?

— Извини, я не знал, что это ваши груши. А и точно, я проголодался. Все некогда было о еде подумать, с полудня ничего не ел.

Крозби отряхнул пыль с рубахи жены, потом занялся собой.

— Ну, это дело поправимое. Пошли с нами, мы быстро набьем твоё брюхо.

Обиталище береговых полевок находилось в том самом холме, на вершине которого прыгал Таг. Замаскированный вход скрывался в береговом склоне. Стены и потолки коридоров укрепляли корни растущего на холме грушевого дерева. Кроме нескольких семейств береговых полевок здесь нашли приют большое семейство водных полевок и одна семья сухопутных.

Все они собрались вокруг Тага, с почтением озирая его могучую фигуру и янтарную рукоять ножа с синим камнем. Малыши катались на хвосте выдры и трогали его лапы.

— У-у-у, какой здоровенный!

— Сильнющий, наверно...
— А нож какой! Вот тебе сейчас хвост отхватит!
— Прочь все, прочь! — отогнала малышню Претил.
— Отстаньте от бедного путника, ему пора покушать.
Это сообщение сменило обсуждаемую тему.
— Спорим, тебе столько не съесть, сколько он съест.
— Запросто бы проглотил, если б был таким же здор-
овущим.

— А как он будет из наших тарелок? Ему из котла надо.

Крозби смел их в сторону и присел рядом с Тагом.

К ним подсел косматый самец водной полевки.

— Таг, а это Заместин. Он тут заместитель главного, потому и имя такое.

Стол покачнулся от напора малышни, старавшейся получше рассмотреть пришельца.

— Кыш отсюда! — шикнул на них Заместин. — Покажите-ка лучше, как вы танцуете. Раккаду, изобрази им музыку.

Перед Тагом появился каравай теплого орехового хлеба и сковорода с тушеными овощами.

— Тарелкой при твоих габаритах не обойдешься. Кушай на здоровье!

Крозби наполнил кружки фруктовым напитком, и трапеза началась под музыку, пение и танцы.

За всю жизнь Таг лишь несколько раз слышал пение крыс у костра. Теперь он, не прекращая жевать, принялся притопывать в такт, и вскоре у него даже лапы устали. Даже самые маленькие полевки не только отлично танцевали, но и крутили сальто и потешно кувыркались, не выпадая из такта. Но вот пляс закончился, и вся толпа снова устремилась к столу.

Тут появилась Претил.

— Последнего, кто захрапит, выстираю в реке!

С оглушительными воплями малыши разбежались по спальням, зарылись в моховые подстилки и усердно засопели носами, изображая крепкий, здоровый сон.

— Ну вот, отделались от них на ночь. А теперь, Таг, солнце очей моих, поведай о себе. У нас вся ночь впереди, а мы послушать любим...

Таг приложился к кружке и задумался:

— С чего же мне начать...

Над лагерем забрезжил рассвет, и лапа Антигры безжалостно встрясла Грувена из крепкого сна.

— Вставай, Грувен Занн. Тебя ждут великие дела.

Грувен сел, покачиваясь и мыча:

— Еще темно. Я спать хочу...

Антигра с силой воткнула меч в стол так близко от сына, что тот отскочил.

— Я не для того выжидала все эти сезоны, чтобы выслушивать твое нытье. Ты теперь вождь. Вставай!

Он нехотя встал и накинул темно-красный плащ, полученный предыдущим вечером. Чуть коротковат, но солидности этот плащ все же прибавил. Грувен вытащил меч, припомнил события последних дней, и в нем вспыхнула ярость. Антигра оправила на нем плащ. Вглядевшись в его глаза, она пробормотала тихо, чтобы ожидающие снаружи не услышали:

— Так-то лучше. И помни, пока эта выдра живет, ты не можешь считаться полноценным вождем Юска. Найди его и уничтожь, все равно каким способом. В путь!

Гресса встретила Грувена у выхода из палатки. С ней рядом ждали вождя восемь вооруженных воинов. Она дождалась выхода Антигры и заговорила:

— Грувен Занн Юсказанн! Восемь лучших воинов сопровождают тебя. Ифира, Даграб, Ребро, Гробит,

Бельмина, Раббад, Спиногрыз, Волог-лучник. Распоряжайся ими разумно и добудь голову предателя Тагеранга. Твоя мать и я проводим вас до места, где лежит убитый Сони Рат. Оттуда вы пойдете по следу. Воины, ваша задача — охранять вождя. Если вернетесь без него — умрете.

От палаток и костров зверье наблюдало, как удалялся поисковый отряд. Они направились через лес к дубу, возле которого произошло убийство. Грисса замыкала шествие, рядом с ней шла Ифира, самый доверенный помощник Сони Рата. Много крови видела Ифира, множеством способов убийства владела эта ласка. Ифира получила от Гриссы подробные наставления. Она знала, что делать, если Грувен проявит страх или забудет цель похода. В лесах ведь часто происходят несчастные случаи.





Брат Хобен на следующее утро проснулся поздно. Пустое кресло Крегги говорило о том, что она уже встала и где-то чем-то занята. Архивариус подошел к стойке с тазом, сполоснул морду и пробормотал:

— Могла бы и разбудить! Что это она... Столько провалялся!

Он поспешил вниз. За столами — никого. Тишина. Озадаченный Хобен стоял и молча грыз кончики усов. Тут он услышал звук и бросился на кухню, из которой этот звук донесся до его ушей.

Юный Брогл загружал тележку холодным мятным чаем и ежевикowymi пирогами, только что из печи.

— Что случилось? Где народ? — набросился на Брогла брат Хобен.

— Что случилось? — переспросил Брогл. — Сейчас скажу, что случилось, брат Хобен. Поиск обернулся пикником. Теперь, когда мы разгадали эту вчерашнюю загадку, все только о ней и думают, а заодно и завтракают на свежем воздухе у южной стены. Сейчас свезу им добавку. Хорошо спалось, брат Хобен?

Хобен принялся помогать Броглу.

— Ох, спал как чурбан. В комнате Крегги так тихо, кровать удобная. А она спит только в кресле. Тихая комната, никто под дверью не носится... Давай, Брогл, я тяну, ты толкай. Осторожненько...

У южной стены творилось что-то невообразимое. Навстречу тележке двинулся Бурак со стаканом в одной лапе и недоеденной овсяной лепешкой, с которой капал мед, в другой.

— Что я вижу! — закричал заяц. — Два бравых парня доставили пополнение к рядам изможденных бойцов, во! Молодцы, ребята! Теперь заботу о тележке беру на себя. Уж я-то за ней прослежу.

— Лапы прочь, обжора!

Заяц увернулся от поварешки брата Бобба и миролюбиво пояснил:

— Хотел помочь, во, только и всего. Я всегда и каждому рад помочь.

— Вот я как раз нуждаюсь в помощи, — сказала подошедшая к зайцу Филорн. — Надо согнать со стен малышню. Я их погоню сверху, а вы, сэр, постерегите здесь, внизу, чтобы они снова не оказались наверху.

Бурак галантно подставил выдре согнутую в локте лапу и склонил перед нею голову:

— Не могу отказать прекрасной даме, во! Долг — мое второе имя, мэ. Ступени крепостной стены станут

непреодолимым рубежом для этих мелких вредителей. Эй вы, мошकारа, прочь со стены! Кому сказано!

Метко брошенный огрызок яблока попал в кудрый заячий хвост. Филорн еле удержалась от смеха, а заяц свирепо уставился на маленького кротеныша:

— Коварный убийца, во! Мне не остается выбора. Я объявляю войну тебе и твоим союзникам, во, во!

Хобен нашел Креггу с Мгерой и Гундиллом. Они завтракали, сидя на стареньком коврике возле самой стены. Хобен присел рядом, прихватив ячменную лепешку с айвовым джемом и стакан холодного мятного чая. Крегга отмахнулась от любопытной осы.

— Прекрасное утро, брат. Не ругайтесь, что не разбудила вас, вы так сладко спали! Не хотелось разрушать идиллию. Вы уж меня простите.

Архивариус замахал лапами:

— За что прощать? Я так прекрасно выспался! Ну, как дела с нашей последней загадкой? Все показывало на юг, до двух последних строк, как они там звучали...

Я тень, или почти что тень,
Меж камнем и водой стою весь день.

Гундил осторожно поддел засахаренную сливу.

— Хурр, сэrr, у вас память отличная. Не зря вы арканоид... архивоид... аквариум... архивариум. А загадка все там же.

Мгера долила чаю в стакан барсучихи.

— Мы только о ней и думаем, брат Хобен, но она не поддается.

Крегга печально покачала головой:

— Оглядиись, и ты поймешь почему. Тут заяц старается помочь тебе справиться с едой, тут и малышня носится под носом, сестра Алканет жалуется на все вокруг,

Брогл болтает всяческую чушь... Не самое удачное место для решения трудной задачи.

Брат Хобен указал наверх:

— Давайте поднимемся на стену. Филорн как раз выгнала отсюда малышей, заяц стережет ступени. Тихо, спокойно, и никто не мешает думать.

Заяц преградил им дорогу палкой, изображающей копьё.

— Стой, кто идет?

— Пропустите, пожалуйста, — отозвался брат Хобен.
— Нам нужно наверх.

— Малышне на стены вход воспрещен, во, — официальным тоном сообщил Бурак. — Вы, во, извините, не малышня?

Крегга протянула лапу, обхватила палку и подняла зайца вместе с его «копьем» в воздух.

— Не испытывайте мое терпение, сэр, — проворчала она и поставила зайца в сторонке на травку. — Мы что, похожи на малышей?

— Я только исполнял свой служебный долг, во, — несколько смущенно забубнил заяц. — И очень вежливо задал вежливый вопрос, во.

Хобен оказался прав. Наверху, около зубцов крепостной стены, было гораздо спокойнее. Мгера наслаждалась панорамой местности, по которой в южном направлении вилась тропа.

Крегга втянула в себя свежий утренний воздух:

— Да, здесь хорошо. Мгера, дорогая, одолжи мне свои глаза. Куда ты смотришь и что отсюда видишь?

— Смотрю на юг. Слева вижу лес, внизу пустошь и тропа. Справа равнина и подалее, к горизонту, холмы.

Барсучиха оперлась на ограждение стены.

— И все? Ничего необычного, чего ты раньше не видела? Вы, двое, давайте поможем ей.

Брат Хобен и Гундил внимательно изучали пейзаж.
— Нет, Крегга. Ничего нового. Привычная местность.
— Хурр, да, местность-окрестность... миленькая та-
кая...

— А теперь повернитесь и посмотрите в сторону аб-
батства. Что вы видите?

— Верхушки деревьев леса, северную стену, цветники
и ульи, лужайки...

— Хурр, аббатство большое-пребольшое, тропка к
воротам, западная стена с главными воротами...

Крегга подняла лапу:

— Внимательнее, внимательнее. Помните, мы ищем
какую-то тень.

Мгера начала от восточной стены.

— Восточная стена. Южный конец аббатства и ого-
род между ним и стеной. Лужайки, трава... стон! мы
ищем что-то между водой и камнем, ведь так?

Тон Мгеры насторожил Креггу.

— Да, да! Что это?

Мгера сосредоточилась.

— Минутку, минутку... между камнем и водой. Вот
стена... мы стоим на стене... она из камня. А вот пруд...
вода. Может быть, та самая вода, которую мы ищем?

— Уже что-то! — облегченно вздохнула барсучиха. —
Что еще?

— Хурр, мэм, еще большое старое дерево.

— Какое дерево?

— Пожалуй, яшень, — неуверенно пожал плечами
брат Хобен.

Мгера заметила внизу Дрогга и крикнула ему:

— Что это за дерево там, внизу? Скажите, пожалуй-
ста!

Старый еж ответил, даже не глянув на дерево:

— Это яшень. У меня все инструменты из ясеня. Хорошая древесина, прочная. И мебель из него что надо!

Мгера погладила кору дерева, около которого они столпились.

— Где наши головы? Яшень! Я-сень. Сень — это почти что тень! Вот оно! Что теперь делать будем?

— Надо хорошенько осмотреть ствол и почву под кроной, — предложил брат Хобен.

— Я ростом выше всех вас. Ощупаю ствол сколько достану, — предложила Крегга. — А вы осмотрите его внизу и займитесь почвой.

Филорн и кротоначальница Брулл вели мимо толпу малышни. Выдра махнула лапой дочери:

— Мы идем на пруд купаться. Уведем их, чтобы не мешали в аббатстве. Отпусти, Дерби, не дергай за передник!

Кротеныш отстал от передника, но подбежал к Мгере и радостно сообщил:

— Хурр, я переплыву пруд, глубо-окий!

Мгера засмеялась и ответила:

— Хурр-хурр, малый сэр-р, плаванье не для кротов, оставь его выдрам. Плещись осторожноенько у берега.

— Ху-урр, — задумчиво протянул крошка-крот, сунув копающий коготь в рот. — Но ты же лезешь на дерево, хоть ты и не белка, хурр. — И он побежал догонять группу.

— Спасибо за подсказку! — крикнула ему вдогонку Мгера и повернулась к Крегге. — Нам нужна белка, Крегга. Кто лучше белки обследует дерево?

— Фавилла! — воскликнул Брогл, с энтузиазмом взмахнув хвостом.

— Это кто? — поинтересовалась Мгера, но Брогл мечтательно воззрился куда-то мимо нее и, кажется, даже не услышал вопроса.

Вместо него ответил брат Бобб:

— Фавилла — молодая белка, живет одиноко в лесу. Скромная, робкая, но Брогл умудрился с ней познакомиться. Он частенько таскает ей подарочки к восточной стене. Мы надеемся, что она как-нибудь присоединится к нам.

Гундил ухмыльнулся, глядя на физиономию Брогла:

— Хурр, кажется, надо пригласить мисс Фавиллу, она, конечно, справится лучше всех нас.

Брогл прикрыл хвостом глаза и царапнул лапой землю. Он вытащил из кармана передника коробочку, аккуратно перевязанную стеблем ромашки, и забормотал:

— Я как раз собирался навестить Фавиллу. Вот заодно и попрошу ее помочь. Справлюсь сам, не надо меня провожать. Да, вот что: если мисс Фавилла будет столь добра, что согласится помочь и прибудет в аббатство, не надо меня называть «юный Брогл». Просто «Брогл» — и достаточно.

И Брогл сорвался с места.

Брат Хобен посмотрел ему вслед:

— Наш Брогл выглядит так, как будто ему бочонок эля на голову свалился. Впрочем, не бочонок, а, пожалуй, мисс Фавилла.

— Наш Брогл? Надо же, кто бы мог подумать! — удивилась Крегга.

— Хурр-хурр, как будто у него в голове гнездо шмелей и бабочки порхают.

— Только не надо насмехаться над ним, особенно если он вернется с белкой Фавиллой, — заступилась за Брогла Мгера.

— Спасибо за чуткость, Мгера, — поклонился выдре брат Бобб. — Я уже давно знал, что Брогл встречается с Фавиллой, но молчал, чтобы над ним не смеялись. Он неплохой парень и очень хороший работник. Если бы он был моим сыном, я бы лучшего не желал.

Крегга подняла лапу:

— Ш-ш-ш! Он, кажется, уже возвращается.

Брогл подошел к ним чуть не вприпрыжку.

— Я уже поговорил с мисс Фавиллой. Она согласна нам помочь.

— Спасибо, Брогл, — поклонился ему брат Хобен. — И когда ее можно ожидать?

— Она уже здесь, — ухмыльнулся Брогл. — В кроне ясеня над вами, где же еще ей быть.

Крегга невольно вздрогнула:

— Но я ничего не слышала. Ни шагов, ни прыжков, ни дыхания. И никто из нас ее не видел.

— Как раз такое существо вам и нужно, — истово закивал головой Брогл. — Фавилла, будь добра, представься моим друзьям.

Белка Фавилла оказалась настоящей красавицей. Громадные миндалевидные глаза, изящные лапы, большой золотистый хвост и белоснежные зубы... Таких белок Мгера еще не видела.

— Добро пожаловать, Фавилла, — приветствовала Мгера новую знакомую. — Ты нас всех поразила своей ловкостью.

Да ну, Брогл вечно все преувеличивает. Конечно, понемножку прыгаю. И если смогу, с удовольствием помогу вам. Брогл много о вас рассказывал.

Слепая Крегга провела лапой по чертам Фавиллы.

— Гм, такая красавица и не хвастунья! — удивилась она. — Видишь ли, Фавилла, нам надо тщательно, веточ-

ка за веточкой, осмотреть это дерево. В том числе и его крону. Тут мы и надеемся на твою помощь.

Прыжок — и белка уже высоко на стволе. Там она повернула голову и спросила:

— Что именно нужно найти, мэм?

— К сожалению, мы этого не знаем. Возможно, кусок пергамента, гравировка... В общем, то, чего обычно на деревьях не бывает. Кстати, после просим за стол.

— Спасибо, мэм, очень приятно, — отозвалась белка и исчезла в листве могучего ясеня.

— Хурр, повезло тебе, Брогл с такой белкой познакомился, — пробормотал Гундил, завалившись на спину и уставившись вверх.

— Я надеюсь уговорить ее поселиться в аббатстве. Вы не будете возражать, мэм? — обратился Брогл к барсучихе.

— Возражать? Мы с удовольствием примем ее. Правда, Мгера?

— Я уверена, что Фавилла согласится жить с нами, — ответила Мгера и обняла Брогла за плечи.

Очень скоро Фавилла вернулась и отрапортовала:

— Ни надписей, ни пергамента не найдено. Обнаружен вот этот предмет.

Брат Хобен осмотрел находку со всех сторон.

— Как будто половинка очков на бечевке, мэм.

Он передал стекляшку Крегге. Она ощупала и обнюхала найденное приспособление. Печально улыбнулась:

— Давным-давно вручил мне этот монокль храбрый и преданный заяц, Талейран Ловчила-Левый, искуснейшая сабля Саламандастроны. Увы, пыль сезонов давно покрыла его кости. Вы смотрите сквозь монокль, чтобы лучше видеть. А веревочка — чтобы его не потерять. Аббатиса Песенка не любила очков, считала, что они ей не идут. Я ей подарила этот монокль, и она всегда носила

его с собой, хотя и прятала в рукаве, пользовалась им укрادкой. Где ты обнаружила его, Фавилла?

Все, кроме Крегги, вскинули головы вслед указующему жесту белки.

— Возле самой верхушки, на северной стороне. Он был закреплен между двумя ветками. Я правильно сделала, вынув его оттуда?

— Конечно, конечно, — успокоил ее брат Бобб. — И ничего странного больше не обнаружила?

— Нет, ничего. Только монокль.

Брат Бобб освободил Брогла от обязанностей по кухне, чтобы тот смог за завтраком пообщаться с Фавиллой. Ввиду хорошей погоды гостью принимали прямо под деревьями сада. Брогл хлопотал вокруг своей знакомой, то и дело подкладывая и предлагая ей все новые лакомые кусочки. Особенно гостье понравился теплый ореховый хлеб.

Бурак на своих ступеньках заснул и, к своему огорчению, чуть не проспал трапезу. В надежде, что еще не все съедено, он примчался на всех парах и втиснулся между двумя белками. Наполнив тарелку салатом, сыром и хлебом, он заметил Фавиллу.

— Ого-го... Мое почтение, прелестное создание. Брогл, Брогл, надо быстренько меня форменно представить твоей сногшибательной соседке, во!

Здоровенная лапа Крегги подняла зайца вместе с его салатом и вынесла из-за стола.

— Бросил пост, разбойник? Господин Командор, проводите, пожалуйста, этого нарушителя к месту службы. Тарелку пусть возьмет с собой. Ужасный тип этот заяц!

Суровый Командор приблизился к зайцу:

— Прошу вас, мистер Бурак, не задерживайтесь. Не забывайте, что у вас еще не закончился испытательный срок.

Под общий смех Бурак в сопровождении Командора удалился. Причитая и крепко держа тарелку, заяц внимательно смотрел под ноги, чтобы не споткнуться и не обронить драгоценную пищу.

— Чертов речной пес, убери лапы! Тебе только бы спровадить меня подальше от стола, от кусков, кусочков, кусищ милой пищи... Испытательный срок! Я скорей на пенсию выйду, чем этот проклятый срок кончится.

— Хурр, а что он там искал, моконоко... нокомокль этот... — размышлял вслух Гундил, жуя пирожок с репой и пряностями.

— И почему именно между двумя теми самыми ветками? — вторил ему брат Хобен, похрустывая кленовой вафлей с белым сыром.

— Через монокль надо на что-то смотреть, — продолжила Мгера. — Может быть, надо было залезть на ясень и посмотреть через стеклышко?

— Конечно! — хлопнула себя по лбу Крегга. — Фавилла сказала, что он смотрел на север.

— Да, — подтвердила со своего места Фавилла, отбиваясь от очередного подношения Брогла. — Сквозь стекло можно было смотреть на южную сторону аббатства.

— Вот доедим и сразу проверим, хурр, — отдуваясь, пообещал Гундил.

Во второй раз они направились к ясеню, захватив у Дрогга прочную веревку. Фавилла перекинула веревку через одну из верхних ветвей и спустила конец на землю.

— Захватила монокль, Мгера? Ну, поехали!

— Вставить монокль в его пазы и посмотришь. И сразу крикни, что увидишь, — напутствовала Мгеру Крегга.

С помощью Фавиллы выдра одолела подъем.

— Высоко-о! — выдохнула она, глянув вниз.

— Не смотри вниз, не надо! — предупредила Фавилла. — Мы почти добрались.

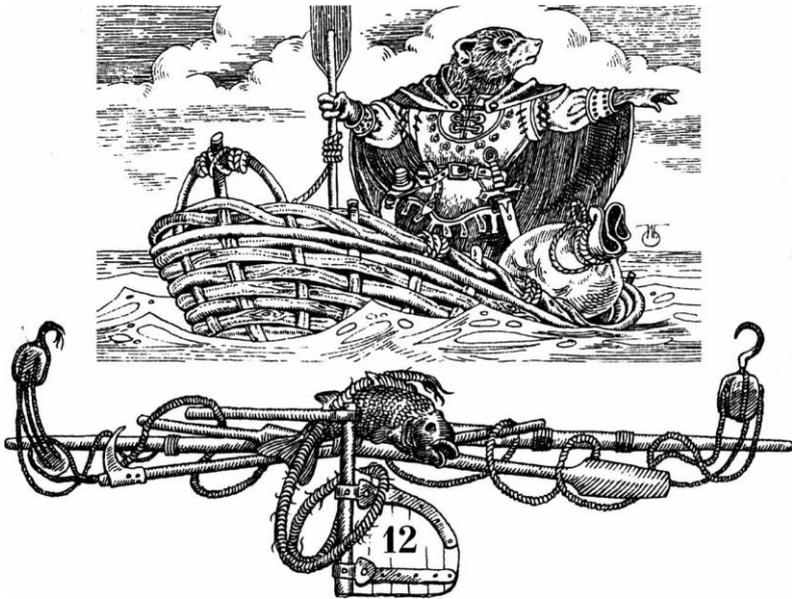
Оставшиеся внизу терпеливо ждали. Вскоре до них донеслись сверху странные звуки.

— Хурр. У мисс Мгеры веселый упадок... припадок. Смешной приступ, то есть, хурр-хурр.

— Мгера, что там смешного? Ты что-нибудь увидела? — забеспокоилась Крегга.

— Ха-ха-ха-ха! Я, ха-ха, я смотрю прямо, а-ха-ха, прямо в окошко матутики-барсучихи подсматриваю. Ха-ха-ха-ха!





Норосил легкий дождик, от реки подымался прозрачный утренний туман. В сопровождении Крозби и Заместина Таг появился на берегу из секретного туннеля полевок, нагруженный мешком с продовольствием и в плаще — подарке гостеприимных хозяев.

— Дождь ненадолго, — заверил Тага Крозби. — Мой выросший коготь почти не болит, значит, к полудню распогодится. А может, останешься, Таг? Тебе с нами было бы хорошо.

— Мне никогда еще не было так хорошо, как с вами, — заверил Тагеранг. — Но надо спешить дальше. За мной гонятся Юска. Не хочу я навлечь беду на ваши

головы. Юска — воры и убийцы, не попадайтесь им на глаза, будьте осторожны.

Из туннеля вышли еще двое полевок. Они несли что-то похожее на большую корзину.

— Это лодка. Не будет нужна — брось в реке, и она сама приплывет к нам по течению.

Таг не смог удержать улыбку:

— Вы уверены, что она поплывет?

— Тебе еще многому надо научиться, приятель, — наставительно заметил Крозби. — Хорошая лодка, легкая, простая в управлении. Весло одно, с лопастями на обоих концах. Оно же и мачта, если его воткнуть вот сюда, — показал Крозби.

Таг вставил весло между двумя деревяшками, закрепленными на дне, и спросил:

— А парус?

— Парус на тебе. — Заместин указал на плащ, — Твой плащ — отличный парус. Кроме того, наши плащи не пропускают воду, потому что пропитаны специальным секретным составом. В этом плаще останешься сухим в любой дождь.

Крозби сунул в лодку еще один мешок с едой.

— Запас провизии, — пояснил он.

Они спустили лодку на воду. Таг влез в нее и понял, что его судно неуклюже только с виду. Оно легко справилось с большим весом своего седока, хорошо держалось на воде.

— Отличная лодка, друзья! Устойчивая, надежная... И не протекает. Наилучшие пожелания вам и вашему племени. Никогда не забуду вашей доброты. И не стойте на берегу, сразу уходите. Будьте готовы к появлению Юска. Пусть ваши сезоны будут долгими и счастливыми.

— Возвращайся, Таг! Мы всегда рады тебе! — крикнули на прощание полевки и скрылись в своем секретном туннеле.

Крозби обернулся при входе и пробормотал:

— Удачи тебе, Таг. Пусть встретятся тебе друзья вроде нас.

Дождь еще моросил, когда мокрые, продрогшие преследователи проснулись в незнакомой местности после ночи под открытым небом. Злой и голодный Грувен съежил-ся под густой елью и зарычал на ласку Бельмину:

— Сколько еще ты будешь ковыряться с костром?

Бельмиа повернулась и глянула на горностаю здоровым глазом.

— Мокрое дерево, не хочет загораться. Всю ночь шел дождь.

Грувен осмотрелся, выискивая, к кому еще можно придрататься. Волог грыз сушеную рыбину из походного рациона. Грувен запустил в него еловой шишкой — и промазал.

— Эй, Волог, смотри не лопни! Где мой завтрак? Ты забыл, что я вождь?

— Ничего я не забыл. Никакой ты пока еще не вождь, — огрызнулся Волог, не переставая жевать. — Сони всегда говорил, что вождь должен себя показать и утвердить. А ты пока что только поешь. Я тебе не мамаша.

Грувен оценил взглядом крупного хоря. Волог — прирожденный убийца, опасный зверь, с ним лучше не связываться. Чтобы хоть как-то укрепить свой авторитет, Грувен прорычал:

— Вот догоним выдру, тогда и покажу, на что я способен.

Вернулась Ифира. Она встала еще до рассвета и отправилась на разведку. Не обращая внимания на Грувена, лас-

ка растянулась на земле и тоже впилась зубами в вяленую рыбину.

— Что найдешь в такую погоду! — пожаловалась Иффира Раббаду, небольшому хитрому лису. — Там недалеко река. Выдры любят воду.

Раббад собирал капающую с деревьев воду на лист щавеля и отпраплял ее в рот.

— Думаешь, надо идти вдоль реки? А в какую сторону? Волог закинул на плечо лук и колчан со стрелами.

— Скорее, на север. Ведь он сразу туда пошел.

Грувен решил, что пришло время показать свою власть.

Расправив плечи, он вышел вперед и заявил:

— Правильно. Идем на север. Снимаемся, хватит жевать. За мной! — И он зашагал, не оборачиваясь.

За собой он, однако, вместо топота ног услышал грубый смех. Он круто развернулся и встретился взглядом с Иффирой. Ласка указывала лапой в противоположном направлении.

— Прошу туда... вождь.

И голос, и физиономия ее выражали презрение.

Грувен оказался семящим в хвосте. Попробуй обгони кого-нибудь на такой узкой тропке.

За утро они далеко продвинулись по берегу. Шли звери быстрым шагом, и Грувен, хотя и далеко не слабачок, с трудом успевал за группой. Остальные старше, но все жилистые, поджарые, опытные. Грувен украдкой облегченно вздохнул, когда Волог остановился на отдых. Звери забрались от надоевшего дождя под плакучую иву, только Иффира рванулась вперед на разведку местности. Даграб махнул лапой на север:

— Речная собака идет в горы.

Грувену захотелось поспорить:

— Что ему там делать? Чушь какая!

Гробит лениво пояснил:

— Горы — это скалы. А есть скалы — нет следов. Я бы на его месте так рассудил.

— Кто тебя спрашивает? — презрительно бросил Грувен и плюнул в реку.

Разговор прервался, когда появилась Ифира.

— А вот гляньте-ка сюда, — пригласила ласка. — Все как я говорила.

Они прошли по берегу, и Ифира показала след лапы.

— Я говорила, что выдры любят воду? Здесь он вышел. Вот под камнем пол-отпечатка лапы. А здесь, чуть подальше, он сломал хвостом стебли. Прошлой ночью.

— С чего ты взяла? — опять заспорил Грувен.

Ифира не ответила и зашагала по берегу дальше.

— Великий следопыт! — насмеялся Грувен. — Даже ответить не может.

— Да что тут объяснять, — ответила вместо Ифиры Бельмина и указала на сломанные стебли папоротника. — Дождю надо несколько часов, чтобы смыть липкий сок. А эти уже не липкие. До дождя сломаны. Пошли, Ифира что-то еще обнаружила.

Грувен вытащил меч и рванулся вперед, уверенный, что на этот раз он уж точно первый.

— За мной, ребята!

Тут из-за кустов снова раздался голос Ифиры:

— Хватай его! Держи полевку!

Грувен рванулся вправо, влево, потом направо вперед. Что-то промелькнуло мимо, увернувшись от него, и он врезался лбом в Ифиру. Оба рухнули в кусты, Ифира стяхнула с себя Грувена и вскочила, вопя:

— В воде! Достань ее, Волог! Она в воде!

Лучник быстро выпустил две стрелы, достал третью, но тут же с досадой махнул лапой:

— Опоздали. В заднюю лапу попал, и тут он нырнул. Ушел.

Ифира стерла кровь со рта и сплюнула в реку. Она медленно повернулась к Грувену, с трудом сдерживаясь от лапоприкладства.

— Я чуть не поймала ее. А из-за тебя...

— Но ты же сама звала на помощь! — огрызнулся Грувен. Он отчаянно трусил и старался этого не показать.

Ифира подняла упавший меч Грувена. Потрогав языком зуб, расшатавший ударом крепкого лба нового вождя, она ответила:

— Извините, вождь. Я не знала, что это вы. Я думала, это кто-то с мозгами в голове.

Грувен пожал плечами, сделав вид, что не заметил издевки, и выдал из себя очередную глупость:

— Подумаешь, какая-то мелкая мышь. Зачем она нам?

Ифира с отвращением посмотрела на него:

— Информация. Слышал о такой штуке?

Она протянула меч хозяину, но вдруг передумала, швырнула его в кусты и отвернулась.

Грувену пришлось поискать свое оружие в кустах. Когда он вернулся, группа уже уходила. Догнав их, Грувен увидел, что все жуют груши. Он задержал Бельмину, одну из немногих, кого ему удавалось держать в повиновении, и строго спросил, откуда груши.

— Вон, на макушке холма растут, — махнула лапой ласка.

— Сбегай-ка, принеси мне пару, да поживее!

— Иду, иду, вождь. — Бельмина увернулась от лапы Грувена и побежала к холму.

В секретном туннеле Крозби хлопотал над лежащим Заместином, накладывая на его ногу повязку из лечебных трав и мха.

— Ну, все в порядке. Полежи спокойно.

— Буду жить! — улыбнулся Заместин. — Разве меня убьешь одной стрелой?

Крозби подхватил камышовую трубочку и оперенную стрелу с острием, обильно смазанным соками ядовитых растений и грибов.

— Но та нечисть, которая заполучит эту стрелу, жить не будет.

Бельмина быстро сорвала две груши и заспешила вслед за группой, не желая задерживаться на этом странном холме.

— Уй! — Она хлопнула лапой по затылку. — Распроклятая ты мошка!

Крозби осторожно подобрал упавшую стрелу, аккуратно положил ее в коробочку и опустил коробочку в мешок.

— Эта мошка тебя больше не отпустит, — пробормотал он вслед убегающей ласке.

Полуденное солнце дробилось в мелких волнах, белые барашки облаков лениво ползли по голубому небу. Крозби точно предсказал погоду. Таг перестал грести, подтянулся за свисавшую ольховую ветку в тихую бухточку, берега которой густо усеяли кустики ежевики. Он вытащил лодку среди маскирующих ее кустов, с наслаждением прошелся по суше, разминая затекшие от долгого сидения лапы. Вытащил припасы полевок, закусил, насобирал ягод и тоже отправил в рот. Расстелив плащ, устроился поудобнее и дремал.

Снова припомнилась неведомо где слышанная мелодия, послышался неразборчивый рокот слов. Он попытался припомнить слова. Как будто мягкая ткань касается его щеки, два нежных голоса поют над ним...

У пруда, заросшего
Мягким камышом,
Улеглись калачиком
Мама с малышом.

Тихо, пчелка, не жужжи,
Над водою тишь,
Село солнышко за лес,
Засыпай, малыш.

Счастье переполнило Тага, но счастье всегда мимолетно, особенно во сне. Сон померк, рассеялся, как дым на ветру.

Сколько он пролежал так на берегу, он не представлял, но вдруг перед ним появилась мышь в боевых доспехах и с мечом. Мышь-воин кричала:

— Дейна! Дейна! — Таг мгновенно проснулся, в тревоге открыл глаза... но тут же рухнул обратно во тьму.

Ифира изучала берег у самой воды, переключаясь с горностаем Спиногрызом:

— У меня ничего! Как там у вас?

— Ничего и никого, кроме нас! — откликнулся идущий повыше Спиногрыз.

Группа нагнала ласку-разведчика.

— Но он был здесь, в воде, я чувю это, — настаивала Ифира. — У него есть легкая лодка, — решила она и добавила: — И быстрая.

Грувен сидел у воды, охлаждая уставшие лапы.

— Откуда у него лодка? И зачем она ему? Выдры лучше всяких лодок плавают.

Ифира не удостоила невежду ответом. Грувен торжествующе обратился к присевшему рядом Раббаду:

— Ага, молчит. Нечего сказать.

— Даже выдры не могут долго плыть быстро, — прошептал его Раббад. — Особенно против течения. Если бы он все время плыл, мы бы его уже догнали.

Чтобы замаять свою глупость, Грувен набросился на Бельмину, с трудом догнавшую группу:

— О, кто к нам пожаловал! Ну, ленивые кости! Чего разлеглась? Мы уже уходим.

Бельмина, не в состоянии больше встать, простонала:

— Воды! Воды!..

— Воды? — с издевкой в голосе переспросил Грувен. — Вон, река рядом, встань да напейся!

Ифира подскочила к Бельмине и приподняла ее голову.

— Что с тобой?

Физиономия Бельмины начала распухать, единственный глаз покраснел и полузакрылся.

— Все болит... Жжет... Воды!

— Сейчас, сейчас, — заторопилась Ифира, но, прежде чем она успела добежать до берега, умирающая захрипела, заколотила по земле всеми лапами и тут же затихла.

Гробит толкнул ее лапой:

— Готова! Кровь и клык, ну и дела!

Они привязали к телу несколько камней и швырнули его в реку. После этого Ифира и Волог присели, чтобы обсудить, что делать дальше. Грувен присоединился к остальным, разбредшимся по лесу в поисках ягод и птичьих гнезд. Его раздражало возмущение наглостью этих двух самозванцев. Жую корни одуванчика и держа в лапах два яблока, он вернулся и подсел к Вологу-лучнику.

— Ну, что теперь?

Волог указал одной из своих стрел на противоположный берег.

— Надо обследовать оба берега. Выдра могла и там наследить.

— Я не поплыву туда, — занервничал Грувен. — Река глубокая.

Волог смерил его презрительным взглядом:

— Да и не надо... вождь. Оставайся лучше здесь. Меньше вреда.

Ифира для проверки вошла в реку. Ее чуть было не унесло течением, и Волог едва успел протянуть ей лук, чтобы выгащить обратно.

— Этот дуралей прав, — указала Ифира в сторону Грувена. — Течение быстрое, река глубокая. Водоросли вокруг ног обматываются. Кажется, я на Бельмину наступила. Надо брод искать.

В поисках брода прошел весь день до вечера. Ничего не заподозрив, они миновали место, где отдыхал Таг, вытащив свою лодку на берег. К вечеру добрались до излучины, где река замедляла бег, чтобы затем снова спрямить русло и выйти на быстрину.

— Здесь немножко крутит, но это не страшно, — утешала всех и себя Ифира. — Зато у того берега тишь да гладь. Вон, камыш растет, значит, никакого течения нету. Ребро, Гробит и Раббад, пошли со мной, остальные — здесь с Вологом.

Держась за лапы, звери во главе с Ифирой вошли в реку. На середине пришлось вытянуть шеи, чтобы не захлебнуться.

— Придется плыть, — прохрипел Раббад. — Глубоко!

— Дальше будет помельче, — успокоила Ифира. — А если разжать лапы, беды не оберемся.

Но мельче не стало. Противоположный берег крутой и скалистый, река не мелела до самого берегового откоса. Течение, однако, сильно замедлилось. Ифира вошла в густые заросли прибрежных камышей.

— Почти пришли... Ой! Кусается!

Забыв про собственные наставления, Ифира вырвала лапу у Гробита и припустилась к берегу вплавь. В панике она стрелой взлетела на береговую скалу.

Трое в воде остались каждый за себя. А вода вокруг них вдруг шумно забурлила. Из камышей выплыла стая налимов, привлеченных чужаками. Распластавшись на скале, Ифира протянула древко копья Гробиту, который, вопя, вцепился в него и полез из воды.

— А-а-а-а! Он меня сожрал!

Ифира схватила каменный осколок и забарабанила по голове здорового налима, сзади вонзившего зубы в Гробита. Горноста́й Ребро, недолго думая, быстро и неуклюже поплыл. За ним, разрезая воду закругленными спинными плавниками, устремились два налима. Одного из них метким выстрелом навеки утихомирил Волог. Другого палками отогнали спрыгнувшие в воду навстречу Ребру Спипогрыз и Даграб.

Раббад оказался полным неудачником. Он поплыл обратно вслед за Ребром, но встретился с рыбиной, которую отогнали Спипогрыз и Даграб. Окаменевший от ужаса Грувен наблюдал, как стая налимов утатила Раббада под воду. Из воды показывались мощные головы с разинутыми пастьями. Вода окрасилась в красно-бурый цвет. Приплыли и две щуки, привлеченные кровью. Последний крик несчастного все еще отзывался в ушах горноста́я.

Волог первым пришел в себя после бурных событий этой роковой переправы. Он зашлепал по воде, протянул вперед лапу с луком и подцепил убитого налима за торчавшую из него стрелу.

— Раббаду не повезло, зато мы с ужином! — крикнул он через реку Ифиге. — У тебя тоже неплохой улов!

— Да, только этот улов чуть не сожрал Гробита! — ответила Ифиге, — Здесь заночуем, завтра разберемся.

Грувен не отрывал глаз от аппетитного налима, которого Волог нанизал на ветку и жарил над костром. Лучник время от времени поворачивал рыбину и тыкал в тушу стрелой, проверяя, не пора ли ее съесть.

— Как эта уродина называется? — поинтересовался Грувен.

— Налим, — просветил его Ребро, который разных рыб навидался на своем веку.

— Налим, да, — повторил Грувен, придвигаясь к костру. — Вкусный, должно быть.

— А это уж только я узнаю, вкусный он или нет, — отозвался Волог. — Я его убил. Иди, поймай себе другую рыбку. Это моя добыча.

— Но ведь Ифира поделилась с Гробитом! — возмущенно воскликнул Грувен и вытянул лапу в направлении другого берега.

— А как же! Они ведь и поймали ее вдвоем, — ухмыльнулся Волог. — Гробит наживку изображал, гы-гы.

Спипогрыз, Даграб и Ребро не тратили времени на пустые разговоры и молча грызли корни и яблоки, но Грувен не мог смириться с вопиющей несправедливостью и не унимался:

— Слушай, Волог, ведь я ваш вождь. Мне положена доля добычи.

— Так возьми ее... вошь...дь, — Волог уже проглотил первый кусок и выплюнул в костер рыбью кость.

Грувен чувствовал, что звери с обоих берегов во все глаза следят за ним. Пришла пора показать, кто здесь главный. Лапа горностая потянулась к мечу, но Волог молниеносно оказался рядом и мощным ударом в нос распластал Грувена у своих ног.

— Вождь тот, кто добудет голову Тагеранга, и это уж точно не ты, сопляк, — глядя на поверженного сверху вниз, изрек Волог. — Все видели, какую трепку задал тебе Таге-

ранг. Никакой из тебя вождь. Мамуля твоя еще потянула бы... А Гриссе все равно, вокруг кого плясать, лишь бы был силен и ему все подчинялись. Так что не лезь под ноги — растопчу! Ты сосунком был, когда Сони добыл Тагеранга. Я убил его отца, убью и сына.

С противоположного берега Ифира внимательно ловила каждое слово Волога.

— Быстрый ты, лучник, — бормотала она себе под нос, слизывая с лап рыбий жир. — Посмотрим, посмотрим.

Грувен лежал, слизывая кровь с разбитого носа и планируя убийство Волога. Волог вернулся к костру и к рыбе. Он жадно жевал, сидя спиной к незадачливому вождю.

Кишка у тебя тонка убить меня, Грувен, — как будто прочел его мысли стрелок. Он выплюнул в костер очередную кость и закончил мысль: — Только протяни еще раз лапу к мечу — мигом оттяпаю и лапу, и голову.

Грувен ничего не ответил, про себя поклялся жестоко отомстить Вологу. Сам Волог, не переставая жевать, размышлял об убийстве Грувена и Тагеранга. Ему хотелось стать вождем. Ифира на другом берегу следила за обоими и тоже ни о чем, кроме убийства, не думала. Устранить следовало Волога, Грувена и Тагеранга. Способной ученицей была эта ласка, а учитель ее — сам Сони Рат!





Утомленная Крегга обмякла в своем кресле. В ее комнату набилась куча народу. Все усердно искали что-то, неизвестно что. Раз монокль из кроны дерева смотрел в окно комнаты Крегги, значит, здесь скрывалось что-то интересное.

Посреди этой суеты, гомона и беспорядка сама барсучиха сидела с видом страдальцы.

— Стоп! — крикнула Мгера, решив положить конец этому беспорядку. — Прекратите шум, слушайте меня внимательно!

Как ни странно, все ее тотчас послушались, и она решила развить успех.

— Друзья, комната безуспешно обыскана несколько раз. Крегга устала, ей надо отдохнуть. Прошу вас, вернитесь к своим делам.

И все тут же потихоньку, без шума и толчеи в дверях, покинули помещение.

— Спасибо, Мгера, — улыбнулась Крегга. — Отлично себя вела. Твердо и тактично.

— Хурр, спасибо, Мгера, лично себе юла, упф!

Мгера зажала кротенышу рот.

— Что мы с этим маленьким кошмаром сделаем?

— Отрубим хвост и заткнем ему рот хвостом, — предложил Брогл. — А потом я отнесу его на кухню и мы с братом Боббом сварим из него кротовый суп.

Дерби скатился с кресла, вскарабкался на кровать и засопел. Потом приоткрыл один глаз и сонным голосом пробормотал:

— Хурр-ууу, спящим детям хвосты не рубят. Вы большой добрый сэр, а я крепко сплю.

— Вот и спи на здоровье, — улыбнулась Крегга.

Мгера и Фавилла принялись за уборку и расставили вещи по местам.

— Да, основательно обшарили комнату, — мрачно произнесла Фавилла, присаживаясь на подушечку для лап. — И ничего не нашли. Жаль! Мне сначала даже было интересно, ведь я никогда раньше в домах не бывала.

— Никогда не была в домах? — удивилась Мгера. — Как же ты жила, Фавилла?

И они с интересом выслушали рассказ белки.

— Я плохо помню раннее детство, родителей. Помню крики в ночи, звуки битвы. Меня засунули в пустое бревно. Потом стоны и лисий смех. На нас напали лисы. Я провела в бревне всю ночь и полдня. Когда выползла оттуда, увидела мать. Она лежала не двигаясь, вся в крови. Отца не было, лис тоже. Я долго сидела рядом с матерью, но она так и не шевельнулась. Я плакала, очень хотелось есть. И я пустилась на поиски пищи. Жила в лесу, заботилась о себе сама, что

тут рассказывать... Однажды выскочила к аббатству. Сначала испугалась, наблюдала издали, с высоких деревьев. Следила за вами. Вы все казались счастливыми и довольными. Тут я встретила Брогла. Он приносил мне лакомые кусочки, рассказывал об аббатстве и его обитателях. Жизнь в аббатстве мне казалась сном.

— Тогда пусть этот сон станет явью, — улыбнулась Мгера. — Отныне аббатство — твой дом.

Фавилла поднесла лапу ко рту:

— То есть... Я смогу здесь жить вечно?

— Ха-ха, — усмехнулся Брогл. — Никто не живет вечно, но ты сможешь здесь жить, пока не станешь старше, чем Крегга.

— Нахал молодой, — улыбнулась Крегга. — Фавилла, дорогая, позволь мне первой тебя поздравить, с новым домом.

— Хурр, позволь мне вторым тебя здравить новым домом, хур-ра-а-а! — донеслось из-под подушки с кровати.

— А вот и первое поручение. — Крегга кивнула в сторону кровати. — Доставь этого нахаленка в Пещерный зал. Мать его наверняка уже ищет. Мгера покажет тебе дорогу.

Когда Мгера и Фавилла вернулись, Гундил и Брогл помогли Крегге подняться из кресла.

— Пора за стол, — пояснил Брогл, обращаясь к Фавилле. — Есть хочешь?

— У вас такая вкуснотища, что я все время хочу есть.

— О-ох, старые кости! — кряхтела Крегга, поднимаясь на ноги. — Жаль, что мы не разгадали загадку. Но комната стала намного чище после поисков, и то хорошо. Спасибо, Мгера, спасибо, Фавилла.

— Над загадкой мы еще подумаем, — сказала Мгера, входя в столовую. — М-м-м, понюхай!

Фавилла принюхалась:

— Великолепно! Что это?

— Это сливовый пудинг, который приготовила мама Мгеры, и суп из орехов, репы и грибов, который сварил брат Бобб, и еще одуванчиковая лопуховка, которую цедит из бочонка Дрогг Копейщик, — сообщила Крегга, чуть нюхнув воздух.

— Крегга носом видит лучше, чем мы глазами, — объяснил Брогл специально для Фавиллы. — Вот несчастье-то!

Последнее замечание Брогла относилось к зайцу. Бурак выскочил между столами и принял театральную позу.

— А теперь, мои дорогие друзья, для возбуждения аппетита — поэтические строки моего собственного сочинения. Все внимаем признанному поэту, во, во!

Поэт вам расскажет про пудинг со сливой,
Поевши которого будешь счастливый.
Да! Будешь счастливый не день и не два,
От радости кругом пойдет голова.

Сошло с поварихи двенадцать потов —
Король поварского искусства готов!
В нем слива, орехи, мука и варенье,
а также в него положено всякое-разное,
что положено и не положено,
я имею в виду эксклюзивные специи и
разного рода, не стану уточнять,
всевозможные восхитительного вкуса конкреции,
То есть воистину мастерское творенье!

Дайте мне блюдо — такое чудо!
Дайте тарелочку — расцелую белочку!
Дайте мне плоску — не дам оплошку!
Дайте мне тазик — наемся хоть разик!

Дайте блюдечко — набью себе пузечко!
Дайте горшок — наемся до треска кишок!
Дайте ведро, а не то упаду,

С голоду-холоду я пропаду!!!

Бурак поклонился, сияя от ушей до пяток. Под общее молчание он проследовал к своему месту, споткнулся и упал под стол. И только тогда раздались бурные аплодисменты и громкий смех. Обиженный заяц высунулся из-под стола и изрек:

— К возвышенным звукам вы глухи, невежды. Смеетесь над бедою ближнего, во. Мелкие умы довольствуются мелочами, говаривала моя старуха-мать. Иные из вас так никогда и не вырастут, до старости останутся малышами, во.

— Вот в чем разгадка! — вскочила Мгера, и все повернулись к ней. Она улыбнулась и объяснила: — Извините, мне в голову неожиданно пришла идея. Я задумалась над этим, когда крошка Дерби однажды мерил рост у дверного косяка. А мистер Бурак помог мне полностью осознать ответ. Все дело в росте. Дерево выросло с тех пор, как аббатиса Песенка укрепила на нем монокль. Не туда мы в монокль смотрели.

Крегга зашевелилась на своем месте:

— Как мы раньше до этого не додумались!

— Как, как... заняты были, во, издевались над беднягой, который упал и сломал себе хвост, во, во.

Филорн подала зайцу громадную порцию:

— Бедный мистер Бурак, я не смеялась над вашим падением. Спасибо за прочувствованные строки о моем пудинге. Вы заслужили тройную порцию.

Настроение зайца намного улучшилось.

— О, благодарю вас, мэм. Вы — сокровище среди присутствующих. Остальные — сборище полуграмотных поселян... кроме мисс Мгеры, разумеется.

Фавилла уже обдумала план действий.

— С утра мы обследуем стену под окном. С деревом я справилась, посмотрим, как справлюсь со стеной. Мне понадобятся тонкий шнур и прочный нож. Не надо вопросов, завтра все увидите.

Не так просто оказалось вернуть сознание. Шевеля головой, Таг ощущал на затылке здоровенную шишку, но потрогать ее не мог, потому что лапы кто-то добросовестно связал. Этот «кто-то» шуршал рядом, передвигался. Не открывая глаз, Таг старался определить местоположение неизвестного существа. Лежал он на чем-то неустойчивом, пол под ним часто двигался, тряся. Таг простонал и повернулся в сторону, где, как он полагал, не было двигающегося существа. Неизвестный зверь подошел к нему, Таг почувствовал на щеке его дыхание. Зверь отошел. Таг медленно открыл один глаз, ближний к полу. Темно. Ночь. Он увидел листву и понял, что находится на дереве. На ольхе, между ветвями, на шаткой платформе из веток и сучьев. Крыши над головой не было, лишь листва.

— Нечисть гнусная, всех перебить. — Существо обращалось не к пленнику, а к себе самому. — Мразь гнилая, дрянь, жизни недостойная. Всех перебить.

Таг тихо слушал хриплый голос.

— Смерть гнуснятине, смерть... Смерть? Да, ничего другого они не заслуживают. Смерть медленная, мучительная. Пусть страдают, пусть испытают мои страдания. Да, да, о да!

Дыхание снова приблизилось, и Таг решил, что момент настал. Он рванулся и ударил связанными задними лапами. Попал, отшиб противнику дыхание. Перекатился ближе, снова ударил. Существо ожесточенно отбивалось, но не переставало бормотать:

— Ха-ха, смерть тебе, скотина, ха-ха-ха.

Таг увидел перед собой оскал белых зубов, откинул голову назад и нанес такой сильный удар, что сам чуть снова не потерял сознание. Оба свалились с платформы и полетели, шурша листвой, к земле. Таг сразу же извернулся, чтобы оказаться сверху. Это ему удалось, но сильнейший удар от падения оглушил обоих.

Когда Таг очнулся, тот, под ним, еще был без чувств. Нож, нож, где нож? Он перевернул существо и обнаружил нож на его поясе. Таг схватил рукоять зубами, рывком высвободил нож и торопливо принялся перепиливать веревки на лапах. Нож Сони Рата славился своей остротой. Работа спорилась. Повязки спали, и Таг, все еще держа нож в зубах, принялся растирать лапы. Голова раскалывалась, все тело ломило, но он жив! В тени дерева было совершенно темно, и Таг все еще не видел своего врага. Ростом тот был пониже, но массивный, мощный. Вдруг он рывком сел, дико хохоча:

— Ха-ха-ха, значит, ты остался, чтобы дожидаться смерти?

Таг взмахнул мощным хвостом и ударом в лоб уложил противника наземь. Он приставил нож к горлу врага и приказал:

— Тихо! Не двигайся, не то умрешь!

— Ха-ха-ха-ха! Убивай, нечисть, убивай, да поживее!

Таг повернул нож и, стукнув рукояткой неугомонного врага по лбу, снова лишил его сознания. Быстро срастив веревки, он усадил неизвестного зверя к ближайшей ольхе и прочно привязал в таком положении. Потом подошел к воде и плюхнулся в нее, чувствуя, как смывается боль и освежается разбитый организм. Потом нашел лодку. Запас продовольствия оказался нетронутым. Подкрепившись, он свернулся в лодке ка-

лачиком и чутко заснул, держа нож наготове. Как только забрезжил рассвет, Таг поспешил к ольхе. Пленник сидел, прижавшись лбом к дереву, и тихо бормотал:

— Нечисть не уйдет от меня, нет, нигде не скроется... Я догоню его, и он умрет... Медленно, мучительно...

Перед Тагом сидела крупная старая белка. Накидка на ней была скроена из кусков лисьих, крысиных, горностаевых шкур. Таг сел вблизи и спросил тихо:

— Почему ты хотела меня убить? Я не нечисть.

Она презрительно посмотрела на него и ответила:

— Как же, разрисованная морда, золотая серьга... Самая нечисть! Да еще нож убийцы... Не смей меня... Дрянь, нечисть!

— Карр, веррно, веррно. Дрянь, дрянь.

Таг резко повернулся в сторону нового голоса. Большая выпь, практически неразличимая на фоне камышей, вышла из прибрежных зарослей. На мощных зеленых ногах дошагала она до ольхи, у которой сидела связанная белка.

— Кабурр! Ботаррус не дуррак. Дрянь кррадется берегом.

Таг сразу понял, о ком речь.

— Сколько их? Где они? — спросил он.

Выпь иронически осмотрела Тага с головы до ног:

— Прригласить дрянь?

— Пусть он зовет их сюда, Ботарус, ха-ха-ха. — Смех белки звучал жутко. — Ты только освободи меня, и я их всех перебью, ха-ха-ха.

Таг сунул нож за пояс:

— Меньше всего я хочу, чтобы они меня нашли. Они ищут меня и хотят убить. Это они нечисть, а не я.

Тагу не понравился тон бывшего врага, но он вывалил из мешка половину провизии и сказал:

— Здесь половина. Мне тоже нужно в дорогу. И лодкой можете пользоваться, а если полевки спросят, скажите, что Таг оставил.

— И нож отдай! Мне нравится твой нож!

Таг обернулся и увидел, что белка замахнулась на него веслом. Но Ботарус схватил весло своей длинной мощной лапой и вырвал его у белки.

— Крр. Прекрати безобразничать. Вернусь скоро. К тропе, к тропе, рречной прриятель!

Таг и Ботарус прошли ольшаник и вышли на редколесье.

— Странная белка! — вслух размышлял Таг. — Спасибо тебе, Ботарус.

— Крр, странная. Стррашное пришло перрежить. Дррянь, дррака, ррана, крровь... Трудно, трудно.

К полудню они вышли из леса. Гора четко вырисовывалась на фоне неба, все еще очень далеко. Ботарус ткнул клювом в сторону равнин:

— Карр! Тррясина, рравнина, горрки, прредгоррье.... Осторожно прробирайся, ррептилий беррегись.

Ботарус неуклюже разбежался, взлетел — и от неуклюжести не осталось и следа. Широкими кругами он набрал высоту и испустил протяжный крик:

— Крррруууууууммм!





В мелких кустарниках солнце жарило как на сковородке. Таг энергично шагал по равнине, по-сасывая кислотоватые бутоны одуванчиков, иногда поднимая глаза к манящему снежному гиганту. И это называется равниной! Ямки да холмики, неожиданные прикрытые травой борозды, дыры нор... Ближе к полудню, обнаружив тенистое местечко под странной формы холмиком, Таг расположился на отдых.

Проснулся он не от криков или воплей, а от шипения, смешанного с каким-то неясным ворчанием. Звуки доносились с другой стороны холмика, в тени

которого так хорошо спалось. Таг вытащил нож и отправился на разведку.

Гладких змей он видел и раньше, но не столь больших. Слегка сероватая узкоголовая бестия сжимала левую мышь, стараясь задушить ее в своих кольцах. Мышь, однако, не сдавалась и боролась за жизнь и свободу, кусая и царапая бока хищника, без воплей отчаяния и призывов о помощи. Таг восхитился отвагой пленника и решил ему помочь. Он наступил на голову змеи, надежно прижал ее к земле, а лапой схватил ее хвост и вытянул тело в струну.

— Беги, герой. Этот грубиян вряд ли будет мирно настроен, когда я его отпущу.

Мышь оправила мятую желтую рубашонку и яростно оскалила зубы:

— Дай-ка мне твой ножик, приятель, я распотрошу ее в мелкие клочья, дрянь рыбоглазую, безногую ящерицу. Выкрою рубаху из ее кожи.

Таг подивился свирепости мелкого зверька. Отодвинув его хвостом, он примирительно пробормотал:

— Ладно, успокойся. Сам разберусь.

Мышонок чуть не лопнул от ярости.

— Да ты в своем уме, приятель? Ты появился, когда я ее уже почти уложил, и мешаешь мне эту волокушу прикончить! Чего ты замер, как замороженный? Убей ее!

Таг повернул нож рукоятью вперед и сильно стукнул по змеиному черепу. Змея обмякла.

— Ладно, пусть отдохнет. Правда, после такого отдыха обычно отчаянно болит голова. Пошли, хватит прохлаждаться.

Таг посадил мышь на плечо и зашагал прочь.

— До чего ты кровожадный! Между прочим, меня зовут Таг.

— Очень приятно. Я Нимбало-Убийца. В следующий раз, когда увидишь, что я приканчиваю змею, шагай мимо, не мешай.

Таг как смог подавил смех и спросил:

— А как ты здесь очутился, Нимбало?

— Орел занес, — небрежно бросил собеседник. — Напал на спящего, мерзавец. Я обломал ему когти и выпал. Упал на мягкий песок, а тут этот червяк-переросток... Ему повезло, что я еще не оправился после падения.

Таг серьезно кивнул:

— Конечно, конечно, но откуда ты? Я имею в виду твое племя, семью, где вы жили...

— Любопытный, — донеслось с плеча. — Племена, семьи... Кому они нужны? Лишние хлопоты. Нимбало-Убийца полагается сам на себя.

— Ну сейчас-то он прилег на мое плечо.

— Не противоречь. — Голова Нимбало высунулась вперед, и он заглянул Тагу в глаза. — А вот ты что делаешь вдали от воды?

Таг повторил историю, рассказанную белке и Ботарусу. С плеча послышалось одобрительное похрюкивание.

— Правильно, Таг. Долой кланы, семьи, стада и стаи. От них одно горе. А что тебе надо в горах?

Таг снова посмотрел на снежный пик.

— Трудно сказать. Гора выглядит такой чистой... свободной, что ли... Но я там никогда не бывал. А ты?

— Горы! — с жаром начал Нимбало. — Я был в горах, под горами, за горами и перед горами. Я больше гор перевидал, чем ты одуванчиков.

Таг снял мышь с плеча и посмотрел ей в глаза.

— Ты, конечно, провел долгую жизнь, полную приключений. А сколько тебе сезонов?

Нимбало начал было считать по своим усам, но махнул лапой и сообщил:

— Намного больше, чем тебе. Мыши вообще гораздо старше, чем выглядят.

— А почему ты все время врешь? — задал Таг очередной вопрос, — Ты когда-нибудь правду говорил?

— Правду? — Нимбало аж подпрыгнул. — Что есть истина? Это куча вранья, придуманная одними для того, чтобы ей верили другие. Конечно, я всегда вру. Ну и что из этого? Какой вред от моего вранья?

Таг озадаченно обдумывал, что сказать.

— Брось, приятель. Над этими вопросами можно всю жизнь ломать голову. Я пойду с тобой в горы. Такой здоровый честный лопух, как ты, нуждается в постоянном присмотре. Ну, пошли!

День клонился к вечеру, тени удлинялись. Друзья расположились в выемке на вершине склона. Таг натаскал торфа и развел костер, Нимбало отправился собирать пищу на ужин. В небе розовели и золотились вечерние облака, приятно потрескивал костер, воздух был напитан сладкими ароматами.

Нимбало появился с шумом и разом разрушил все очарование.

— Эй, в лагере! Пошевеливаемся! Ужин, ужин! Команда проголодалась!

Таг с любопытством рылся в ворохе принесенных растений.

— Это все съедобно, приятель?

— О, вижу, ты привык к лесной пище. Ничего, привыкнешь и к пище равнин.

— Пахнет приятно, — признал Таг, — Надеюсь, и вкус такой же. А, вот одуванчик, земляника и черника. —

В куче трав попались наконец и знакомые растения.— А у меня еще остались лепешки полевок.

Обеими лапами Нимбало вытянул из-за пояса Тага нож.

— Я этим мечом нарублю салат. Не раздувай костер, держи пламя пониже, не дыми. Эта нечисть, что за тобой охотится, где она?

Таг махнул лапой в сторону восточного склона горы:

— Может быть, там. Они шли по реке, поэтому я от нее отошел. Пока их можно не опасаться. У тебя есть оружие, Нимбало?

— Вот мое оружие. — Нимбало оскалил зубы и выпустил когти. — Если этого окажется мало, срежешь мне большую дубинку.

Ужин обоим понравился. После еды они сидели у костра, Нимбало наигрывал на дудочке. Потом Таг встал и прислушался. Над ним пролетела стайка стрижей.

— Что случилось, приятель?

— Птицы летают низко. Похоже, слышу гром. Гроза идет.

Отряхнувшись, Нимбало тоже поднялся.

— Лучше на равнине грозе не попадаться. Пошли искать укрытие.

За горой вспыхнула молния. Таг собрал пожитки.

— Пошли.

Луна закрылась грозовой тучей, стемнело. Под первыми дождевыми каплями они спешили по высохшему руслу. Таг накинул плащ на себя и спутника. Тут Нимбало заметил в склоне пещеру, и оба устремились туда.

Пещера оказалась достаточно просторной. Друзья устроились у входа, прикрылись плащом и наблюдали за причудливыми зигзагами молний. Таг заерзал от удовольствия.

— Осторожней, ты меля так по полу размажешь! — запричитал придавленный Нимбало.

— Ох, извини, друг. — Таг подвинулся дальше от входа, глубже в пещеру.

Нимбало повернулся и принюхался.

— Стой, Таг, замри!

— Что случилось?

Шуршание и шипение ответили ему раньше, чем он услышал шепот Нимбало:

— Змеи!

Шедшая по обоим берегам поисковая партия наконец объединилась. Группа Волога переправилась по торчащим из воды камням в месте широкого разлива реки на сторону Ифиры и Гробита. Грувен с ухмылкой наблюдал, как Гробит прилег на бок, прижав к заду лапу.

— Я бы не дал рыбе отхватить кусок моей задницы.

— Легко говорить! — одернула его Ифира. — Ты даже лап не замочил. Ничего не заметили, Волог?

— Нет. А что у вас?

— Тоже ничего. Что ж теперь, в горы лезть за ним?

Грувен опять вылез со своим мнением:

— Раз следов нет, значит, мы зря бродим. И в горы лезть — такая же глупость.

Гробит удостоил его ответа, но в тоне его явно слышалось превосходство.

— Он шел вверх по течению, не вниз. И глупостью было бы дойти досюда и не посмотреть в горах.

— Но ты не сможешь скакать по горам с твоей раной.

— Не бойся, не отстану.

Волог понюхал воздух.

— Видите уступ скалы, вон там? Так вот, я под него залезу. Советую и вам, если не хотите попасть в грозу.

И Волог полез вверх. Грувен хотел что-нибудь возразить, но тут на него упала дождевая капля, и он побежал за остальными.

— Дайте лапу! — кричал Гробит, пытаясь подняться.

— Зачем? У тебя их уже четыре, как и у всех нас, — сострил Грувен.

Едва они спрятались под уступом, как хлынул дождь. Сильный удар грома заставил Ребро подпрыгнуть. Он неуверенно потрогал скалу над головой и засомневался:

— А если гром и молния бухнут в эту скалу? Она нас задавит, мокрого места не останется.

— Тебя никто не держит, — фыркнул Грувен. — Иди вниз и сиди с Гробитом.

Изуродованная крыса почти не двигалась. Гробит лежал пластом, по нему колотили ливневые потоки. Ифира мрачно посмотрела на него и заметила:

— Эта рана его доконает. Он хромает все сильнее. Нога, похоже, отнялась окончательно.

Молния осветила жалкую фигуру.

— Не лежи там! — крикнул Даграб. — Лезь сюда!

Волог усмехнулся:

— Теперь Гробит двинется, только если его ливень смочет. Или река выйдет из берегов и унесет его. Кончай орать, Даграб.

— У тебя лук, Волог, — снова высказался Грувен, — Ты можешь прикопчить, его... из жалости.

— Стрелы не стоит, — повернулся Волог к Грувену со зловещей ухмылкой. — Вот если бы ты там лежал, я б не пожалел стрелы. Может, даже двух или трех... вождь!



Даг очень медленно вытащил нож, шепча Нимбало, стараясь перекрыть усиливающееся шипение:

— Дай плащ, очень осторожно. Когда я крикну, прыгай из пещеры. Я тоже прыгну, не бойся.

Вытянув лапу назад, он нащупал угол плаща. Снаружи продолжался ливень, под пещерой в русле уже журчал поток воды. Таг почувствовал, как ступни его коснулись что-то сухое. Гадюка!

Зловещее шипение усилилось. Штук шесть этих гадин скрывалось во тьме, не

меньше. Они почуяли запах добычи — или опасности? Они ощутили движение воздуха, вызванное вторгшимися чужаками. И готовы пустить в ход свое смертоносное оружие. Таг сосредоточился и напруг все свои силы, призвал на помощь все свои природные способности, обостренные упражнениями и опытом. Швырнув плащ туда, где он предполагал скопление змей, он взмахнул ножом по воздуху пониже и завопил:

— Прыгай! Живо!

Нимбало был еще в воздухе, когда Таг, выбросившись из пещеры кувырком назад, врезался в мышь. Они шумно плюхнулись в воду. Таг сразу подхватил товарища, поднял над водой, а другой лапой отмахнулся от ударившей из пещеры гадюки. Он раскрыл череп змеи зажатым в лапе ножом, и гадюка, страшно шипя, убралась обратно.

Таг быстро поплыл по течению, поддерживая Нимбало, который громко вопил:

— Не урони! Я плавать не умею!

Отплыв подальше от страшной пещеры, Таг высунул морду из воды и спросил мышь:

— Ты в порядке, приятель?

— В порядке? Не утону в реке, так в ливне точно захлебнусь. Давай на сушу!

Таг заметил скалистый выступ и ссадил на него свою ношу. Потом выбрался сам, и оба, скользя и срываясь, выбрались на берег. Найдя прибежище под нависающим валуном, они спрятались там от ливня. Гроза уже удалялась. Гром гремел в отдалении, молнии сверкали реже. Таг вытер лапы и откинулся на спину.

— Гроза уходит. Дождь к утру прекратится. Что ж, плащ и еду мы потеряли, зато живы остались. А это небольшое достижение.

Нимбало чистил уши хвостом.

— Здорово я тебя надул, веслохвост? Я ведь лучший пловец в мире. Быстрее рыбы плаваю.

— Да ну?

— В следующий раз я тебя в лапе понесу.

— Согласен!

Обоим было не до сна. Они сидели рядышком и следили за дождем. Казалось, он затихал. Легкий ветер сносил его в сторону. Таг закрывал от ветра своего маленького друга.

— Смотри, свет! — толкнул Тага Нимбало.

Действительно, к ним приближался огонек.

— Кто-то с фонарем идет! — уточнил «лучший пловец в мире». Зрение у него и точно оказалось неплохое.

Таг спрятал нож и подвинулся, дав поместиться под валуном и вновь пришедшему. Это оказался старик-землеройка, согнувшийся под тяжестью лет и накинутого на голову и спину одеяла. В одной лапе пришелец держал палку, другой он опустил наземь фонарь. Вытащив платок, старец тщательно вытер усы.

— Ну и ночка, давно такой не припомню. Вы чуть не свалились ко мне в нору, когда карабкались на берег. Хорошо, чуть не свалились в гости.

Он постучал фонарь по боку, и шесть светлячков засияли с новой силой.

— Хи-хи-хи, — захихикал старик. — Я бы раньше пришел, да надо было ребят подкормить. Им много не надо, каплю меду — и они светят в свое удовольствие. А позвольте спросить, с чего это вам в такую ночь дома не сидится?

— А мы как раз собирались вас о том же спросить, — выскочил Нимбало.

— Этот малыш — полевая мышь, — сообщил старик, прикоснувшись к лапе Нимбало. — А имя ваше можно узнать?

— Я — Нимбало-Убийца. Меня все знают.

— Да? — Старик пожевал беззубыми деснами. — Возможно, возможно. Я что-то не припоминаю. Но я вам лучше скажу, почему я здесь, Лимоно. Я пришел предложить вам убежище в моей пещере. Нора невелика, но сухая. Так что прошу вас и вашего большого молчаливого брата пожаловать ко мне.

Таг вежливо потрогал свой нос:

— Спасибо, вы очень добры. Меня зовут Таг.

Старик закряхтел, поднялся и взял фонарь.

— А меня зовут, э-э, м-м, да, Рускем. Я так давно ни с кем не разговаривал, что уж и позабыл, как это. Идемте, Гаг. Нимало может взять фонарь.

Они направились обратно к берегу. Нимбало зашипел на ухо Тагу:

— Вот бы он запомнил мое имя!

— Не обращай внимания, — посоветовал Таг. — Он и своего-то имени толком не помнит, бедняга. Не обижайся.

Пещера Рускема и вправду оказалась небольшой, но уютной. Тагу пришлось немного пригнуться, чтобы не подпирать головой потолок. В углу горел огонь в каменном очаге, у стены — кровать, в середине — кресло, а на полу толстые ковры из мха и камыша. Рускем вытащил две деревянные миски и поварешку, которой зачерпнул что-то из висящего над огнем котла.

— Шуру-буру называется это, в котле, а что там, я и сам не помню. Котел пустым не бывает, что найду — все туда. Ягодки, корешочки, травы... Это тебе, Тамбывал, а это большому Тигу. Вот тут, рядышком, мятный чай в чайнике, сами наливайте.

Шуру-буру оказалось на удивление вкусным блюдом, хотя и с неожиданным сочетанием продуктов. Рус-

кем налил им чаю и заметил, что глаза Нимбало слипаются.

— Время на отдых, Вамболел. Ложись на кровать, я сплю в кресле. Большой Баг ни в какую кровать не поместится, на ковре ляжет.

Таг с любопытством рассматривал стены пещеры, увешанные пластинками с изображениями землероек.

— Здорово нарисовано! Кто художник, Рускем?

— Да я, все я. — Рускем показал на очаг, возле которого на полке лежали острые осколки кремня. — Нравится мне это занятие. Это все мои родственники. Мать, отец, бабушка и дедушка. Это вот моя хозяйка, ее бедное сердце не бьется уж долгие сезоны. Никого, никого не осталось. Кто умер, остальные разбрелись. Один я остался. Но здесь мой дом, он мне нравится, и здесь я буду жить, сколько еще придется. Отдыхай, Флаг. Устал, небось. Ночной ночи!

Среди ночи Таг вдруг проснулся. Рускем спокойно посапывал в своем кресле, но Нимбало что-то горячо лепетал, псхлипывал, вздрагивал во сне:

— Я все сделал, папа! Есть хочется... Ой! Не бей, папа, не бей, я все сделал! Мама, мамочка, где ты?

Нимбало всхлипнул. Таг осторожно подошел к нему и погладил по голове.

— Спи, спи спокойно, все хорошо, — прошептал он.

Нимбало открыл глаза и сел, не просыпаясь. Голос его стал тверже.

— Оставь ремень, папа. Не смей! Больше никогда!

Таг уложил его и шепнул:

— Спи. Таг здесь, с тобой. Спи.

— Таг, — пробормотал Нимбало и успокоился.

Таг подбросил торфа в затухающий очаг. Значит, Нимбало сбежал из дому от жестокого отца. Понятно, почему он пытается представить себя «самым-самым» —

хочет показать, что никому не позволит издеваться над собой.

На следующий день Таг проснулся поздно. Нимбало еще спал, но Рускем уже хлопотал у котла. Он заложил в него овса, ячменя, вмешал кусок пчелиного сота, всыпал ягод земляники.

— Проснулся, Трог? С добрым утречком! Как думаешь, лучку добавить?

— Не стоит, — замотал головой Таг. — Земляники с медом хватит. Интересно, как там погода сегодня?

Рускем подал гостю кружку чаю.

— Погодушка — что розовый бутончик! Дождь прошел, поток грязный, но полноводный. Чего еще желать?

— Еще можно пожелать, чтобы попутчик проснулся, — сказал Таг, подошел к кровати и толкнул храпящего Нимбало.

— Не сплю! Давно не сплю, слежу за вами, завтрак поджидаю. Здорово я вас надул?

— Теперь надуй живот вот этим, Тимбало. — Рускем подал ему миску.

После завтрака Рускем направился к своему креслу и вытащил из-под его многочисленных подушек две пластинки со свежей гравировкой. Таг узнал себя и Нимбало.

— Ха-ха, я давно уже не сплю. Нравится?

— Очень, очень нравится, — восхитился Таг.

— Хе-хе, спасибо, Баг. Вы уйдете, а я повешу их на стену, и вы будете со мной, войдете в мою семью.

— Не хочу входить ни в чью...

Таг прикрыл лапой ротик Нимбало и поднял его.

— Быстро на воздух!

— Что с Бимбало? — испугался Рускем.

— Животик схватило. Сейчас пройдет, — объяснил Таг, направляясь с Нимбало к выходу.

— Не надо обижать старика, — внушал Таг своему попутчику на освещенном ярким солнцем берегу. — Он всю старается, чтобы нам было лучше, он оказал нам честь, нарисовав наши морды.

— Ну, что ли, я пойду извинюсь... — застыдился Нимбало.

— Не надо извиняться, — потрепал его по плечу Таг. — Старик тебя и не услышал. Просто будь с ним повежливей. Он ведь не обязан нам помогать.

Жмурясь и мигая от яркого света, на берегу появился Рускем.

— Хи-хи, видите, какая погода. Живи и радуйся! Ничего нет прекраснее равнины после грозы.

Нимбало вежливо помог старику присесть.

— Конечно, сэр! Прекрасный вид!

Рускем ткнул палкой в сторону пещеры:

— Я откопал там пару лепешек вам в дорогу. Ведь вы в горы направляетесь... Бывал я там в молодости. Странное место, чудеса, да и только... Осторожно там надо...

Нимбало опять к чему-то прислушивался.

— Как будто что-то бухает...

Таг прислушался тоже.

— Кажется, вниз по течению.

Рускем указал палкой в противоположную сторону:

— А мне слышится сверху. Но ваши уши помоложе.

Они решили посмотреть сначала вниз и сразу за поворотом обнаружили громадное сосновое бревно, тыкающееся торцом в берег.

Таг нажал на него ногой, взобрался — бревно держало его.

— Поезло! Готова лодка! Ноги побережем.

Рускем указал в сторону горы:

— Река начинается там, в северных предгорьях. При сильных ливнях она переполняется и часть воды идет по этому руслу. Через педюлю здесь снова будет сухо, но сейчас вы мигом доплывете до западного склона.

Таг обломал лишние ветви и придержал ствол, пока Нимбало на него влезал и устраивался. Потом оттолкнул бревно от берега, вывел на глубину и присоединился к мышонку. Они замахали лапами Рускему, который помахивал им вслед своей палкой.

— Счастливого пути, Фаг и Намбло. Полного желудка и гладкой тропы!

— Счастливо оставаться, Рускем! Береги себя!

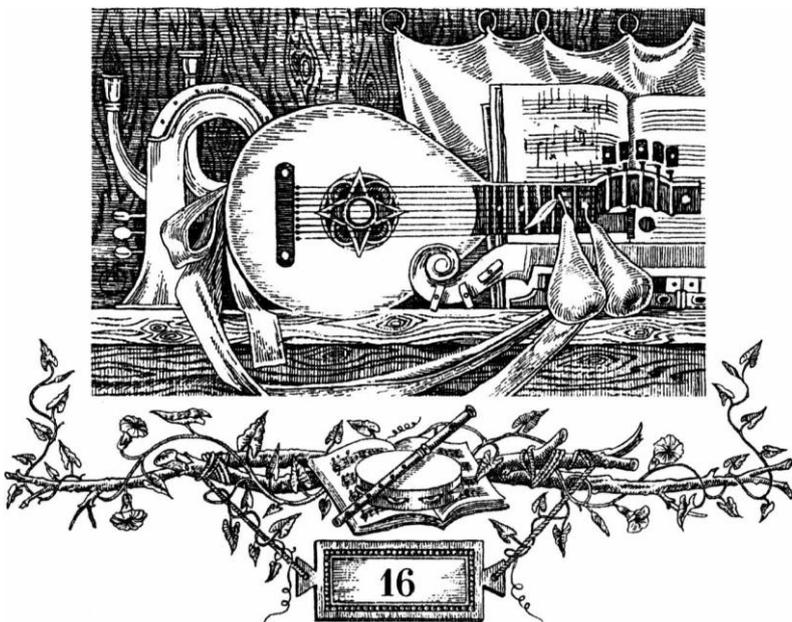
— Спасибо за гостеприимство!

Старик землеройка оставался на берегу, пока путешественники не скрылись из виду.

— Вот бы и мне с ними, — бормотал он. — За приключениями... Хе-е, хватит приключений. Набродился в молодые годы. Пойду-ка лучше вздремну.

И Рускем вернулся в пещеру, не интересуясь, что за стук послышался ему за верхним изгибом русла. Если бы он туда заглянул, то увидел бы раздутый труп Гробита, прибитый к берегу и застрявший в грязи, которую уже сушило солнце, запекая в твердую, как скала, кору.





Фавилла опустила лапу на подоконник.

— Здесь. Точно по центру, Брогл. Брогл, вооружившись каменным молотком с деревянной рукояткой, на половину длины загнал в подоконник небольшой обойный гвоздь.

— Мы сделаем отвес, — объяснила Фавилла и привязала шнур к рукоятке ножа. — Этот нож на шнурке опускаем вниз почти до самой земли.

Гундил забрался на подоконник и свесил голову вниз.

— Хурр, опускается, опускается нож, — сообщил он.

— Скажешь, когда почти достанет до земли, — попросила Фавилла.

— Еще, еще чуть... Хурр! Стоп! Теперь в самый раз.

Фавилла привязала шпур к гвоздю.

— Что там происходит? — спросила Крегга из своего кресла.

— Фавилла сделала отвес, — объяснил брат Хобен. — Он висит от центра окна до самой земли.

— Да, все правильно, — согласилась Крегга. — То, что было видно через монокль, находится примерно на этой линии. Может, в швах и трещинах, может, прямо на стене.

— Хурр, а как по пей лазить, по стене? Страсть какую длинную стремянку надо.

— Зачем стремянки, если у нас есть Фавилла?

— Хурр, стена же не дерево! Сучьев-веток никаких! — не унимался Гундил.

— Не волнуйся, Гундил, я пройду по стене, как ты ходишь по тропинке. Вот увидишь, — рассеяла его сомнения Фавилла.

Гундил засеменил к кровати. Он спрятал голову под подушку, и оттуда донеслось его причитание:

— Хурр-хурр, я этого не вынесу. Не смогу смотреть. Голова закружится. Очень переживаю за мисс Фавиллу!

Внизу, вытянув шеи и задрав головы, столпились обитатели аббатства. Те, кто находился в комнате Крегги, подошли к подоконнику и, перегнувшись вниз, следили за белкой. Брогл сиял от гордости и восхищения, глядя, как Фавилла ловко двигалась по стене вдоль отвеса.

— Потрясающе, великолепно! Чемпион-верхолаз!

Фавилла вдруг замерла, сосредоточившись на одном из стенных блоков. Потом взмахнула пушистым хвостом и рванулась вверх. Подпрыгнув к Крегге, она возбужденно затараторила:

— Нашла, нашла! Надпись, буквы в камне вырезаны. Но я читать-писать не умею, вот беда! Что делать?

Мгера и брат Хобен тут же придумали выход из положения. Фавилла вернулась к блоку песчаника с белой столовой салфеткой. Она намазала углы салфетки медом, приклеила ее поверх надписи и принялась тереть поверхность ткани свечкой из пчелиного воска. На салфетке осталась ясно различимая белая надпись. Фавилла взмахнула салфеткой, как знаменем, и под одобрительные возгласы собравшихся взлетела к окну.

— Готово!

В комнату Крегги снова набились любопытные. Все затаили дыхание, стараясь не проронить ни слова. Брат Хобен прочитал вслух:

Подо мною пала вражья голова.
Один я был, теперь нас два.
Мы немые, но наш гулкий глас
Слышен нам в урочный час.
В час победы и в час пира
Мы глаголем вестью мира.
Наши голоса звучали
В час прощанья и печали.
Дуб наш тайну долго носит,
Мы молчим, пока не просят.

В наступившей тишине все услышали озадаченный вопрос Фавиллы:

— Вот так загадка! Великие Сезоны, что это значит?

Раздался оглушительный хохот. Брогл закричал:

— Что тут смешного? Прекратите!

Мгера постучала по крышке столика. Все замолчали.

— Брогл прав. Фавилла только что прибыла в аббатство, откуда же ей знать его историю?

Тут все наперебой пустились разъяснять белке значение надписи. На этот раз не выдержала Крегга. Она зарычала:

— Тихо! Флоберт, объясни, пожалуйста, Фавилле. Все слышали? Только Флоберт. Остальных прошу помолчать. Благодарю вас.

И юная ежиха рассказала то, что с детства известно каждому обитателю аббатства.

— Это стихи о двух колоколах аббатства. Они называются Матиас и Мафусаил. Когда-то в Рэдволле был только один колокол. Он назывался «Колокол Джозефа», по имени мастера-изготовителя. Наше аббатство захватила злобная крыса по имени Клуни Хлыст, но мышонок Матиас этого Клуни победил. Матиас взял меч Мартина Воителя и разрубил веревки, на которых висел колокол Джозефа. Колокол упал на Клуни и убил его, но при этом треснул. Потом его переплавили и отлили два колокола поменьше. Они и поныне висят на колокольне. Если это знать, то ответ простой. Колокол не говорит, но его звон всем слышен в полдень, в полночь и вечером.

Старый привратник Хорг удивился:

— Надо же! Я тоже не знал этого, пока ты не объяснила, Флоберт. А что насчет строки, которая говорит о тайне в нашем дубе? Где этот дуб?

Мгера прошептала что-то матери. Филорн понимающе кивнула и громко объявила:

— Все узнаете, только чуть позже, после нашего увлекательного конкурса!

Все заинтересовались:

— Что за конкурс?

— Хурр, впервые слышу.

— Интересно, что-то новенькое.

Мгера восстановила порядок:

— Конкурс будет проводиться возле сторожки. Все желающие могут записаться у привратника Хорга. Моя матушка вручит победителю большой фруктопый пирог со сливками. Итак, к сторожке, все желающие записаться!

Через минуту Брогл озирался в опустевшей комнате.

— Да, Мгера, здорово ты всех выставила. Умчались, как муравьи за медом. Любой побежит, если ему пообещать пирог твоей мамы. Сама придумала?

Мгера скромно кивнула:

— А вот теперь спокойно осмотрим колокольню.

Крегга отказалась:

— Стара я уже на колокольни лазить. Но до сторожки-то я дойду. И на конкурс запишусь. Неплохо бы заполучить целый пирог!

Внутри колокольной башни рассеялись полумрак и прохлада. Ступенек на винтовой лестнице — не счесть. Уставший брат Хобен опустился на одну из них, чтобы отдохнуть.

— Ух! Очень понимаю Креггу.

— Поднимайтесь, поднимайтесь! — раздался сверху голос Фавиллы. — Я уже наверху.

— Хурр-р-р... — Гундил утер лапой лоб, — Хорошо ей, быстrolапой. А бедный крот к лестницам не приспособлен.

И вот они стоят на мощной деревянной балке под конической кровлей. Толстыми канатами привязаны к балке колокола. Вниз с головокружительной высоты спускаются веревки звонарей.

— Слева Матиас. Справа Мафусаил, — показала Мгера. — Вон их имена по краям. Интересно, правда?

Гундил беспокойно повел пересохшим носом:

— Хрррр, не птица я, нет. Но сейчас полечу.

Мгера и Фавилла помогли кроту слезть с балки и усадили на ступень. Гундил уткнулся носом в стену и пробормотал:

— Ху-у-ур, земля, милая земля! Где ты? Коснусь ли я тебя лапою?

Брогл обследовал балку, почти приклеившись к ней носом.

— Это, конечно, дуб. А этот разрез поперек! Что это?

Брат Хобен, историк аббатства, знал ответ.

— Это след меча Мартина Воителя. Сюда ударил Ма-тиас, когда разрубил крепление колокола.

Брогл ковырял в следе меча своим маленьким ножом.

— Должно быть, он отрубил кусок своей одежды. Здесь застрял кусок ткани.

— Осторожнее, Брогл! — обратилась к нему Мгера. — Постарайся не повредить ее, вытащить целиком.

Брогл осторожно колдовал над деревом и тканью.

— Вот она!

Он извлек кусочек из разреза.

— Он своим ножичком чудеса творит, — похвалила Мгера Брогла, обращаясь к Фавилле. — Никто в аббатстве так не сможет.

Смущенный похвалой поваренок передал тряпицу Мгере. Та первым делом ее обнюхала.

— Гм-м. Слабый запах сирени. Так чей же это лоскут? Так, здесь буквы. Посмотрим... СОСНА... Что за сосна? Да и написано необычно. Вертикально, буквы одна под другой. Все буквы заглавные. Брат Хобен, что вы об этом скажете?

Брат Хобен аккуратно сложил ткань и положил ее в сумку.

— Пока ничего. Давайте подумаем. Обсудим позже. Кажется, болезнь Гундила заразна. У меня тоже в голове жучки жужжат.

Возле сторожки подходила к концу борьба за призовой пирог.

Уже спели и сплясали Эгберт и Флоберт. Сестра Алканет и трое малышей с важным видом продекламировали нравоучительные стихи о пользе умывания.

Но звездой конкурса оказался Бурак с душераздирающим стихотворением собственного сочинения.

Громадный пирог возвышался на пороге сторожки. Мгера и Фавилла помогли Крегге подняться по ступенькам, и она повернулась к зрителям.

— Прекрасные выступления. Трудно выбрать лучшего. Я присудила бы пирог мистеру Бураку, но он перед своим выступлением благородно отказался от награды. Давайте присудим награду всем малышам, которые участвовали в представлении. Все равно этот прекрасный пирог слишком велик даже для обжоры.

Предложение Крегги присутствующие встретили дружными аплодисментами. Детишки утащили пирог в сторожку и заперлись там.

Мгера повернулась к брату Хобену:

— Ну как, брат Хобен, что-нибудь пришло в голову?

Брат Хобен вынул из сумки обрывок ткани и уставился на него.

— У меня даже голова заболела от напряжения, но я так ничего и не понял. Извините.

Брат Бобб взглянул на тряпочку.

— Это ваша новая находка? Что это значит?

— Если бы мы знали, — потупилась Фавилла. — Ни у кого ни малейшего представления.

Крегга пощупала и обнюхала находку.

— Слабый запах сирени... пожалуй, и все, что могу сказать. Что на ней написано?

— СОСНА. Заглавными буквами по вертикали, сверху вниз.

— Боюсь, что я ничего не понимаю.

— Значит, мы потерпели поражение, — печально вздохнул брат Хобен.

— Нет! — крикнула Мгера, ударив хвостом по ступеньке. — Я не признаю поражения и не считаю себя побежденной. Я еще разгадаю, что это значит.

Упавшие духом друзья направились к аббатству. Их не развеселил даже Бурак, колотивший лапами в дверь сторожки.

— Ребятишки, откройте бедному, умирающему с голоду созданию, во! Я бы с вами поделился, честно! Будьте умненькими, добренькими, откройте дверку! Из-за вас я умру в муках голода! Паршивые жмоты! Чтоб у вас животы разболелись!

Он прыгнул прочь и поравнялся с Мгерой и ее друзьями.

— А вы что такие печальные? Тоже пирога хочется?

Мгера кисло улыбнулась. Конечно, боевой дух ее не угас, но от сознания поражения никуда не денешься. Брат Хобен прав, они ни к чему не пришли. Все остается тайной.





На исходе второй день горных странствий, а никаких следов своей жертвы нет и в помине. Волог-лучник трясся от холода возле крохотного костра, сооруженного из нескольких веточек и сухого вереска. Живот громко жаловался на голод, но пищей и не пахло.

Появилась Ифира. Она подошла к костру и тоже протянула лапы к огню.

— Давно сидишь? — спросила она Волога.

— Достаточно, чтобы поразмыслить.

— И до чего додумался?

— Жрать тут нечего. Теплой одежды нету. Мы тут замерзнем, сдохнем, и никто

ничего не узнает. Исчезнем без следа.

— Так, так. Мы тут два дня, и никакого следа выдры. А не кинул ли он нам ложный след от реки, чтобы сюда заманить?

— А сам отправился куда-то еще? — понял мысль Ифиры Волог.

— Вот только куда?

Волог понизил голос, как будто кто-то мог их подслушать:

— Надо подумать. Грисса все бормочет насчет знамений и пророчеств. Она напроорочила место, где мы найдем Тагеранга. Сони плел что-то насчет колоколов. Давно это было, но я помню. Сони не хотел с этими колоколами связываться, говорил, что там силищи немерено.

— Помню, помню, — кивнула Ифира. — Рэдволл это место называется. Красное место, все в магии, если Гриссу послушать. А ты как думаешь?

— Нет на свете никакой магии, — презрительно выпятил губу Волог, — Никогда еще не встречал живую тварь, которую бы не могла остановить моя стрела. Кажись, та выдра, которую я уложил, отец выдренка, пришел из этого Рэдволла. И Тагеранг тоже о Рэдволле пронюхал. Вот и надул нас, а сам отвалил в свой Рэдволл.

Ифира так заслушалась, что нечаянно сунула лапу в огонь. Затрещала паленая шерсть. Ласка резко отдернула лапу и ткнула ее в снег, чтобы охладить.

— Точно, Волог. Верно мыслишь. Как поступим?

Волог закинул лук за плечи.

— Идем за ним. На тех дураков с Грувеном плевать. Пусть остаются. Как уже сказано, замерзнут, сдохнут и никто ничего не узнает. Исчезнут без следа.

— А кто знает, не скажет, — добавила Ифира. — То есть скажет как надо. Печально, но что поделаешь.

— Да. — Волог пихнул Ифиру в бок. — Мы пытались их спасти, но сами едва выбрались. Змеи, щуки... налимы хищные. Шагай, я за тобой.

— Не-е, друг. Иди вперед.

Они встретились взглядами и ухмыльнулись. Оба слишком хорошо знали, что значит подставить «другу» спину.

Таг и Нимбало наслаждались пейзажем и обществом друг друга. Вечером второго дня они остановились у развилки потока. Одна ветвь терялась на равнине, другая сворачивала и огибала гору.

— Куда завтра направимся? — спросил Таг. — У гор река может затечь и в пещеру. Хочешь рискнуть?

Нимбало подбросил в костер торфа.

— Лишь бы наше бревно не растрясло в щепки. Ладно. Попробуем, только завтра. Сейчас спать пора. Неплохие лепешки пожертвовал нам старик Рускем.

Таг раскроил своим ножом очередную лепешку старой землеройки, и Нимбало заметил метку на его лапе.

— Откуда у тебя это? Татуировка?

— Нет. Наверное, что-то вроде родимого пятна. Татуировки у меня на морде. Они показывают, к какой стае я принадлежу. Покинуть стаю, по законам Юоска, может только мертвый. Но от этого я могу избавиться и сейчас.

Он стянул с лап тканые браслеты, отстегнул от уха золотую сергу и швырнул их в реку.

— Что-то устал я сегодня, — пожаловался Таг и улегся на спину. — Сыграй мне что-нибудь спокойное.

Нимбало вытащил свою дудочку и какое-то время действительно играл. Потом он отложил свой инструмент и сквозь сон пробормотал:

— Моя жизнь не медом текла. Я тебе расскажу о себе... как-нибудь в другой раз, — закончил он, увидев, что Таг уже почти заснул.

Костер догорал, а из темноты за путешественниками следили четверо крохотных существ. Трое из них могли похвастаться обновками. Их пухлые талии украшали новые пояса: тканые запястья Тага и его серьга. Тот, кому обновки не досталось, пропищал:

— Йик, йик, на мыши отличный пояс, как раз на меня!
Самый крупный из зверьков хлопнул болтуна по уху.

— Шушш! Разбудишь большого, он всех сожрет! — прошептал он, полюбовался своим новым поясом из золотой серьги, поразмыслил и вмазал шумному по второму уху.

— Иди, приведи Боджа и народ. Давай, давай!

— А вы не зацапайте себе мышиный пояс, пока я хожу!

Большой добавил ему лапой под зад.

— Шушш, ты! Ори громче, болван!

Еще один из них зажал лапой рот большому.

— Шушш, Альфик, они проснутся, и не видать нам рыбок-змеек.

Скоро прибыл и Бодж, пузатый вождь землероек-пигмеев. Он привел с собой еще воинов. Каждый нес на плече сосновую дубину, усаженную острыми осколками кремня.

Вождь пристроился рядом с Альфиком — своим сыном — и с ужасом прошептал, глядя на Тага:

— Ау-вау! Вот так чудовище! Здоровенный какой!

— Ха! Да я его просто... нашел тут... спал он, — храбро заявил Альфик. — Что делать будем, папуля?

Бодж сверкнул на сына глазами, подумал и хлопнул его по уху.

— Вождя зовут Бодж, понял? Папуля был, когда ты был маленьким. Запомнить надо!

Таг вдруг замычал и заворочался во сне, и кто-то из племени землероек осмелился высказаться:

— Вы бы лучше шушш, а то большой проснется и всех сожрет!

Бодж не смог понять, кто сделал ему замечание, и на всякий случай хлопнул по ушам всех, кого смог достать.

— Это кто шушш? Кому шушш? Вождю шушш? Все шушш, рыбок-змеек ждате! А потом поймаем мыша и большого.

Таг увидел во сне мышь-воина с мечом, но не смог догнать. Он беспомощно барахтался в теплом розовом тумане, отставая все больше и больше.

— Дейна, Дейна! — закричал он.

Мышиный воин услышал его, остановился. Улыбнувшись, он коснулся лапой грудной брони и назвал свое имя:

— Мартин. — И сразу исчез, оставив Тага в недоумении. Если мышь Мартин, то кто же такой Дейна?

Тут сны сменила действительность. Таг и Нимбало вскочили в море навалившегося на них сверкающего серебра. Они скользили и падали. Рассвет разрывали дикие писки и тонкие вопли. Землеройки-пигмеи метались с дубинками и лупили по серебристой массе.

— Динки-динк! Змеерыбки!

— Йик, йик, в воду, в воду!

— Динк-динк-динк, куча мала, рыбки-змейки, братва!

Таг подхватил Нимбало и взобрался на скальный выступ. Оттуда он с изумлением наблюдал происходящее. Нимбало, оказывается, мог что-то объяснить. Он уже видел подобное на равнине.

— Угри, приятель! Крохотулечные угоречки. Они ползут по росе далеко-далеко. Их много-много. Но откуда эти де-тишки-землеройки?

Таг наблюдал, как землеройки-недоростки набрасываются на добычу, убивают рыбок ударами по головам и сбрасывают в воду. Каждый удар сопровождался воплем:

— Динк! Еще одинк!.. Динк-а-динк! Двоих одним махом!..

— Это не детишки, Нимбало! Смотри, у некоторых седые усы. Они взрослые! Никогда такого не видел.

Нимбало на голову превосходил ростом самую высокую землеройку. Он приподнялся на цыпочки и выпятил грудь.

— Мелочь пузатая! Наглость какая! Разбудить нас, чтобы набить свои кладовые!

Землеройки-карлики не прекращали бойню, пока туча мальков не удалилась, сверкая на солнце как ползучий остров.

Бодж и Альфик подошли к возвышению, на котором спасались Таг и Нимбало. Дубинки они держали наготове. Сын вождя свирепо шмыгнул носом и объявил:

— Мы пещерники, мой папуля тут главный. А вы кто такие?

Таг не успел ответить, как Бодж хлопнул Альфика по уху.

— Бодж меня звать, Бодж, болван!.. Ты болван, не я.— Он чуть ли не виновато глянул на Тага. — Йик, йик, ни мозгов, ли манер. Молодежь в наши дни...

Нимбало сразу ощерился на вождя-папашу:

— А зачем сразу лапы в ход пускать?

Тагу пришла в голову идея. Он слегка хлопнул Нимбало по заду и воздел очи к небу.

— Вы совершенно правы, сэр, — обратился он к Боджу.— Они всегда встречаются не вовремя. Помолчи, Нимбало!

Бодж захихикал, придерживая толстое пузо:

— Йик-йик-йик-йик! Идите, поиграйте вдвоем, детишки. Меня Бодж зовут. А ты кто?

— Очень рад приятному знакомству. Мое имя Таг.

— Таг? Йик-йик-йик-йик! Такое малюсенькое имечко для такого большого парня! Таг, вы с сыном любите пирог из рыбок-змеек?

— Никогда не пробовал, сэр, — честно признался Таг, — но уверен, что это очень вкусный пирог. Деликатес!

Бодж попробовал повторить слово «деликатес».

— Лик-лик... Лик-тик... Йик-йик-йик! Добро пожаловать к нам на пирог! Вы наши гости.

Они обогнули небольшой пруд, в который впадал ручей с гор. Ручей убежал вниз водопадом, скрывая вход в пещеру. Проскочив сквозь водопад, друзья оказались в этой пещере, освещенной множеством светлячков и факелов. Здесь обитали многие тысячи землероек. Ручей втекал в пещеру и впадал в озеро, расположенное в самом ее центре. Поток перегораживала сеть, не пуская дальше тушки мальков угля. Землеройки вытаскивали «рыбок-змеек», бросали на тачку и увозили на кухню. На кухне горело множество костров, на которых повара варили, жарили, тушили, пекли добычу. Их работа прекратилась, когда появился Таг. Все разинули рты и уставились на гиганта. Бодж подошел к кострам и начал награждать поваров оплеухами.

— Чего уставились? Это друг мой, Таг, и его маленький сынок. Нам надо много-много пирогов, быстро, быстро!

Толстая землеройка вытащила из печи большой деревянной лопатой несколько пирогов. Она сгрузила пироги на полку и тут же хлопнула этой лопатой по заду Боджа.

— Кхч! Делай то, делай се! Это моя кухня, папуля Бодж, не командуй здесь, пузан!

Бодж подпрыгнул и потер ушибленный зад. Повара тихонько захихикали. Вождь свирепо, но не слишком громко прорычал:

— Я из тебя самой пирог испеку, дожدهшься, Чич! — Он повернулся к Тагу и пояснил, улыбаясь: — Йик-йик, это моя

жена Чич. Она очень любит добрую шутку. И меня тоже очень, очень любит.

Ниша в одной из стен пещеры была убрана со всей возможной землероечной роскошью. Здесь обитал вождь с семьей и его приближенные. Усевшись на подстилку из весеннего мха, Таг наблюдал за населением пещеры. Землеройки вели себя ужасно. Они шумели, оскорбляли друг друга, дрались за пироги!

Таг не поверил бы, если бы ему кто-нибудь сказал, что пирог из рыбок-змеек вкусен. Но пироги оказались восхитительными. Крутые плоские мучные изделия с аппетитной корочкой снаружи и сочной ароматной начинкой. К восторгу хозяина Таг съел шесть больших пирогов. Об этом достижении гостя сообщили на кухню, и сияющая Чич лично почтила их присутствием.

— Папуля Бодж привел добрых гостей. Большой хорошо ест, молодец. Йик-йик, малый золотой очень симпатичный. Он поправился Чич.

Нимбало не знал куда глаза девать. Очевидно, его золотисто-бурая шерсть привлекала землероек женского пола.

— Спасибо, мэм, вы тоже очень симпатичная. — И он вгрызся в корку пирога.

Чич прикрылась передником и захихикала:

— Йик-йик-йик-йик! Послушай, большой парень, когда ты пойдешь дальше, возьми с собой пузана Боджа и оставь мне симпатичного золотого. Я ему много-много пирогов из змеерыбок напеку.

— О, мэм, конечно, я обдумаю ваше предложение, — улыбнулся Таг. — А ты что на это скажешь, золотой-симпатичный? — обратился Таг к Нимбало.

— Предатель! — зашипел в ответ «золотой-симпатичный» и оскалил зубы.

Тут звучные удары гонга привлекли внимание всех обитателей пещеры. Землеройки разом испустили жалобный вопль и так же дружно смолкли.

— Что случилось, друг? — спросил Таг Боджа.

— Старый закон Пещеры, — понурившись, как бы нехотя объяснил вождь. — Чтобы рыбки-змейки пришли снова...

— Что для этого надо сделать? — спросил Нимбало.

Бодж указал на высокий свод пещеры. С гладкого известняка свисал лишь один сталактит. Землеройки жались к стенам, избегая мокрого пятна на полу пещеры под сталактитом, на берегу озера. В наступившей тишине было слышно, как сорвавшаяся со сталактита капля упала на пол.

— Плонк!

Звон капли вызвал долго не затухающее эхо. Бодж так же нехотя продолжил пояснения:

— Капля упадет на избранного.

Снова прозвучал гонг. Старик-землеройка в длинном одеянии выкрикнул:

— Стройтесь в ряд! Танец начинается!

Все землеройки выстроились в длиннейшую очередь. Бодж встал и обратился к семейству:

— Идемте, и да сохранит судьба наши головы сухими.

— Йо-Карр, судьба хранит наши головы сухими! — торжественным хором отозвались Альфик, Чич и все четыре дочери Боджа.

Нимбало придержал Чич за лапку:

— Мэм, я ничего не понимаю....

— Каждый раз после улова Пещера должна избрать кого-то, кто встретит Йо-Карра, иначе змеерыбки больше не придут, — объяснила Чич со вздохом. — Капля воды падает на голову одного из танцующих, и он встречает Йо-Карра.

Семейство Боджа проследовало к соплеменникам и приткнулось к очереди поодиночке, в разных местах. Зем-

леройки начали танец, повторяя все громче одно и то же, снова и снова:

— Йо-Карр, Йо-Карр, Йо-Карр! — Очередь двигалась медленно, танцующие раскачивались из стороны в сторону. Каждый проходящий под сталактитом съеживался и зажмурился глазами.

Таг пожал плечами:

— Наверное, какой-то древний ритуал.

Нимбало следил за танцем с интересом.

— И что это за Йо-Карр? Почему они так хотят с ним встретиться?

— Кажется, они вовсе не хотят с ним встречаться, — проронил Таг, глядя, как облегченно вздыхают те, кому не выпала почетная обязанность посланца.

— Кап!!!

— Йо-Каааааарррр!

Очередь сломалась, странный танец окончился. Одна из симпатичных дочерей Боджа стояла как окаменевшая, а по ее лбу стекла, смешавшись со слезами, капля воды. Тага охватило беспокойство. Он встал:

— Пойдем посмотрим, что там произойдет.

Семейство Боджа рыдало, толпясь вокруг отмеченной каплей дочки. Таг потянул поводья за плечо:

— Слушай, друг, почему вы плачете? Что происходит?

Бодж плакал, не скрывая слез. Он показал лапой на озеро в центре пещеры:

— Таков закон.

Старик, который колотил в медную тарелку, теперь занялся медным котлом. Он зачерпывал лапами мертвых змеерыбок и швырял их в озеро. Поверхность озера вдруг заволновалась, и Таг замер от ужаса. Гигантский угорь с острыми, как иглы, зубами хлопал пастью, заглатывая мертвых мальков. Вот он развернулся и замер неглубоко под водой.

Таг хорошо видел оливковую спину чудовища и его грязно-желтое брюхо. Очевидно, он ждал. Чего?

Шерсть на загривке Нимбало поднялась от ужаса и гнева.

— Ты что, скормишь дочь этому гаду?

— Таков закон Пещеры. Динат должна встретить Йо-Карра.

Нимбало рванулся к застывшей в ужасе дочери Боджа и обнял ее за плечи.

— Нимбало-Убийца защитит ее!

Землеройки мгновенно набросились на него. Таг рванулся на помощь другу, но уже через считанные секунды они оба скрылись под массой обитателей пещеры. Таг едва мог дышать и не был в состоянии хотя бы шевельнуть лапой. Старик в длинной одежде указал на озеро, где как бревно застыл в ожидании водный монстр, и торжественно произнес:

— Йо-Карр ждет. Иди, о избранная!

Динат, медленно ступая по береговой скале, направилась к озеру. Завидев добычу, угорь тронулся с места и поплыл к берегу.

Таг почувствовал, что под тяжестью землероек теряет сознание. Все поплыло перед глазами. И он увидел Мартина Воителя.

— Дейна! — Одно только это слово произнес воин, свирепо оскалив зубы.

— Й-и-и-и-и-к! Й-у-у-у-у! Й-а-а-а-ар-р-р-р!

Землеройки полетели во все стороны, многие с разбитыми лбами и носами. Бешеная энергия заструилась по мышцам выдры. Не обращая внимания на укусы и удары, Таг с силой втянул живительный воздух. Нимбало в порыве праведного гнева тоже заколотил направо и налево, вопя:

— Ого-го! Вот мы вам!

Таг выпрямился во весь рост и зарычал, увидев, как угорь смел с края скалы визжащую в ужасе добычу, обвил ее кольцами и повлек в глубину. Таг молниеносно взвился в воздух и нырнул, как нож, как ныряет мощный воин-выдра. Все четыре лапы его обхватили голову угля, зубы вонзились в шею чудовища. Нимбало подскочил к висящей на берегу сети и заорал замершему, как статуя, Альфику:

— Заснул, что ли? Давай помогай, а то по уху получишь!

Они поволокли тяжелую сеть к озеру. Бодж тоже очнулся от массового наваждения и присоединился к ним. Подбежали на помощь и другие землеройки.

Угорь отпустил Динат и обвил кольцами Тага. Он пытался освободить голову, чтобы использовать зубы, но Таг лишь вгрызлся глубже и глубже в его затылок, стараясь достать позвоночник. Угорь сжимал выдру и погружался. Таг почувствовал, что воздух выдавливается из легких. Пузыри вырвались изо рта, предвещая неизбежную гибель в бездонном пещерном озере. Тут что-то коснулось морды выдры. Сеть!

Выпустив затылок угля, Таг вцепился зубами в грузило сети. Угорь тут же впился в плечо выдры, но до горла достать не смог. Захват лап Таг не ослабил. Теперь они поднимались. Краем глаза Таг видел черный с золотом глаз врага, клацающего зубами в попытке дотянуться до его горла.

И вот голова Тага вышла из воды. Он услышал многоголосый рев, увидел Нимбало и землероек, тянущих сеть. Вот хвост выдры уже уперся в прибрежный уступ, их подтянули к берегу. Нимбало бросился на угля, кусая, колотя и царапая его.

— Ты, рваная веревка, много из тебя пирогов получится! — вопил мышнонок.

Угорь выпустил из зубов плечо Тага и разинул пасть на Нимбало. Давление колец ослабло. Таг выхватил нож и вонзил его в затылок угля. Тело чудовища обмякло, оно дей-

ствительно вдруг стало похоже на грязный канат. Глаза его навсегда угасли.

— Йик-йик-йик, много пирогов из Йо-Карра... — начал было Бодж, но Чич хлопнула его по уху и решила вместо вождя: — Никаких пирогов из Йо-Карра. В озеро его, туда, откуда пришел!

Тагу пришлось воспользоваться помощью Нимбало и землероек, чтобы выбраться из воды. Изможденный, он лежал и наблюдал, как землеройки отталкивают труп угря от берега, как тело гигантской рыбыны погружается в водную бездну. Землеройки между тем уже принялись перевязывать раны выдры. Динат и ее сестры подошли к голове Тага.

— Большое-большое спасибо, большой друг, ты спас нашу сестру!

Нимбало чистил нож Тага.

— Извини, друг, что задержались с сетью. Сначала пришлось вытащить Динат. Я уж боялся, что ты пропадешь.

— Но все же не пропал. Спасибо тебе, золотой-симпатичный.

Он принял от Нимбало вычищенный нож и обратился к вождю:

— Все, нет больше Йо-Карра. Послушай, друг, ты ведь вождь. Как ты мог отдать собственную дочь на съедение чудовищу?

— Закон. Старый закон Пещеры. Закон сильнее вождя, — пробормотал Бодж.

— Йо-Карр мертв. Не надо больше никого жертвовать. Закон надо изменить. Ты вождь, установи новый закон. Рыбки-змейки все равно придут снова, вот увидишь.

Бодж долго не раздумывал. Он выпятил пузо и закричал:

— Слушай, Пещера! Я вождь, я даю новый закон! Йо-Карр мертв, никого жертвовать не надо! Рыбки-змейки все равно придут, вот увидите!



Землеройки радостно завопили. Альфик подошел к отцу:

— Никого жертвовать не надо! Молодец, папуля!

— Опять папуля, болван! — Бодж хлопнул Альфика по уху и хотел добавить, но Таг задержал его лапу.

— И по уху не надо, обзывать не надо. Доброта облегчает жизнь.

Альфик заметил, что отец хочет поддать ему под зад и заорал:

— И под зад тоже не надо!

— И под зад тоже не надо? — неуверенно спросил Тага Бодж.

— Также не надо, — заверил его Таг. — Ни драться, ни ругаться, ни обзываться! — закричал Таг, чтобы все слышали. — Все будут вежливыми и счастливыми! Такой теперь закон! Кто хочет такой закон, поднимите лапы и крикните «да!».

Громовое «да!» из множества глоток потрясло своды пещеры, в воздух взметнулось множество лап. Чтобы устранить возможные сомнения вождя, Таг снова заорал во всю глотку:

— Таков новый закон Боджа, великого вождя, имя которого навсегда сохранится в памяти народа Пещеры!

Ликующие крошки-землеройки заплясали вокруг своего большого гостя, марширующего по пещере с Боджем на плече.

— Мудрый у тебя большой друг, — шепнул Альфик Нимбало. — Глянь на папулю, он улыбается и улыбается.

— Еще бы не мудрый, — не задумываясь, ответил «золотой-симпатичный». — Ведь это я научил его всему, что он знает.



Впервые с начала этого злосчастного похода Грувен почувствовал себя главным. Он сидел у вновь разожженного костра, оставленного Вологом и чуть не погасшего после его ухода с Ифирой. С Грувеном остались Даграб, Ребро и Спиногрыз, спавшие так близко к костру, что запах подпаленной шерсти щекотал ноздри Грувена. Уже рассвело, и Грувен, разломав ветку, стал швырять ее куски в спящих. Спиногрыз открыл глаза:

— Что, вождь, Волог и Ифира не вернулись?

— Ха! А ты как думал? И след простыл! И пусть. Скатертью дорога.

Грувен ворошил угли в костре и прислушивался к бормотанию зверья.

— Может, они унюхали след выдры и рванули за ним...

— А вдруг заблудились, свалились в трещину, лежат там и замерзают...

— Мозгами шевели! Костер-то кто разжег? И он еще не погас до нашего прихода. Что-то случилось...

— Что?

— Не знаю, может, на них напали.

— Кто на них мог напасть? Они не сосунки беззащитные, постоять за себя могут.

— Да мало ли кто тут может жить, в горах! Может, кто-нибудь сильнее, чем все мы, вместе взятые!

Грувен вскочил и мечом раскидал костер. Горящие ветки полетели в болтунов, они отскочили, отряхиваясь и отмахиваясь от взметнувшихся в воздух искр.

— Хватит сплетничать, — зарычал Грувен. — Я скажу, что мы сделаем. Уходим отсюда, пока хвосты не отмерзли.

По молчаливому послушанию Грувен понял, что его признали хозяином.

— Если их кто-то и сожрал, то мы плакать не будем. Я и раньше говорил, что гора эта нам ни к чему. Мы пойдем по следу Волога и Ифиры. Если они живы, то могут вывести нас на выдру. А потом они должны умереть, все трое. За выдрой мы охотимся с самого начала, а эти двое — предатели, они бросили нас и ушли. Пошевеливайтесь!

Два горностая, Спиногрыз и Ребро, шли позади Грувена и Даграба и перешептывались:

— Думаешь, он знает, куда нас ведет?

— Да все равно куда, лишь бы подальше отсюда.

— Что верно, то верно. Жрать как хочется!

Утреннее солнце светило им навстречу, и Даграб, шедший рядом с Грувеном, опустил глаза.

— Смотри, вождь, след!

Грувен осмотрел полузасыпанный снегом отпечаток и похвалил:

— Молодец, Даграб! Я был прав! Это они. Волог и Ифира прошли здесь. Смотрите внимательнее. Даграб, разведай впереди.

— Хы, он был прав! — ухмыльнулся Ребро. — Даграб след заметил, а он, видишь ли, был прав.

Снег закончился, идти стало легче. После полудня группа Грувена виляла между валунами и перешагивала через бульжники в предгорье. Стали попадаться кусты и даже съедобные травы. Они остановились на отдых на берегу ручейка. Грувен повеселел.

— Тепло, вода, еда... отлично! Со мной не пропадешь.

Ребро выплюнул слишком твердый кусок стебля.

— Да мы и не волнуемся. Вон Даграб возвращается. Только что-то он кислый.

Запахавшийся Даграб поделился новостями:

— Там, внизу, на террасах растет много всего съедобного. Грибы, лук, репа... Только вот слишком много какой-то мелочи, вроде землероек. И все при оружии. Дубинки, копья, ножи... Хорошо, что меня не заметили.

Грувен поднялся:

— Жратва и малыши? Пошли посмотрим.

Сверху хорошо просматривались широкие уступы террас с наносной почвой, на которых землеройки-пигмеи выращивали всевозможные овощи. Между террасами, на которых сновали землеройки-огородники, и местом, откуда за ними наблюдали три горностая и крыса, простирался крутой склон, покрытый щебнем, камнями и поросший чертополохом и редкими кустиками.

— Что ж, — ухмыльнулся Грувен, — много добра пропадет, но нам и не нужен весь урожай, хватит и того, что останется. — Он уперся в ближайший валун, поднатужил-

ся и перевалил его через край уступа. — Чего уставились? Работайте, работайте, если жрать хотите!

Валуны загрохотали по склону, сталкивая камни и срывая россыпи скальных осколков. Лавина камней неслась книзу. Землеройки заметались, завопили, пытаясь увернуться, укрыться, избежать бешено стремящейся к ним гибели.

Грувен развеселился. Он хохотал так, что слезы выступили из глаз.

— Ха-ха-ха! Как муравьи забегали! Ха-ха-ха-ха, не знают, куда деваться! Ой, умора, ха-ха-ха!

Остальные трое сразу же заразились его весельем.

— Ху-у-у, глянь, как понесся! Х-ха-а, гляди, споткнулся и рухнул! Х-хо-о, вот и конец ему, в лепешку, х-хы-ы!

— А вот я сейчас сшибу тех двоих, за рябиной. Ишь, притаились!

— Хе-хе-хе, смотри, толстяка щебнем завалило! Как в воде утонул!

Обвал постепенно прекратился. Грувен с видом полководца, одержавшего славную победу, оперся на меч и провозгласил:

— Это послужит им хорошим уроком. Объедаться, когда славные воины Юска голодают... Вон несколько корзин осталось нетронутых. Осторожненько слезаем вниз и набиваем брюхо.

Нимбало подскочил от внезапно раздавшегося грохота.

— Великие Сезоны, опять гроза! Да так внезапно!

— Стоп! — крикнул Альфик. — Не гроза, обвал. Много-много камней, большие камни, большая опасность. Альфик разведает. — И он помчался к выходу из пещеры.

Нимбало хотел побежать следом, но лапа Тага легла на его плечо.

— Лучше послушайся, друг. Они лучше знают свою гору. Грохот недобрый.

Шум камнепада скоро затих, и его сменил гомон землероек. Они враз закричали, запищали, защебетали и бросились к выходу.

— Шушш, шушш, все ждем, — остановил их Бодж. — Альфик умный сын, ждем, пока вернется.

Пока ждали, землеройки, особенно те, у которых снаружи оставались родственники, трещали без умолку. Нимбало зажал лапами уши.

— От них больше шуму, чем от камнепада.

Таг понимающе кивнул:

— Да, но они беспокоятся. Надеюсь, с Альфиком ничего не случится.

И действительно, сквозь водопад у входа тут же появился Альфик и понесся к Тагу, крича на бегу:

— Смерть там, смерть, много народу погибло! И еще там четыре зверя, больших, почти с тебя ростом, с ножами, копьями. Плохо! Очень плохо!

Таг встал и вытащил нож:

— Бодж, поддержи народ в пещере. Я знаю, что это за звери, и не хочу, чтобы кто-нибудь из Пещеры пострадал из-за меня.

Нимбало подхватил дубинку и последовал за Тагом. Таг покачал головой:

— Нет, друг. В этот раз останься здесь. Это мое личное дело.

— Мой друг не пойдет один. Если их четверо, кто-то должен прикрыть тебя с тыла. Мне все равно, что ты говоришь, я иду с тобой.

— Ты настоящий товарищ, Нимбало-Убийца! — улыбнулся Таг.

Четверо Юска веселились и объедались среди валунов и мертвых землероек. Грувен хватал все подряд, ревностно следя, чтобы ему доставалось все самое лучшее и вкусное.

Спиногрыз занимался молодой морковью. Он забрал в горсть сельдерей и швырнул его Ребру, но не докинул. Сельдерей упал на спину мертвой землеройки. Ребро надулся:

— Тоже, не может швырнуть как следует. Ешь сам, не буду с покойника.

Грувен выпрямился и похлопал себя по животу:

— Много земляники вредно. Что-нибудь есть еще интересного вокруг?

Он огляделся и вдруг заметил, что к огороду приближается Таг. На мгновение он прирос к месту, по тут же сорвался и, не говоря ни слова, рванулся наутек. Даграб заметил этот неожиданный маневр и удивился:

— Что это с ним?

Спиногрыз огляделся и тоже заметил Тага.

— Й-й-й-а-а-а-й! Тагеранг!

Они понеслись за Грувеном. За ними устремился Ребро, но споткнулся и ударился ногой о камень. Хромая, он заспешил за удирающими, но тут его схватила за шею мощная лапа. Последовавший за этим удар хвоста выдры лишил его сознания.

Нимбало добрался до огорода и тут же завопил:

— Таг, здесь куча раненых, помощи!

Таг остановился и посмотрел вслед убегающим. Он поборол свой порыв немедленно пуститься в погоню, перебросил Ребро через плечо и пробормотал:

— Пока хватит. Они от меня не уйдут.

Грувен был уверен, что его шайка разбежалась кто куда, а Таг преследует по пятам. Перепрыгнуть через ру-

чей сил не хватило. Задняя лапа застряла под водой между камнем и корягой. От резкой боли Грувен взвыл и рухнул на спину, подняв тучу брызг.

Задыхаясь, с высунутыми языками к берегу ручья выбежали Даграб и Спиногрыз. Они попытались затормозить, но по инерции оба рухнули в воду. Отплевываясь и протирая глаза, оба встали и выпрямились, глаза на вожака. Грувен лежал в воде на спине и жалобно причитал:

— Не убивай меня, не убивай! Это не я! Я пытался их остановить, но они не послушались. Я помогу тебе их поймать, пожалуйста, я все сделаю, только... — Он всхлипнул и залопотал что-то совсем непонятное.

Спиногрыз уже стоял над Грувеном, с презрением глядя на него сверху.

— Кончай ныть, вставай, идиот! Это всего лишь мы.

Даграб тоже перешел ручей и осмотрел глинистый берег.

— Он вообще не гнался за нами. Так что нечего ныть.

Грувен тут же пришел в себя.

— А кто ноет? У меня ногу зажало, боль ужасная, вот я и закричал.

Спиногрыз усмехнулся:

— Вот оно что! Ну давай посмотрим, что с твоей ногой, вождь.

Он сразу увидел, что ногу можно легко освободить, но нарочно дергал и крутил ногу и корягу, причиняя Грувену адскую боль. Голос его при этом звучал почти ласково:

— Ну потерпи, потерпи, сейчас... Только детки плачут... Значит, ты пытался нас остановить... молодец... бравый вождь Грувен Юсказанн, наводящий ужас... сейчас, сейчас... Мы много слышали в дороге, как ты лихо справишься с этой наглой выдрой. Что ж ты припустился, как мотылек от галки, когда его увидел, великий и ужас-

ный? Тебе мама что велела? Почему мамочку не слушаешься?

Грувен оттолкнул Спиногрыза и вытянул ногу.

— А ты, Даграб? Вы следопыты и ветераны, вы опытные убийцы. Если бы вы меня поддержали, я бы занялся выдрой. И Вологом с Ифирой. Кстати, если они не идут за выдрой, то куда они направляются?

— Скоро узнаем, — сообщил Даграб, указывая на берег. — Вот следы Ифиры. Ласку легко распознать. И Волог с ней. Вот его лук царапнул берег. А вот и лапы. Похоже, шли на запад.

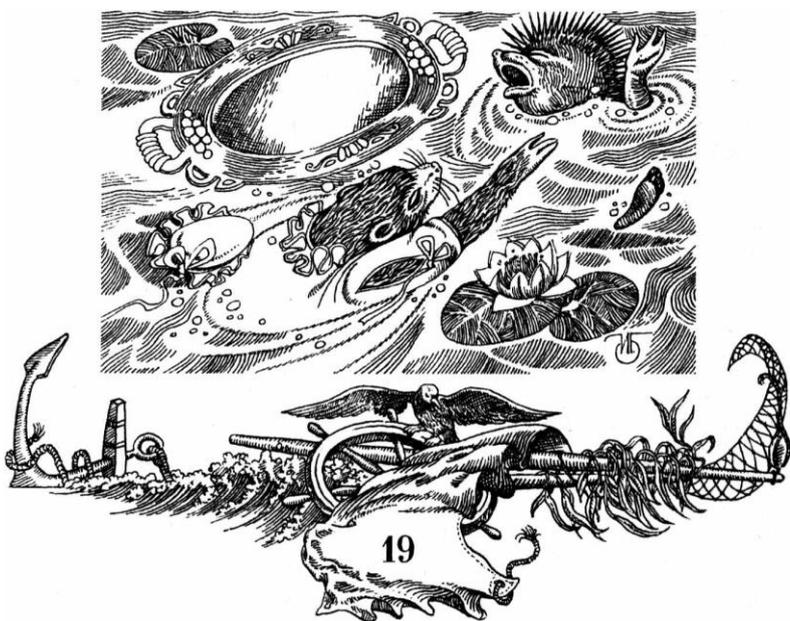
Грувен приладил к ноге подорожник. Закрепил его стеблем травы и выпрямился.

— И мы пойдем на запад. Они знают, что выдра теперь носа не покажет к лагерю. И никто из лагеря сюда не доберется, чтобы проверить, что с выдрой случилось. И они спокойно могут вернуться в лагерь, рассказать, что мы погибли, что Тагеранг убит, и стать вождями.

— Все правильно, — подтвердил Спиногрыз, вылезая на берег, — кроме одного: в лагерь вернется только один. Для двоих вождей нет места. Должно быть, Волог вернется. Он убийца что надо.

— Кто спорит, — согласился Даграб, тоже вылезший на берег рядом со Спиногрызом. — Но и Ифира не лыком шита. Ходил я с ней, ходил по следу много раз. Ох и хитра же ласка! Силен Волог, да для Ифиры простоват.

— Мне все равно, кто из них вернется в лагерь, — продолжил тему Грувен, остановившись за их спинами. — Кто вернется, тому и снесу голову этим мечом, когда сам вернусь. Вам только надо хорошенько запомнить, что я убил выдру. Запомните — и я вас сделаю главными следопытами. У вас будут свои люди, вы их сможете гонять и снимать сливки с жизни. Пошли, пока еще светло.



Ражное четвертое лето Командор и его выдры отправлялись далеко-далеко, по ручьям и рекам, к берегу большого моря, чтобы встретиться с другими выдрами и принять участие в большом фестивале. Веселье продолжалось до осени. Встречались старые друзья и родственники, пели, плясали, катались на волнах, по вечерам жгли костры на берегу.

Утром Командор вывел свою команду из ворот Рэволла. Мгера стояла у тропы и махала платочком, пока выдры не растворились в залитой солнцем дали.

Фавилла присоединилась к Мгере на обратном пути в аббатство.

— Почему вы не присоединились к ним, Мгера? Отличный отдых был бы и для тебя, и для твоей мамы.

Мгера пожала плечами:

— Командор приглашал, но я не могу оставить Креггу. Надо за ней смотреть. Кроме того, мне нравится в Рздволле, особенно летом.

— Мне тоже, — живо согласилась Фавилла. — Аббатство стало моим домом. Идем, я пообещала Броглу, что помогу твоей маме и брату Боббу на кухне. Невелик труд, самые ненасытные едоки удалились, — улыбнулась Фавилла, имея в виду выдр.

Ни вкусная еда, ни веселое застолье не радовали Мгеру. Она рассеянно сидела над каштановой запеканкой, рисуя на ней вилкой всевозможные узоры. Неразгаданная загадка не давала покоя. Она совсем не замечала смеха, сопровождавшего шуточный спор Дрогга и Хорга. Каждый бахвалился своими застольными талантами. Не подняла она головы, даже когда Бурак, оставив насмешки над сестрой Алканет, переключился на нее, Мгеру.

— Во, во! Свежее существо смотрит старым сычом. Улыбку, улыбку! Ни минуты без улыбки, не то превратитесь в сестру Алканет. Ей в детстве по ошибке ложку горчицы вместо рта занесли в ухо, и с тех пор она ни разу не улыбнулась.

Мощная лапа Крегги подняла зайца в воздух.

— Вон отсюда! Не докучай Мгере.

Взлетая, заяц прихватил тарелку Мгеры.

— Совершенно с вами согласен, мэм, во! Вы, конечно, не возражаете, если я прихвачу это с собой... Чтобы не пропадало, во! Не люблю, когда хорошие вещи пропадают, во!

Мгера вынула из его лап тарелку и вернула ее на стол.

— Вы получите эту тарелку, мистер Бурак, если извинитесь перед сестрой Алканет за грубость.

Крегга погладила Мгеру по щеке:

— Знаешь, он ведь прав, этот пустозвон. Сидеть да дуться — этим делу не поможешь.

Мгера отодвинула тарелку с пищей.

— Извини, Крегга, но я так на себя зла и так занята этой загадкой... Мне надо уединиться, чтобы поразмыслить хорошенько. Здесь слишком шумно.

Крегга и сама прекрасно слышала шум голосов, звон столовых приборов, шарканье множества ног, скрип стульев...

— Да, обычный для столовой шум. Его не замечаешь, когда ты сам часть всего происходящего здесь... Если хочешь, можешь пойти в мою комнату.

— Спасибо, Крегга. С удовольствием.

Старая барсучиха задумалась.

— Подожди. Есть место еще лучше моей комнаты. Ты можешь отдохнуть в лазарете.

— Но я не больна. Зачем мне в больницу?

— Уж очень там тихо, чисто и уютно. Аббатиса Песенка частенько уединялась там, чтобы поразмышлять или просто отдохнуть.

— Тихо, чисто и уютно... Хорошо, я попробую. — Мгера встала из-за стола.

Маленький больничный бокс действительно оказался тихим, чистым, уютным помещением. Мгера прилегла на койку и огляделась. На стене напротив круглого окошка солнечные лучи высвечивали круглое красноватое пятно. Цветовые оттенки стенной кладки напоминали облака. Как будто картина: буроватое солнце путешеш-

ствуует по небу из теплого буроватого песчаника. Мгера вспомнила, что однажды она провела несколько дней в больнице аббатства. В раннем детстве она вывихнула ногу, и сестра Алканет лечила ее. Сестра вспомнилась не строгой и чопорной, а доброй и внимательной. Может быть, она меняется после работы? На двери Мгера увидела листок со стихотворением, очень красиво написанным, в рамочке из нарисованных цветочков и ягодок. Она прочитала, не вставая с кровати:

Если заболит головка,
Значит, надобна смолёвка.
Если есть на сердце раны,
Кушай корень валерианы.
Ну а если в ранах тело,
Деревей пригоден в дело.
Если свалит жар в кровать,
Дягиль надо пожевать.
Если будут бородавки,
Требуй чистотела травки.
Против чиха и соплей —
Зимолюбка и шалфей.
Телом кто здоров и духом,
Носит ясенник за ухом.

Мгера улыбнулась, вспомнив, как они вдвоем с Флоберт, очарованные ароматом душистого ясенника, уговарили брата Бобба приготовить им бутылочку эссенции из его цветков. Они так неумеренно намазались этой эссенцией, что Крегга приказала обеим принимать пищу снаружи, в саду. Конечно, она была тогда еще ребенком, а Флоберт совсем крошкой. Вспоминая прошлое, Мгера задремала. Перед глазами всплыл образ плачущей над пустой колыбелькой матери, потом пухлый младенец со странной меткой на лапе. Дейна был бы уже сильной выдрой почти шестнадцати сезонов. Отец поднимает ее и

целует, перед тем как покинуть дом с младенцем, гордый маленьким сыном и милой дочерью. Как не хватает ей отца!

Мгера проснулась в слезах. Кто-то постучался в дверь. Она торопливо вытерла глаза покрывальцем и пригласила:

— Входите, пожалуйста!

Дверь приоткрылась, и из-за нее высунулись головы Фавиллы и Брогла.

— Крегга сказала, где тебя искать. О дорогая, да ты плачешь! — Фавилла подбежала к ней и обняла за плечи. — С тобой все в порядке?

Мгера всхлипнула, вытирая глаза поношенным зеленым покрывальцем с кровати.

— Сон. Глупо так реветь, конечно. Сейчас все пройдет. В моем возрасте реветь, как...

Вдруг Мгера напряглась и уткнулась в зеленую тряпицу.

Брогл потрогал зеленую ткань.

— Мгера, Мгера, что случилось?

— Сирень! Понюхайте, это сирень. — Она протянула покрывальце друзьям.

Те послушно уткнулись носами в покрывало, а Мгера его ощупывала и осматривала.

— Старое, домотканое. Зеленое, выцветшее, как и тот кусок, который мы нашли на колокольне.

За дверью слышались тяжелые шаги, и в комнату вошла Крегга.

— О Крегга, посмотрите, что нашла Мгера! То есть потрогайте, понюхайте, вот это...

Усевшись на кровать, Крегга занялась тканью.

— Гм-м... Покрывало. Такими сестра Алканет управляет кровати. Правильно?

— Но оно пахнет сиренью! — почти крикнула Мгера.

— Боюсь, я чуток переела... А надписей не нашли?

Крегга откинулась на подушки, а Мгера почти сразу обнаружила буквы. Надпись шла вдоль канта. Единственное слово, заглавными буквами, написанное по вертикали: ТОСНА.

— М-да, сначала СОСНА, теперь ТОСНА... Здорово мы продвинулись, ничего не скажешь.

— А чего ты ожидала? — спросила Крегга.

— Не знаю. Чего-нибудь понятного.

Крегга поднялась с кровати:

— Ну, с вами здесь не отдохнешь. Пойду-ка я в свою комнату. А вы посидите, подумайте. Не расстраивайся, Мгера. Время поможет. Терпение, мой друг, терпение.

Крегга ушла, а Мгера с Фавиллой нашли ножницы и иголку с ниткой, отрезали полоску ткани с надписью и принялись подшивать покрывало заново. Брогл улыбнулся:

— Вы меня извините, дорогие мои, но у вас не очень хорошо получается. Позвольте мне этим заняться.

Мгера посмотрела на кривой шов и сморщенную ткань и рассмеялась.

— Спасибо, друг, — сказала она и протянула рукоделие Броглу.

— А я и не знала, что у нас плохо получается, — нахмурилась Фавилла. — Я ведь шить никогда не училась. Хотелось бы, конечно, научиться.

Брогл вынул из передника свой маленький нож и распорол неудавшийся шов.

— Это очень просто, Фавилла. Смотри на мою работу, а потом попробуешь сама.

Брогл с увлечением занялся обучением Фавиллы, а Мгера подошла к окну с полоской ткани. Рассмотрев ее внимательно, она подняла взгляд и уставилась в окно. Малыши уже расправились в сторожке с пирогом и те-

перь направлялись к пруду, прихватив с собой поднос от съеденного ими пирога. Перемазавшись в начинке, сладкоежки надеялись избежать мытья, самостоятельно смыв следы пиршества со своих физиономий. Вскоре завязался настоящий «морской бой» с обрызгиванием и обливанием. Мгера сначала смотрела на их веселье с улыбкой, но затем на мордочке ее отразилась тревога. Поглощенные игрой, малыши не обратили внимания, как самый крохотный из них, ежонок Вегг, спустил поддон на воду и погрузился в него как в лодку.

Мгера высунулась из окна и закричала:

— Дерби, Фигл! Вытащите Вегга из пруда! — Но малыши, увлеченные игрой, ее просто не слышали.

— Что случилось? — поднял голову от шитья Брогл.
— Малыши шалят?

— Я сейчас! — крикнула Мгера, устремляясь к выходу. Она пронеслась через аббатство и чуть не столкнулась с матерью. Филорн возвращалась из сада с грушами в переднике. Покачивая головой, мать остановилась, чтобы подобрать упавшие на пол груши.

— Сколько раз я ей говорила не носиться стремглав, когда она еще была малышкой! А она и взрослая гоняет как угорелая!

Поддон тем временем удалился от берега. Играющие детишки не видели ни отплывавшего к центру пруда поддона с Веггом, ни бегущей Мгеры. Но ежонок заметил ее, вскочил во весь рост и закричал:

— Мгела, Мгела, поймай меня!

Тут он покачнулся и бухнулся в воду.

На бегу Мгера заметила, что под водой сверкнул серебристый бок крупной рыбы. Заметили ее и малыши. Они прекратили игру и завопили:

— Вылезай, Вегг!

— Ой, рыбка какая большая!

— Рыба, рыба! Съест, съест!

— С дороги-и-и-и! — завопила Мгера и через головы малышни бросилась в воду. Молниеносно подплыв к ежонку, она изо всех сил ударила рыбу хвостом и, схватив маленького Вега в охапку, устремилась к берегу.

Выбежала и Филорн, поняв, что произошло что-то неладное. К берегу бежали Хорг, Бурак, Дрогг и сестра Алканет. Малышня наперебой излагала события:

— Бо-ольшая рыба чуть не съела Вега... Мгера по воздуху летала, через нас... Мгера достала Вега...

— Быстренько переодеваться, дочка, — приказала Филорн промокшей Мгере. — Все целы?

Мгера отдала ежонка матери.

— Все целы. Этот моряк уплыл в твоём тазу. Только пришлыл без таза.

Сестра Алканет строго приказала малышам:

— Всем построиться здесь! — И указала лапой на место возле себя. — Какое безобразие! Посмотрите на себя, на что вы похожи!

Понурые детишки нехотя выстроились в линейку. Старый Дрогг сурово спросил:

— Кто вам разрешил подходить к пруду?

Алканет подошла к одному из них и заглянула ему в рот.

— Ну вот! Ил, песок, грязь... Чего только не наглотались! Сейчас же идем в больницу лечиться и мыться.

Филорн жалела малышей, но понимала, что им необходим хороший урок. Поэтому она строго спросила у Вега:

— А где мой поддон для пирога, скажи, пожалуйста?

Дерби попытался улыбнуться как можно шире и объяснил:

— Хурр, большая рыба взяла его для своего пирога. Только у нее так вкусно не получится, как у вас, мэм.

— А я больше никогда не смогу сделать пирог без моего поддона, — пригрозила малышам Филорн. — Теперь вы видите, к чему приводит баловство?

Ревущих малышей повели в больницу, а Мгера вернулась к пруду.

— Все равно я мокрая, так что вытащу быстренько твой поддон и пойду переодеваться, — сказала она матери.

Заяц потрогал свой подбитый нос:

— Хорофо, фто не меня будут лефить. Гадофть это лефение.

— Меня Алканет как-то лечила от живота. Вкус у ее лекарств как у дохлой жабы, — согласно закивал головой Хорг.

Мгера снова вылезла на берег, вытащив поддон.

— Этот хариус сейчас больше нуждается в лечении. Пришлось стукнуть его как следует.

Филорн потрепала дочь по мокрому плечу:

— Ты молодец. Спасибо за поддон. Его ведь отец сделал. Ты, пожалуй, не хуже плаваешь, чем он. А теперь быстренько переодеваться.

Дрогт посмотрел вслед Мгере и обратился к Филорн:

— Чудесная у вас дочь, мэ. Ею можно гордиться.





У же вечером отдохнувшая, вымытая, переодетая Мгера вышла из своей комнаты. Брогла и Фавиллу она нашла в саду.

— Привет, приятели! Как ваши уроки кройки и шитья?

Брогл махнул лапой:

— Лучше не спрашивай! Едва справились с покрывалом, как сестра Алканет привела кучу перемазанной малышни и заставила нас с ними возиться.

Мгера подмигнула Фавилле:

— Вот ты и с сестрой Алканет познакомилась.

— Познакомилась, — подтвердила Фавилла. — Ей так понравилось наше рукоделие, что она притащила кучу старого постельного белья для штопки. Так что из-за маленькой отрезанной полосочки у меня теперь богатый опыт шитья и штопки.

Все трое еще смеялись, когда к ним подбежали Флоберт и Эгберт.

— Вы уже записались? — спросил запыхавшийся Эгберт.

— Куда?

— На гонки по стене.

— Великие Сезоны, совсем забыла! — хлопнула себя по лбу Мгера. — Пошли, ребята. Еще успеем.

— Что за гонки? — заинтересовалась Фавилла. — А мне можно?

— Конечно можно, — усмехнулся Брогл. — У тебя неплохие шансы. Каждый участник может выбирать, где он побежит, по стене или возле нее. Бег начинается у сторожки, проходит по стене — или вдоль нее — вокруг аббатства и заканчивается там же, где начинался. Участвовать могут все желающие.

Они записались у Хорга. Эгберт, Флоберт, Мгера и Фавилла выбрали стену. Гундил, как и все кроты, не любившие высоты, выбрал бег по травке. Фавилла спросила, чем наградят победителя, и Гундил с загадочным видом почесал нос.

— Скоро узнаем, хурр.

Кротона начальница Брулл распоряжалась внизу. Она объясняла и показывала, где и как нужно бежать, малышам, которым разрешили начать бег раньше взрослых.

Вверху, на стене, участников гонки расставлял Хорг. Фавилла, посмотрев вниз, спросила Эгберта, о чем так оживленно рассказывает малышам кротона начальница.

— Пытается растолковать, куда не нужно бегать, — усмехнулся еж. — Они куда угодно забежать могут, даже в пруд.

Бурак уже настолько оправился от травмы, что ему доверили дать старт. Он стоял на пороге сторожки с желтым флагом, сшитым из выслужившего срок мешка.

— Во, во! Внимание, участники ежегодного забега! Правила соблюдать, не толкаться, не пихаться, трассу не срезать. Желаю всем успеха, во. На старт, ребята, во! Приготовились... внимание... Марш!.. В-во-о-о...

Бегуны толпой рванулись с места, как верхние, так и нижние. Мгера с Флоберт и мышью Биррел после старта оказались впереди. Крегга, стоя на пороге сторожки вместе со стариками, схватила лапу брата Бобба.

— Ну, что там происходит? Рассказывай, рассказывай! И брат Бобб начал для нее репортаж.

— Мгера, Флоберт и Биррел ведут гонку, но не могут оторваться от остальных. К ним присоединяется Эгберт. О Великие Сезоны! Брогл и Фавилла обходят остальных. Как будто облака рыжей шерсти промелькнули мимо участников гонки!

— Молодец, Фавилла! — вырвалось у Крегги.

— Она всех оставила позади и увеличивает разрыв! — продолжал брат Бобб.

— Фа-вил-ла! Фа-вил-ла! — заорал старый Хорг, размахивая палкой. — Вперед, рыжая молния! Покажи им, как надо бегать!

Все восхищенно следили за быстроногой белкой. Брат Бобб между тем обратил внимание на нижних бегунов.

— Участники забега по траве добежали до юго-западного угла и начали поворот. Впереди Гундил двигается в хорошем темпе. Вплотную к нему три кротихи. Вот они бегут вдоль южной стены. Ха-ха-ха, Дерби и Фигл отделились от бегунов и за кустами пробираются к саду.

— Моя клубника-земляника! — вырвалось у Дрогга.

Фавилла потянула Хорга за рукав:

— Извините, сэр, но я уже здесь.

— Как? — изумился старик-привратник, — Остальные-то еще на середине северной стены.

Начали прибывать остальные участники. Их встречали болельщики, обнимали, трясли лапы. Следили и за участниками бега вдоль стены. Там впереди все еще оставался Гундил, вплотную за которым бежали все те же три кротихи и два ежа. Мгера, Брогл и Фавилла подбадривали своего друга:

— Давай, давай, Гундил!.. Не оборачивайся, беги!

Дыша как кузнечные мехи, Гундил закончил бег, так и не уступив лидерства. Вокруг раздавались одобрительные возгласы, все поздравляли победителей. Их внесли в аббатство на руках.

В аббатстве началась церемония чествования победителей. На Фавиллу и Гундила накинута алая плащ, на голову возложили венки из примулы и кувшинок. Дрогг надел новый передник и выкатил бочку, выкрашенную в розовый цвет. Он установил бочку в центре Большого зала и вручил победителям большие деревянные кружки, украшенные искусной резьбой.

Мгера веселилась вместе со всеми, но тут заметила возле главного входа Трея, самого маленького мышонка аббатства. Он горько плакал и тер глаза лапами. Мгера протолкалась к мышонку и присела перед ним на корточки.

— Что случилось? Почему такой большой плачет?

— Мы хотели снова побегать, сами... Как взрослые, по стене... Как мисс Фавилла. Я, Дерби и Фигл, — всхлипывая, объяснял мышонку. — Дерби и Фигл побежали и упали... И-и-и-и-и!

Запылали факелы, зашумели встревоженные обитатели аббатства. Все устремились к стене. Схватив маленького Трея в охапку, Бурак вместе с Броглом, Филорн, Мгерой и Фавиллой поспешили наверх, на парапет, чтобы точнее определить место падения.

— Где вы были, когда они упали?

— Он показывает на центр восточной стены.

Они подбежали туда.

— Здесь, Трей?

Мышонок молча кивнул.

— В какую сторону? За зубцы стены, наружу?

Трей снова кивнул. Фавилла устремилась вниз по стене.

— А когда это было, малыш? Только что?

На этот раз Трей замотал головой.

— Когда они упали? Сколько времени прошло? — допытывалась Мгера. — Почему ты сразу не сказал?

Трей, сидя на плече у зайца, играл бубенчиками на его ушах.

— Давно-о-о, — протянул мышонок. — Когда все ушли отсюда. Дерби сказал никому не говорить, что мы играли на стене. Я и не говорил. Они упали, а я убежал. Я боялся, что спать пошлют.

— Открывай ворота, старина! — крикнул Бурак вниз Хоргу. — Надо искать снаружи.

Фавилла, которая в воротах не нуждалась, уже обыскивала местность за стеной.

— Надо открыть восточные воротца, — решила Мгера. — Так быстрее. Мама, забери Трея, пожалуйста. Пошли, ребята, — махнула она лапой Броглу и Бураку.

Задвижка восточной дверцы застряла в гнезде, но заяц ударил в нее обеими задними лапами, и створки со скрипом разошлись.

Выбежав наружу, они встретились с Фавиллой, уже осмотревшей прилегающий к стене участок.

— Никаких следов, — мрачно сообщила белка.

Факелы полыхали вокруг всего аббатства. Обитатели тщательно обыскивали местность. Все надеялись, что упавшие малыши, если с ними ничего не случилось, направятся вдоль крепостной стены к главным воротам. Обегая большое дерево, Мгера вдруг ощутила на плече чью-то мощную лапу.

— Мгера, это ты? Что-нибудь нашли?

— Крегга! — вздохнула Мгера с облегчением. — Нет, к сожалению. Как будто они по воздуху улетели.

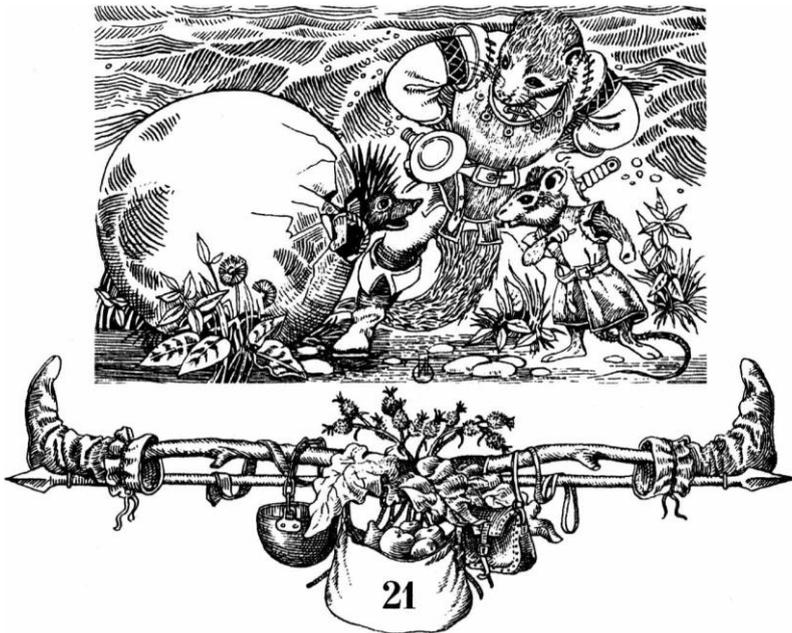
Крегга озабоченно принюхивалась.

— Не нравится мне все это. Слишком много народу снаружи. У кого нет факелов и фонарей, могут заблудиться. Да и пожар лесной может случиться. Сушь такая, одна искра от факела — и лес вспыхнет.

— Надо направить народ в аббатство, пусть посмотрят внутри. Может быть, они уже прошмыгнули в открытые ворота незамеченными. А мы с Броглом, Фавиллой и Бураком посмотрим здесь. Восточную калитку можно оставить для нас приоткрытой. И сестру Алканет предупредить, чтобы подготовила лекарства и шипы на случай переломов.

— Правильно, Мгера. — Крегга похлопала молодую выдру по плечу. — А Дроггу велю у восточных ворот оставить несколько факелов. Что-нибудь еще вам понадобится?

— Только куча удачи да воз везения. И скорый рассвет, если быстро не найдем.



Усталый и перепачканный, Таг выпрямился и оглянулся. Землеройки-пигмеи тащили последних откопанных раненых в пещеру. Нимбало скосил глаз на заходящее солнце.

— Не горюй, друг, ты сделал все, что мог, — утешил выдру Нимбало. — Этим уже никто не поможет. — Он указал лапой на гору щебня и осколков, под которыми — они знали это — остались погребенные под обвалом землеройки.

— Это ведь все из-за меня, — мрачно пробормотал Таг.

— Да ничего подобного! — горячо возразил Нимбало. — Вон из-за кого! — Он резко ткнул лапкой в сторону связанного пленника. — А дрянь везде дрянь. Где бы они ни появились, везде нагадят.

— Может быть, ты и прав, — устало согласился Таг. Он разрезал веревку, которой пленный был привязан к здоровенному осколку скалы, и вздернул горностая на задние лапы.

— Не убивай, не убивай, — залепетал тот в ужасе.

— Не убью... пока что. — Таг подтолкнул его в направлении входа в пещеру. — Я с тобой сначала побеседую.

— А потом? — живо поинтересовался пленник.

— А потом отдам тому племени, народ которого вы погубили.

— Нет, нет, не надо! — рухнул наземь перепуганный Ребро. — Только не это!

— Уж очень ты разборчивый. — Таг поднял горностая за шиворот. — А если языком не захочешь шевелить, то я тебя сразу им отдам.

Горностай зажмурился, не в силах вынести тяжелый взгляд выдры.

Они подошли к пещере. Нимбало сразу же бросился в водопад, отмываясь от пыли и земли. Перепачкался он не хуже Тага. После этого мышонок взял нож Тага и бдительно следил за пленником, пока Таг принимал водные процедуры.

Подведя Ребро к водопаду, Таг сделал еще одно интересное открытие. Оказалось, горностай панически боится воды.

— Ни-ни-ни-ии! — заверещал он, подойдя к водопаду. — Я туда не пойду!

— Не пойдешь? — зловеще ухмыльнулся Таг, — Не ходи, — Он схватил Ребро за шиворот и за хвост, припод-

нял и сунул в падающий поток воды. Жертва отчаянно забилась в железной хватке, замахала лапами и завертела головой.

— А-а-а-а-а-гх-кх! Тону-у-у... улып! Не на-а-а-бр-р-р-р!

Таг вытащил его, встряхнул, как половик, и дал отдышаться.

— Не будешь говорить — утоплю.

— Да-да-да-да! Все скажу, все, что знаю, только не надо воды.

Из пещеры выскочил Альфик:

— Ой, не надо его внутрь вести. Отец едва народ держит. Увидят его — плохо будет. В клочки разорвут.

— Верно говоришь, друг. Не пойдем. Здесь с ним побеседуем. Мы его только помыли немножко. — И Таг повернулся к пленному. — Видишь, как тебя любят и ждут?

Ребро оказался разговорчивым. Он выболтал все, что знал, все, что случилось в лагере и во время их путешествия. Нимбало, не знавший всех подробностей жизни Тага, озадаченно слушал пояснения своего большого друга, не отрываясь от ужина, доставленного из пещеры землеройками во главе с Чич.

— Значит, этот Сони Рат, который выдавал себя за твоего отца, теперь покойник. Новый вождь стаи теперь Грувен Занн. И этот Грувен Занн охотится за твоей головой, чтобы принести ее в лагерь и утвердиться как вождь. Правильно я понял?

— Примерно так, — кивнул головою Таг, подбрасывая веточки в костер. — Поэтому они бегали за мной. А когда меня нашли, еще быстрее побежали от меня. И теперь мне придется гоняться за ними. Но Грувен и два его спутника — мелкая сошка, а вот Волог и Ифира — личная гвардия Сони Рата, опытные охотники и убийцы, не

такие, как этот идиот, наш пленник. И я не знаю, где их искать. Нельзя спать спокойно, когда такие рыщут поблизости.

— Но ведь тебя называли Тагерангом, а это значит, что ты — лучший воин, чем все остальные. Ты, наверное, убил больше врагов, чем вся твоя стая...

Таг посмотрел на пленного горностаю и признался:

— Знаешь, кроме этого угря, я еще никого за всю жизнь не убил. Не было необходимости. Да, я быстрее, ловчее и сильнее, чем любой Юска. Все это знали, и очень редко кому-нибудь приходила в голову идея со мной поспорить. Я выполнял поручения Сони Рата, но когда он поручил мне снять шкуру с живого лиса, я отказался. Мне никогда не доставляло удовольствия причинять кому-нибудь боль. Ведь Юска способны убивать просто ради развлечения. И поэтому мне захотелось от них уйти. Но, кажется, они против.

— Ну ничего, теперь, когда с тобою Нимбало-Убийца, они быстренько отстанут от тебя. Сможешь жить еще лучше, чем жил до того, как стал Тагерангом.

— Спасибо, — улыбнулся Таг бахвальству мышонка, — но я не помню ничего о своей жизни до того, как стал Тагерангом, — Таг еще не закончил фразу, как в голове его появилась новая мысль, и он повернулся к Ребру. Мрачно сидевший рядом горностаю скрючился под взглядом выдры и отвел глаза. Он почувствовал, что сейчас его спросят еще о чем-то.

— Я все сказал. Все, что знаю, — заскулил он, увидев, как сверкнуло лезвие ножа, вытащенного Тагом из-за пояса.

— Скажи-ка мне, — спросил Таг и принялся точить нож о валун. — Давно ли я живу с Юска?

— Т-точно не вспомню... Может быть, тридцать сезонов?

— Тогда вспомни, как я появился в стае, — спокойно произнес Таг, не отрывая взгляда от лезвия, скользящего по гранитной поверхности. — Не торопись, подумай как следует, чтобы не ошибиться. Если ошибешься, я рассержусь, очень рассержусь.

Таг говорил негромко и спокойно, но пленнику голос этот показался острее ножа, все еще неторопливо двигающегося по камню.

— Да, да, я попытаюсь... Давно это было...

— Попытайся, попытайся, Ребро.

Таг поднял нож и лизнул лезвие.

— Болтали в лагере, что Грисса нагадала нового Тагеранга и приход его в нашу стаю. Кости, там, предзнаменования, сам знаешь. Антигра сразу про своего детеныша: мол, это он и есть. Но Грисса — ни в какую. Свыше, стало быть, знамения против Антигры. Лапа должна быть отмечена, вот как у тебя.

— А ты откуда узнал? — перебил Таг.

— Дак... весь лагерь ульем гудел... Юска ведь, сам знаешь, всегда ухом да глазом везде шарят. Да... И тут Сони приказал свернуть лагерь и топать за ним. Никогда я его еще таким не видел. Как на иголках... Да... Четыре дня перли, он все подгонял... выдохлись все, языки до земли отвисли. Забрели в Лес Цветущих Мхов, туда, где тропа с рекой скрестились... Брод, стало быть. Там он всех оставил поодаль, взял с собой с десяток... Всех не помню. Меня взял, Даграба... Волога да Ифиру, знамо дело, они всегда с ним. Были, то есть. Подошли мы к самому броду, затаились. Тут вышел к броду здоровый такой... выдра вроде тебя, с младенцем... Ну, Сони кивнул Вологу, тот завалил выдру... стрела в сердце, сразу помер, не мучился... Сони сгреб младенца... Тебя, то есть.

— Дальше! — Голос Тага дрожал от волнения.

— Дальше все бегом... — Ребро закрыл глаза, вспоминая. — Сони с тобой в охапке впереди, мы все за ним. Последние заметали следы.

— Я никогда в жизни не видел, чтобы Сони Рат от кого-то бегал. Чего он так боялся?

— Красных воинов! — сразу же выпалил Ребро. — Точно помню, красные воины это были. Или что-то очень похожее. Мы неслись как осой ужаленные, потому что он сказал, что пленных они, красные, не берут, а он каждому, кто отстанет, сам глотку перережет. Дунули мы это до дюн, до берега, а следы заметали ветками и засыпали дикой мятой от запаха. Еще одно: Сони никого к тебе не подпускал, кроме Гриссы. Я сам видел, как он одному лапу изуродовал, когда тот к тебе хотел подойти. Вот этим самым ножом, что у тебя сейчас. А, так Фелчу! Лису Фелчу лапу искалечил.

Таг мысленно складывал вместе отрывки полученных сведений.

— Скажи мне о красных воинах. Ты их видел когда-нибудь? Почему их Сони так боялся?

— Не-е, никогда не видал, — помотал головой Ребро.— Да-а, бежали мы — птице не угнаться... Стой! Вспомнил: Грисса говорила что-то про колокол... То есть про звон колокола. Да, да, берегись звона колокола, говорила она. Сони Рату говорила, конечно, не мне... Нет, ничего больше не вспомню... Никому к тебе нельзя было подходить, пока младенцем был. И все тебе самое-самое: еда, одежда... А все должны были кланяться и говорить: Занн Юскарат Тагеранг. Я все рассказал. А за тобой Грувен нас повел, я не хотел. Не убивай меня, Тагеранг.

— Живи пока, только до утра ни звука, — приказал Таг, привязывая Ребро на ночь. — Утром подумаем, что с тобой делать. А сейчас замолкни да спи.

Таг заснул с ножом в лапе. Последние мысли его крутились вокруг красных воинов и звона колоколов. Мышь-воин, которого он увидел во сне, тоже был покрыт красной шерстью.

— Дейна, Дейна! — крикнул Таг.

Воин-мышь поднял меч и откликнулся:

— Мартин!

Тут все полетело кувырком, откуда-то высунулся Со-ни Раг вместе с задавленной обвалом землеройкой, Волог-лучник с зажмуренным глазом. Волог спустил тетиву, и Таг увидел красную комнату, лицо выдры. Лицо было его, только без татуировок и раскраски. Отец! Тут в сердце уколола стрела Волога, а в лицо плеснула вода, как будто он упал лицом в воду брода.

— Проснись, приятель! — Нимбало нагнулся над ним, брызнув в физиономию холодным мятным чаем. — Нам, видишь ли, завтрак доставили. И глянь, какой завтрак приготовили наши пещерные друзья из нашего пленного друга.

Бодж и Альфик стояли совсем рядом, а за мертвым, уже окоченевшим пленником толпилось множество вооруженных землероек. Таг, увидев мертвого горностаю, нахмурился.

Альфик улыбался во весь рот:

— Йик-йик, доброе утро, добрый друг! Не беспокойся об этом, он больше никого не убьет. Динки-динк, как рыбка-змейка.

— Их нельзя винить, друг, — заступился за землероек Нимбало. — Ребро их не жалел, когда валил вниз камни. А они хотят идти с нами. Теперь у нас будет своя маленькая армия!

Таг меньше всего в этом нуждался, но, чтобы не огорчать землероек, он решил схитрить. Взял нож обеи-

ми лапами за рукоятку и кончик лезвия, вытянул лапы к Бод-жу и произнес громко и торжественно:

— О великий вождь пещерного народа! Я благодарю тебя за помощь. Но мы должны оставить тебя, должны сами найти нечисть и истребить ее. Ты не можешь оставить свой народ без своего мудрого руководства. Я же найду наших общих врагов и истреблю их. Потому что... — Тут Таг выполнил дикий прыжок с переворотом над головами изумленных землероек. Приземлившись, он зарычал: — Потому что я Тагеранг, я быстрее ветра и смертоноснее зуба змеи. Я Тагеранг, убивший Йо-Карра!

Закинув Нимбало на плечо, Таг рванулся прочь. Нимбало судорожно вцепился в шею выдры. Мимо мелькали кусты и валуны, из-под лап летели комья грязи и камушки. Нимбало все крепче сжимал лапы на шее друга и вопил ему в ухо:

— Куда ты гонишь, с ума сошел! Если споткнешься, обоим конец!

Перепрыгнув через ручей и обогнув скалу, Таг наконец остановился.

— Ну, теперь им нас не догнать.

— Догнать? Этим жирным коротконогим личинкам? Шутишь! За нами бы орел не угнался.

— Это потому, что моим бегом управлял ты, о мудрейший! — засмеялся Таг. — Ты бы разжал лапы, задуть меня хочешь?

— Это я со страха, — мужественно признался мышонок. — Ссади меня, пожалуйста, сделай милость. Не то сам свалюсь. Лапы затекли.

Таг опустил Нимбало на землю, и они пошли дальше, наслаждаясь теплым солнечным утром. Внезапно Нимбало остановился и прислушался.

— Ш-ш-ш-ш! Слушай!

— Что? — Таг насторожился и выхватил нож.

— Вот что! — Нимбало печально похлопал по животу. — Урчит. Мы бросили прекрасный завтрак и удрали неизвестно куда. А теперь я умру с голоду.

Тут желудок Тага так рыкнул, что оба засмеялись.

— Утешься, вместе умирать веселее. А лучше найти что-нибудь съедобное. Кстати, кажется, мы заблудились.

— Ну, гора никуда не делась, вон она. И что-то вроде мелкой речки я с твоего плеча заметил впереди. Идем к речке, куда-нибудь она выведет. К чему-нибудь съедобному.

Они вышли к узкому пересыхающему потоку, медленному, грязноватому, местами почти полностью заросшему камышом и иными болотными растениями. Навстречу им взвились тучи кровососущей мошкеры.

— Давай-ка пойдём отсюда! — взмолился Таг, отмахиваясь и прикрывая морду лапами. — Не знаю, найдем ли мы завтрак для себя, но нами уже завтракают эти гнусные комары и скоро сожрут полностью.

— Нет, потерпи немножко, — не сдавался Нимбало. — Если за излучиной не станет лучше, уйдем на берег.

Поток завернул, и путешественники наткнулись на странное явление. Громадный шар засохшей грязи, размером чуть ли не с Тага, валялся у берега и вещал хорошо поставленным голосом:

— Вызываю помощь! Внимание всем-всем! Прошу оказать срочную помощь. Есть ли кто-нибудь рядом? Просьба немедленно откликнуться.

Под действием солнечных лучей грязь быстро превращалась в серую броню. Таг подошел к шару, постучал по нему. Раздался приглушенный гулкой отзвук.

— Кто дома? — крикнул Таг, приблизив рот к шару.
— Чем помочь? Я выдра, со мной полевая мышь. Меня зовут Таг, а мышь — Нимбало.

Ответ звучал вежливо, но несколько нетерпеливо:

— Я скажу вам, чем помочь. В первую очередь прошу отложить процедуру знакомства и вытащить меня отсюда, пока я не задохнулся. Можете вы это сделать? Да или нет?

— Да! — крикнул Таг, уже срубая куски грязи ножом. Нимбало подобрал валявшуюся поблизости дубинку из корня бука, и Таг нанес ею несколько сильных ударов по шару.

— Эй, внутри, не больно? Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, насколько возможно, друг мой. Прошу вас, продолжайте.

Таг снова заколотил по шару. Вскоре изнутри раздался голос:

— Стоп! Прошу вас воздержаться от продолжения процедуры. Было бы в высшей степени неприятно пасть жертвой собственной дубинки. В высшей степени!

Пыль осела, и на них уставились глаза ежа. Голова его торчала из полуразрушенного грязевого шара. Еж поморгал и чихнул.

— Ап-чхи! Извините. Я вижу у вас нож. Будьте так добры, разрежьте веревку на морде. Морду не надо резать, пожалуйста.

Голова ежа оказалась стянута веревкой. Таг быстро перерезал ее. Еж зашевелился и напрягся, куски грязи полетели с него в стороны.

— Кх-х-х... Благодарю вас, сэръ. Х-х-х-хк! Поберегитесь, прошу вас! — Он выбрался наружу, оставив веревку и значительное число своих иголок в покинутой темнице. Проковыляв к потоку, он плюхнулся в воду и заплескался на мелководье.

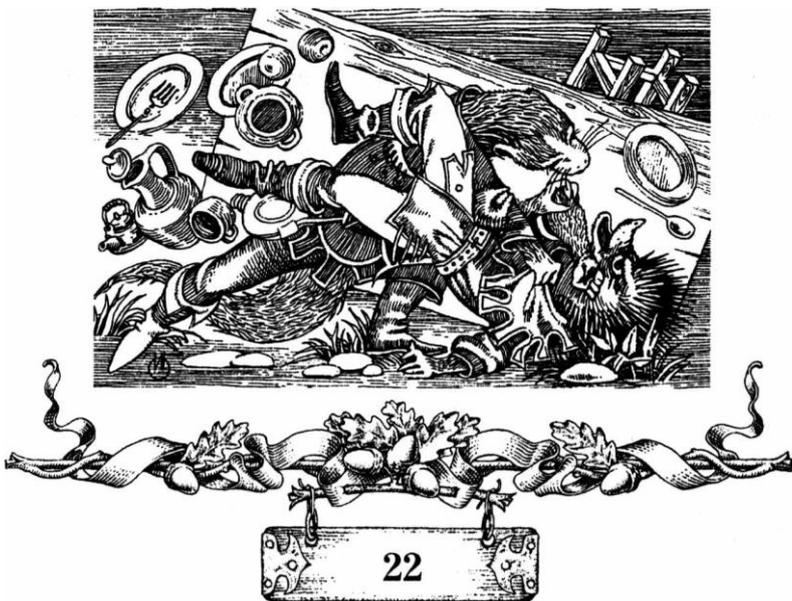
— А-а-а-а, так-то лучше. О-о-о-о, хорошо, — Он уселся и с легким поклоном представился: — Робальд Прямодушный к вашим услугам, сэръ. Могу ли я выразить вам свою признательность за своевременно оказанную помощь?

— Очень приятно, — пискнул Нимбало. — Но как вы попали в такую беду?

Таг помог ежу встать и выйти из ручья.

— Не по своей воле, уверяю вас, — заверил еж. — Прошу вас посетить мое скромное обиталище, и я вам поведаю о событиях, к этому приведших.





Дом Робальда оказался разграбленным и разрушенным. Еж вытащил из кучи хлама полованное кресло и попытался поставить его на ножки.

— К счастью, они не обнаружили мой тайник.

Робальд снял несколько досок и открыл объемистый шкаф с провизией.

— Пирог, сливовица, ореховый сыр, фруктовая печенье, варенье, засахаренные яблоки, чайный хлеб с изюмом... угощайтесь, прошу без церемоний, друзья. Не обращайтесь на беспорядок, я приберу все позже.

Таг разрезал пироги и хлеб, и за трапезой еж рассказал им, что произошло.

— Вчера вечером я уже засыпал, когда внезапно трое негодяев ворвались в мой тихий домишко, и я даже не смог протянуть лапу за дубинкой. У одного из них был меч. Пришлось свернуться в шар, что еще делать ежу? Но это не остановило бандитов. Они связали меня моей собственной веревкой и выкатили на берег, где довели до такого состояния, в котором вы меня застали. Счастье, что я успел сунуть в рот соломину, иначе бы задохнулся. После этого разбойники разгромили мое жилище и съели кастрюлю грибного супа и пирог с морковкой и репой. Счастье, что тетя Лолерея не прибыла днем позже. Она терпеть не может нечисти.

— А кто она такая, ваша тетя? — спросил Таг.

— В действительности она моя двоюродная бабушка. Она меня нянчила, когда я был еще крошкой неразумным. Сейчас живет у реки в лесу и не хочет его покидать. Она же мне готовит. Прекрасный кулинар. Вы думаете, то, что мы сейчас вкушаем, приготовил я?

— Не удалось ли вам услышать имен этих разбойников? — отвлек Таг хозяина от кулинарной темы.

— О да, удалось, — подтвердил Робальд Прямодушный, одним махом проглотив печенье с куском сыра. — Одного звали Вождь. Это горноста́й. Другой тоже горноста́й, Спиногрыз. Наконец, крыса Даграб. Странные имена, надо сказать.

Внезапно Робальд отодвинул кресло и вскочил.

— Ох, что ж это я раньше не подумал... Ведь если они пойдут по руслу, то выйдут к лесному домику тети Лолереи! Подумать страшно!

Таг тоже вскочил, собирая пищу в дорогу.

— Вы бы показали нам путь к домику вашей тети, Робальд.

Еж схватил свою дубинку:

— Как вы думаете, она мне пригодится? Тяжелая, таскать ее... Не было случая ею воспользоваться. Не уверен, что я сумею это сделать...

Нимбало нетерпеливо бил хвостом.

— Брось ее, друг. Зачем таскать бесполезную вещь?

Робальд отложил дубинку.

— Ну и отлично. Следуйте за мной, прошу вас.

И он отвернулся от реки и уверенно зашагал по равнине.

— Но ведь тетя живет у реки! — удивился Таг. — Может быть, лучше пойти вдоль русла?

— Нет, друг мой, — покачал головой Робальд. — Река виляет, а мы пойдем прямым путем. Так быстрее, поверьте.

Таг разглядел сквозь парящий полуденный жар кромку далекого леса и пробормотал, обращаясь к Нимбало:

— Похоже, он прав. Так быстрее.

— Возможно, возможно, — прошептал в ответ мышонок. Только вот бы он дал языку передохнуть. Он словами ножку от стола оторвет.

— Я услышал ваше замечание, друг Нимбало, — улыбнулся еж. — Позвольте с вами не согласиться. Для того чтобы оторвать ножку от стола, слов недостаточно, следует приложить физическое усилие. Что касается моей многословности, вынужден с вами согласиться. Я живу в одиночестве, и когда рядом появляются существа, с которыми можно пообщаться, говорю слишком много. Вы заметили, что возле моей хижины нет птиц, ос и даже комаров? Они все опасаются моей болтливости. Тетя Лолерея говорит, что какое у меня имя, такой и характер. И таков я с колыбели, говорит тетя Лолерея.

Таг и Нимбало шагали размеренно и уверенно, а разговорчивый Робальд постепенно отставал.

— Таков он с колыбели, — пробормотал Нимбало. — Сидит это он, значит, в люльке и болтает: «Тетя Лолерея, прошу вас порцию кашки-малашки, но будьте добры, проследите, чтобы температура в печи не превышала нормальной...» Ха-ха-ха...

— Друзья, — донеслось сзади, — вынужден попросить вас несколько убавить скорость продвижения. Я не могу успеть за вами.

— Тогда останови язык и быстрее шевели ногами, — откликнулся Нимбало. — Застегни рот на все пуговицы. Твоя тетка в опасности, так что поторопись.

— Принимаю ваше совершенно справедливое замечание, друг Нимбало. С этого момента мои уста не произнесут ни слова. — И Робальд вприпрыжку затрусил за Тагом.

Запыленные и усталые, они вошли наконец в лес, с наслаждением лоя макушками тень древесных крон. Робальд хотел было опуститься на мягкую подушку мха, разросшегося возле старого пня, но Таг подбодрил его строгим взглядом.

— Тетя ждет! Куда теперь?

— Вы совершенно правы, друг Таг. Тетя вон там. Отсюда русло идет прямо, не сворачивая. Дальше оно расширяется и впадает в реку. Сейчас мы уже услышим шум воды. Весьма положительно действует на распатанную нервную систему.

И действительно, они почти сразу вышли к месту, где поток подходил к реке. Робальд заспешил вперед и обнаружил причаленный к берегу громадный плот. находка очень сильно подействовала на ежа.

— О нет, только не это! Проклятые Диллипины!

— Что случилось, Робальд? Что с твоей теткой? — догнал ежа Таг.

— Вот, вот они, эти неотесанные невежды... черствые чурбаны, — все тыкал лапой возмущенный еж в направлении плота.

Его причитания были прерваны появлением маленького ежонка, который выкатился из куста и с размаху стукнул Робальда дубинкой по ноге. Робальд в испуге подпрыгнул, а довольный ежонок рассмеялся грубым, хриплым смехом:

— Го-го-го-го! Получил, дядя Робальд! О-го-го-го-го! — и сразу же размахнулся дубинкой, целясь в ногу Нимбало.

Таг подцепил хулигана лапой за шиворот и отобрал дубинку.

— Где твои мама с папой? Отвечай, не то живо проглочу!

Ежонок не испугался, а просто показал лапой:

— Там, лопают олады тети Лол. Пусти, покажу.

Все заспешили за бегущим впереди ежонок. Робальд хромал последним. Вот из-за кустов показался домик, обычная лесная постройка из бревен, крытая мхом и дерном. Перед домиком росли цветы и овощи. Где-то за домиком шло веселье, оттуда доносились звуки пепия, грубый смех, треньканье какого-то музыкального инструмента. Физиономия Робальда выразила отчаяние.

— Извините меня. Уж лучше бы вы нашли здесь ту нечисть, чем это сборище невоспитанных грубиянов. То есть я хотел сказать, что вы сейчас будете иметь удовольствие познакомиться с другой ветвью семьи тети Лолереи.

За домиком царил полный беспорядок. Толстые ежи и ежихи с иглами, украшенными цветами, объедались, опивались, соревновались, кто громче икнет, пели, дрались и не обращали никакого внимания на вновь при-

шедших. Старая худощавая ежиха, одетая в безукоризненно чистый белый халатик, прикрытый цветастым передником, стояла у плиты и жарила блины. Она шлепала тесто на раскаленную каменную поверхность плиты, тесто растекалось и поджаривалось; затем повариха переворачивала блин деревянной лопаточкой, сверху посыпала, поливала или смазывала чем положено, складывала или сворачивала и вручала его ожидающему рядом едоку. Материца подняла голову и приветливо улыбнулась Робальду.

— О, мистер Робальд почуял запах моих блинов, не иначе! И друзья твои, конечно же, не прочь их отведать. Меня зовут Лолерея, — обратилась она к Тагу и Нимбало.

— Меня зовут Таг, а моего друга Нимбало, — вежливо поклонился Таг. — Очень рад с вами познакомиться. Мы к вам пришли, потому что здесь недалеко бродят опасные разбойники.

— Опасные разбойники? Хо-хо-хо-хо, — развеселился еж, как раз ожидающий блина возле тети Лолереи. — Это, должно быть, те трое, которые пожаловали к завтраку. Ну, мы их покормили и отправили восвояси. Так, Лол?

Лолерея покачала головой:

— Странные гости. Я готовила завтрак. Тут прибегают малыш и говорит, что там какие-то трое... Я вышла посмотреть, и действительно, два горностаея и крыса, так же раскрашены, как и вы, мистер Таг, но не такие вежливые. Один из них размахивает мечом и рассказывает, какую он из меня нарубит наживку для рыбной ловли, если я их не снабжу продовольствием. Конечно, на его крик выскочил Джеркин с семейством. Они зарядили свои пращи и дали этим горе-разбойникам урок хорошего поведения.

Джеркин снял с пояса пращу, вложил в нее округлую гальку и самодовольно сообщил:

— Да-а, мы, Диллипины, знаем в этом деле толк. Дай цель!

— Вон ветка тополя торчит, — указал Таг.

Засвистела над головой ежа праща, вырвался из нее камень и с хрустом срезал ветку. Еж ухмыльнулся и протянул пращу Тагу.

— Хочешь попробовать, веслохвост? — спросил он.

— Нет, спасибо, приятель, — отказался Таг. — А вон видишь ромашку под тополем? — Нож сверкнул в воздухе и завибрировал в стволе тополя, пригвоздив к нему цветок. — Хочешь попробовать, игольник?

Робальд потащил Тага к столу. Чувствовалось, что друзьями этих родственников не назовешь.

— Тетя Лолерея поджарила специально для нас. Давай быстрее, пока эти Диллипины до них не добрались.

Тетя-повариха поставила блины на стол и полила их сиропом.

— Кушайте на здоровье, не обращайтесь внимания на этого Джеркина.

— Да, ваш Джеркин как будто на осу уселся, — заметил Нимбало. — А какие взгляды он на тебя бросает, Таг!

— Вообще-то Джеркин неплохой парень, — признал Робальд без особой охоты. — Вот только одержим манией первенства. Всегда и во всем он должен быть лучшим. Так что не надо было ему это метание ножа демонстрировать. Он теперь сам не свой, выдумывает, как бы ему показать, что он самый-самый неподражаемый.

Робальд неплохо знал своего родственника. Джеркин и его семья шумели все больше и больше, наконец затеяли швырять друг в друга камушки. Джеркин выждал момент, когда один из ежат пробежал между ним и Тагом, и лениво швырнул камушек в малолетка. Тот легко увернулся, и камушек шлепнул Тага по щеке. Последовал дружный взрыв смеха со стороны Диллипинов.

Таг подобрал камушек и бодро крикнул Джержкину:

— Неплохо, неплохо, друг. Но можно еще лучше. Смотри! — Он небрежно швырнул камушек через плечо и ударил по нему хвостом. Камушек больно стукнул Джержкина по кончику носа. Диллипины, надо отдать им должное, смеялись в этот раз так же громко — кроме Джержкина.

— Жаль, что ты не еж, я бы тебя на иглах затаскал.

— А этого не хватит? Вместо игл. — Таг выставил вперед лапу и растопырил когти.

В популярной среди ежей борьбе на иглах два борца пытаются свалить друг друга, сцепившись головными иглками. Таг предложил заменить иглы когтями, на что Джержкин презрительно ухмыльнулся.

— Если хочешь, можешь попробовать. Но предупреждаю, я на иглах чемпион Диллипинов с самого детства. Не передумал? Ну, давай!

Джержкин наклонил голову и бросился в атаку. Таг перескочил через стол и встретил нападение ежа, сцепив свои когти с его мощными головными иглами. Переворачивая столы и скамейки, противники таскали и толкали друг друга по саду, ломая ветки деревьев и кустов, топчя траву и цветы. Джержкин неожиданно крутанул шеей, но Таг, вместо того чтобы упасть от резкого движения, кувыркнулся в воздухе и приземлился на лапы. Потом кувыркнулся еще раз в том же направлении, и Джержкин по инерции тяжело грохнулся наземь. Он тут же вскочил, но Таг кувыркнулся еще раз, и Джержкин снова распластался на травке. Таг повторил маневр шесть раз, а в седьмой еж уже не смог подняться.

Таг наклонился к лежащему противнику и ухмыльнулся:

— Ну как? Хорошо получилось?

— У меня все иглы переломаны, черт речной.

Таг помог ежу подняться, крепко пожал его лапу и громко объявил:

— Я еще никогда с таким мощным противником не боролся. Хорошо, что ты больше не смог подняться, не то плохо бы мне пришлось.

Джеркин подвел Тага к своим ежам и сообщил им:

— Это мой приятель Таг. Кто его обидит, будет иметь дело со мной. Лол, дай нам еще блинов, ладно?

Робальд только покачивал головой, глядя, как бывшие противники наперегонки уплетают блины. Таг рассказал Джеркину свою историю. Еж покончил с очередным блином и одобрительно хмыкнул:

— Значит, тебе нужно вниз по течению. Туда, в том направлении они направились, эти три идиота, когда мы их проводили.

— Ну что ж, по течению так по течению. — Таг встал из-за стола. — Рад знакомству с тобой, Джеркин.

— Ты куда? Мы вас доставим, тебя и твоего мышонка. — Джеркин тоже поднялся. — И никаких возражений. Нам ведь в ту же сторону. Чего зря лапы бить! Пусть нас водичка тащит, пока не догоним или пока эта нечисть от руслу не уйдет.

Нимбало тем временем успел разобраться с Робальдом и тетей Лолереей, которая ему очень понравилась.

— Послушай, Робальд, старая игольная подушка, и как ты со стыда не соришь? Ты отдыхаешь на равнинах в свое удовольствие, а старуха таскается в такую даль тебе пузо набивать. Ей ведь и самой здесь помощь требуется. Переселяйся-ка к ней сюда, плюнь на свое голое поле.

Робальд озадаченно чесал нос:

— М-да, друг мой, пожалуй, я снова не смогу вам возразить. Вы совершенно правы. И я без колебаний останусь с тетей Лолереей, если она не будет против, разумеется.

Тетя Лол поправила свой безукоризненно чистый передник и улыбнулась:

— Добро пожаловать, дорогой Робальд. Я ведь обещала твоей матушке следить за тобой. А с корзинами к тебе туда пробираться, конечно, трудновато. Оставайся, места нам хватит. А то ведь иной раз так одиноко становится, что даже этим грубиянам Диллипинам рада.

Неуклюжий плот, нагруженный Диллипинами всех возрастов и размеров, отвалил от берега. У рулевого весла разместились Таг, Нимбало и Джеркин. К их лапам веревками были привязаны детишки Диллипинов на случай, если они, распалившись, свалятся в воду. Середину плота заняла хижина с навесом, рядом — внушительная плита с дымовой трубой. Впрочем, тетя Лол снабдила отъезжающих кучей всякой провизии.

Таг лежал на палубе и прислушивался к убаюкивающему журчанию воды. Птицы на берегу пели вечерние песни, спокойно шуршал листвою лес. Джеркин следил за курсом и заметил, что Нимбало клюет носом, а глаза Тага слипаются от дневной усталости.

— Отдохните, ребята, — предложил еж. — За берегом я прослежу, пока его можно разглядеть, а плотом управлять и вовсе не труд.

— Спасибо, друг, — ответил Таг, смыкая веки. — А ночью я тебя сменю.

И снова в сны Тага ворвались красные воины, раскрашенные Юска, лесные дебри и неясные силуэты. Он опять бежал за мышью-воином, крича:

— Стой, Дейиа, подожди меня!

Воин остановился, взмахнул мечом и закричал в ответ. Таг силился понять, но слова ускользали от него. Осталось впечатление опасности. Тут откуда-то выскочил

Волог и выпустил в выдру стрелу. Не успев увернуться, Таг выставил вперед лапу и зарычал от боли, когда в нее вонзилась стрела.

— Тихо, тихо, приятель! Смотри, что натворил! Держи его, Джеркин!

Таг проснулся и понял, что на него навалился Джеркин, а Нимбало тянет его за лапу.

— Что? Что случилось? — забормотал Таг.

Джеркин покачал головой, вынул из лапы выдры нож и отдал его Нимбало.

— Что случилось? У тебя надо спросить. Вроде бы тебя кошмары мучили. Заорал вдруг и забился, разбушевался. Бедного мышонка чуть за борт не скинул, а потом хлопнул по палубе и в лапу, вон, занозищу загнал.

Таг вздрогнул от укола, а Нимбало уже держал перед его носом вытащенную из лапы занозу.

— Во какая! Как полено.

Джеркин притащил мазь из целебных трав, очистил, смазал и завязал лапу, приговаривая:

— Да, сны всякие бывают... Помнишь что-нибудь, друг?

Мазь пощипывала продырявленную лапу. Таг нахмурился.

— Кое-что помню. Красные воины, стены из красного камня,мышь-воин с большим мечом. Дейна? Или нет?

Джеркин укрепил повязку.

— Сдается мне, что видел ты аббатство Рэдволл.

Таг насторожился:

— Рэдволл? Что это такое?

Джеркин всколыхнул иголками:

— Много не знаю, а что знаю, скажу. Мартин Воитель из аббатства Рэдволл. Был я там однажды.

— Я думал, что это все игра воображения, а ты там, оказывается, был! Расскажи, Джеркин, пожалуйста.

— Чтоб не соврать... — Джеркин расправил иголки на щеках. — Давно это было. Я еще чуть не сосунок, едва на всех четырех ковылял... Мы в гости туда ходили, Диллипины. К старому ежу из погребов, родственник наш, седьмая вода на киселе. Помню, что мне у них понравилось. Здоровеннейшая хижина, и вся из красного камня. Живут там вместе мыши, белки, кроты, выдры, ежи... Мирно живут, весело. А уж голодным в этом аббатстве не останешься, это точно! Мышь этот не Дейна, Мартином его зовут, Мартин Воитель. И видел я его на картине. Большая такая картина из толстой жесткой тряпки, во всю стенку. И стенка громадная, потолок высоко-высоко. Окна разноцветные... Мартин давным-давно выстроил это аббатство, он уже много-много сезонов покойник. Но они говорят, что его дух защищает аббатство и всех, кто в нем живет.

— А кто такой Дейна?

— Не знаю, — помотал головой еж. — Уж очень давно это было. Если и слышал, то забыл.

— Спасибо, Джеркин, — поблагодарил Таг, рассеянно рассматривая повязку на лапе. — Вот и я не знаю...

Нимбало переводил взгляд с ежа на выдру и ухмылялся.

— С чего это ты вдруг разулыбался? — спросил Таг.

— Интересные вы ребята! Ты рассказываешь Джеркину сон, а он говорит о месте, где бывал когда-то...

— Ну и что?

— Почему бы тогда не сказать, где это загадочное аббатство? Таг бы сам мог посмотреть...

— Точно! — подпрыгнул Таг как ужаленный. — Где оно, друг?

Джеркин загнул в рот иголку со щеки и начал ее сосредоточенно жевать.

— Э-э-э... Чтобы не соврать...

ДЕЙНА



КНИГА
ТРЕТЬЯ





Аступило утро. Над лесом повисло солнце, но Дерби и Фигл об этом не догадывались. Засунутые в пыльный мешок, они валялись в заброшенном кротовом подземелье. Водяная крыса Поскра пнула извивающийся мешок и свирепо рыкнула:

— Еще кто разок пикнет — обоих сварю на обед.

Поскра пососала единственный торчащий во рту зуб. Жизнь — дрянная, мрачная штука, но случаются порой и просветления, проблески удачи. И вот ей снова повезло. С неба свалились на нее

эти два мелких обормота. Точнее, с восточной стены аббатства.

Поскра жила одиночкой. Ее отовсюду гнали за воровство и мелкие гадости, которые она постоянно устраивала соседям. Бродячая жизнь приучила к бдительности, обострила природную сообразительность, но толку от этого было мало. И вот она вышла к аббатству. Толком не зная зачем, наблюдала она за воротами и шныряла вдоль крепостных стен, и вот прошлым вечером ей наконец повезло. Три крохотных одиноких фигурки замелькали между зубцами стены. Крохи прыгали, смеялись, дурачились, и Поскра мгновенно поняла, что рано или поздно кто-нибудь из малышей пожалует к ней в гости. Боялась только, как бы он не рухнул внутрь, в аббатство. Но тут мышка прыгнула с одного зубца на другой, а в нее врезался прыгнувший навстречу кротеныш. Восторгу Поскры не было предела, когда она увидела, что оба летят к ней. Она быстро обмотала добычу веревками и запаковала в мешок, сопровождавший ее всюду для сбора скудных даров судьбы. Писк испуганного малыша сверху поторопил Поскру. Стараясь не оставлять следов, она скрылась в чаще. Теперь надо выждать, пока взрослые забеспокоятся, а потом — может быть, еще через день — появиться перед аббатством и выторговать у них что-нибудь в обмен на ее законную добычу.

Да... Надо прихватить с собой какую-нибудь одежонку малышни, чтоб эти там увидели, что она не врет. Четыре... нет, пять бутылок за каждого... Да что там, по бочонку... Даже по два бочонка! А то ведь она могла бы такое с этой мелюзгой сотворить...

Поскра высунула голову из кротового хода, осмотрелась. Все спокойно. Тогда она вытащила мешок на поверхность, вытряхнула содержимое. Вынув откуда-то ржавый железный шип, Поскра погрозила им своим пленникам.

— Цыц! Только пикните! Ты, мышка-замухрышка, давай сюда свой передник. А ты, хурхуреньш, поясок снимай. Живо!

Ифира с интересом следила за Поскрой из-за ствола поваленного бука. Лежавший рядом с ней Волог прилаживал к хвосту стрелы птичье перо.

— Ну и что эта старая дура вытворяет?

— Отобрала у мышонка передник... А у кротенка задник. Ха-ха, шучу. Поясок.

— Вот идиотка! Зачем ей эта дрянь? — Волога больше интересовала стрела, вопрос он задал как бы между прочим.

— Понятно, зачем. Она, видать, украла этих детенышей и хочет потребовать за них выкуп, — объяснила умная Ифира. — А нам эта мелочь аббатская очень даже пригодилась бы.

Волог оставил стрелу в покое, скрипнул мозгами и понял:

— Да, мы могли бы за них выторговать выдру!

— Смотри ты, сам ведь сообразил! — искренне удивилась Ифира.

Она тут же почувствовала на затылке острие стрелы.

— Да, сообразил. У меня в последнее время мысли умные. Вот, например, думаю я, что и без партнера обойдусь.

Ифира, казалось, не замечала укола острой стрелы.

— Отрежь свой сопливый нос и наплюй на него, дубина. До конца игры еще далеко. Трудно тебе без меня придется. Лучше не трать время да займись крысой, дуrolом.

Поскре предстояла сложная работа: снова засунуть ма-
льшей в мешок. Схваченная за шиворот Фигл заверещала. Дерби, несмотря на веревку, прыгнул на Покру и укусил ее за ухо.



— Пусти мою Фигл, крысина вредная, хурр!
Поскра охнула, схватилась одной лапой за ухо, другой отпихнула Дерби.

— Ну, звереныш, я тебе покажу!

Она замахнулась на Дерби, но вдруг замерла с поднятой лапой и рухнула на кротеныша. Из ее затылка торчала свежеоперенная стрела.

— Ху-урр, — запыхтел придавленный Дерби. — Фи-игл, помоги-и. Крысина совсем меня задавила.

— Ой! — вскрикнула Фигл, увидев перед собой татуированную и раскрашенную физиономию Ифире.

— Вот какая противная старуха, правда, мышка? — улыбнулась ласка, стаскивая с Дерби убитую водяную крысу.

— Здравствуйте, сэр! Хурр-хурр, вы нас вернете в Рэдволл?

Волог уставился на Дерби, потом закинул лук за плечо.

— Вернем, вернем, на кой вы нам...

И тут же засунул обоих обратно в мешок.

Мгера пробивалась через заросли папоротника, время от времени выкликая имена пропавших малышей:

— Фигл, Дерби! Где вы? Здесь Мгера!

Фавилла выскочила из кроны дерева, за ней посыпались листочки и веточки.

— Там! Я их нашла! Они в опасности!

Мгера сжала ее лапу:

— Спешу в аббатство за помощью!

— Нет, некогда. У меня есть план. Слушай...

Первый камень попал Ифире в глаз. Она уронила мешок и уставилась одним глазом на нахальную белку, уже замахнувшуюся следующим камнем.

— Сними ее, Волог! Убей эту дрянь!

Второй камень попал Вологу в ухо и, отскочив, стукнулся об лук.

Третьим камнем белка ушибла Ифירה ногу.

— Заснул, что ли? — заорала Ифירה Вологу, запрыгав на одной ноге. — Стреляй, стреляй наконец!

Стрела, от которой увернулась Фавилла, воткнулась в ствол рябины, а белкин камень побольше угодил Вологу в плечо. Наглая тварь высунула язык и крикнула:

— Получил, кретин крашенный!

Ифירה захромала к белке, но очередной камушек больно ударил ее по горлу.

— Ха-ха-ха, чуть пасть не заткнула!

Следующий ударил Волога по лапе, и стрела упала со скинутого на изготовку лука наземь.

Пытаясь увернуться от камней, Ифירה схватила мешок и завязала его. Отпихнув мешок к дереву, она бросилась к обидчице, закрыв морду лапами. Камни размеренно колотили ее по голове и животу. По расшибленному лбу текла кровь.

— Ну, погоди, — сквозь зубы шипела Ифירה. — Голову оторву... Шкуру сдеру...

Она незаметно, за спиной сделала знак Вологу. Тот понял и, увертываясь от камней, начал обходной маневр. Фавилла отпрыгнула назад.

Из-за дерева вышла Мгера и нагнулась к мешку. Шум зазади заставил ее оглянуться. Появился Брогл.

— Никаких следов. Что это за мешок? Где Фавилла?

Мгера зубами и когтями развязала мешок.

— Вопросы потом. Ты берешь Дерби, я — Фигл. Беги к аббатству в ту сторону, кого встретишь на пути — всех посылай домой, всем собраться в аббатстве. Быстро, быстро! Я за тобой.

Ифירה и Волог устремились к кусту, за которым скрылась белка. Лучник выпустил в куст стрелу и удовлетво-

ренно крикнул, услышав слабый вскрик. Вторая стрела вызвала хрип, который тут же стих.

— Готово! — самодовольно выпрямился успокоенный Волог. — Первой подбил, второй добил.

Они подошли к кусту и, раздвинув его ветки, обнаружили обе стрелы торчащими рядышком в почве. Взбешенные хорь и ласка уставились друг на друга. И тут сверху на них посыпались камни.

— Охо-хо-хо-хо! Первой подбил, второй добил! Дебил! Ха-ха-ха-ха-ха!

Фавилла перепрыгнула на соседнее дерево и исчезла в кроне.

— Пожалуй, мешка мы теперь не обнаружим там, где оставили.

— Смотри ты, сама ведь сообразила! — злорадно ухмыльнулся Волог.

Вечером все обитатели аббатства спрятались за его надежными стенами. По парапету крепостных стен расхаживали дозорные. Мгера устремилась в Пещерный зал, в котором собрались на внеочередное заседание старейшины аббатства. Крегга, вне себя от ярости, оскалила зубы:

— Нечисть в нашем лесу ворует наших малышей! Если бы хоть один глаз мой что-то видел, они бы пожалели о том, что родились на свет! Мгера, ты их видела. Кто они?

Мгера описала Волога и Ифиру, не забыв упомянуть и оформление их физиономий.

Заяц еле дождался, пока она закончит, и затараторил:

— Гм, похоже на огрызок большой стаи, ежели вы меня спросите, во. Фавилла еще старую крысу видела, эти двое ее убили. Надо разведчиков выслать. Во главе со мной, во, не иначе. Опытный воин, да. Разузнать, сколько еще там этих пестреньких, во.

— Фавилла одна все прекрасно разведает, мистер Бурак, — перебила его Мгера. — Мало осталось воинов в аббатстве после ухода Командора и его выдр. Не надо распылять силы и ввязываться в мелкие стычки, лучше заняться обороной.

— Извините, извините, извините, — забубнил обиженный заяц. — Пусть мне язык отрубят за глупый совет, во. Кому нужна помощь храброго солдата, во, во!..

— Вы неправильно меня поняли, сэр, — улыбнулась ему Мгера. — Я как раз рассчитываю на вашу помощь. Нам нужен опытный воин и храбрый солдат: офицер-командир стражи стен. Я как раз надеялась на вас.

Заяц вскочил, опрокинув стул, и замер по стойке «смирно», отдав салют деревянной ложкой.

— Все понял, все понял, не продолжайте. Я как раз тот парень, который вам нужен, во-во-во-во! Я превращу этих сонных увальней в свирепую угрозу всем внешним врагам. Разрешите приступить к исполнению обязанностей, Крегга, мэм?

— Приступайте, сэр, — кивнула Крегга.

Заяц вылетел вон, и Крегга кивнула Мгере:

— Молодец, ловко его проводила и не обидела. Что теперь предложить сделать?

— Я прошу прощения за вмешательство в работу совета, — опустила голову Мгера.

— Напротив, я от тебя ожидаю помощи. Да вот, только что ты избавила нас от этого назойливого болтуна и заодно позаботилась об охране стен. Как вы считаете, брат Хобен?

— Полностью согласен, мэм. Нам, старикам, нужны быстро соображающие молодые головы. Я предлагаю ввести Мгеру в состав совета.

Послышались возгласы одобрения, но острый слух Крегги улавливал не только голоса, но и молчание.

— Сестра Алканет, вы думаете иначе?

Суровая сестра медленно направилась к двери.

— Я считаю, что Мгера слишком молода. Мне кажется, что вы раскаетесь в своем решении. — И Алканет удалилась в сторону лазарета.

Кротона начальница Брулл царапнула копающими когтями по столу перед собой.

— Хурр, она странная мышь, эта Алканет. Что ж, она так думает, остальные иначе. Мне очень нравится Мгера.

— Спасибо за доверие, оказанное моей дочери, — улыбнулась Филорн. — Мгера, теперь ответь на вопрос Крегги. Что будем делать?

Присутствующие повернулись к Мгере.

— Не слишком много мы можем, — начала Мгера. — Фавилла обследует окрестности. Остальным надо сидеть внутри и следить за малышами. Их даже высокие стены и крепкие запоры не могут удержать, как мы только что убедились. Сидеть и ждать, а стены под надежной охраной, мистер Бурак тому порукой.

Конец фразы вызвал смех присутствующих. Брат Бобб поднялся и оправил передник:

— Есть нечисть в лесах или нету, а есть мы никогда не перестанем. У меня в кухне тесто перестоит.

Заседание закончилось, все разошлись по своим делам. Мгера помогла Крегге подняться и выйти из-за стола, и тут барсучиха засунула лапу в поясную сумку.

— Чуть было не забыла. Вот, нашла еще один кусок. Сиренью пахнет. Лежал среди факелов у восточной калитки, когда потеряшек искали, — Она протянула Мгере тряпицу.

Мгера сразу же увидела, что этот кусок не отличается от прежних. Тот же размер, тот же цвет, тот же запах. Так же выполнена надпись. МОСНА. Лишь первая буква отличается.

— Ну, Мгера, написано там что-нибудь?

— Да, да, извини, Крегга. МОСНА. Только вот что это означает...

Крегга оперлась на плечо молодой выдры и направилась к лестнице.

— Откуда мне знать? Я старая слепая барсучиха, а не маг и волшебник. МОСНА... Что это такое?

— Откуда мне знать? Я простая девушка-выдра, а не старая мудрая барсучиха, живущая на свете дольше, чем все вокруг.

Крегга засмеялась:

— На твоих молодых плечах старая, мудрая голова.





Мропу, идущую мимо главных ворот аббатства, отделяла от полей канава. Сумерки застали в этой канаве Ифиру, рассматривающую внушительные стены из красного песчаника и прогуливающих по ним часовых.

— А если нет там никакого Тагеранга?

— Там он, там, нутром чую, — ответил Волог, натирая тетиву лука пчелиным воском.

Ифира вытащила кривой нож и выковыряла из склона канавы дикую черемшу.

— Узнать у нас шансов немного. Стены да часовые на них. — Ифира принялась

жевать добычу, распространяя чесночный запах. Волог с отвращением отшатнулся.

— Тьфу! Тебе обязательно жевать эту гадость? Есть простой способ туда проникнуть. Ты влезешь на стену и дыкнешь на часовых. Они все попадают, ты откроешь ворота, и я тоже войду в крепость.

Ифира стерла землю с еще одного растения и сунула его в рот.

— Прелестная шуточка. Не дошутись до смерти. Нам не обязательно попадать внутрь, если есть способ заполнить Тагеранга наружу.

— Ффу-у! — скривил нос Волог, поймав еще один выдох ласки. — А как ты, пасть вонючая, выманишь его наружу?

— Очень просто, — сказала Ифира, ковыряя в зубах грязным когтем. — Ты у нас стрелок великий, без шуток. Щелкни одного из этих бездельников, что по стенам шатаются. Им тогда, может, захочется узнать, что нам нужно. А я им и скажу, что мы будем убивать каждого, кто высунется, пока нам не выдадут Тагеранга. Неплохая идея?

— Чудесная идея! Я щелкну одного, а все остальные вывалятся из ворот и порубят нас в мелкую лапшу. Ты забыла, что Сони дрожал при упоминании об этом аббатстве? А он не дурак был, Сони.

— Был, да, — презрительно усмехнулась ласка. — Сони покойник, а убили его никакие не здешние воины, а свой собственный выкормыш. Короче, трусишь ты, как я вижу, поджилки затряслись.

Волог, пренебрегая чесночной вонью, подошел вплотную к ней и прошипел:

— Ни тебя я не боюсь, ни этих там... — Он повернулся, вскинул лук, прицелился и выстрелил. — И вот доказательство.

Один из стражей, праздно торчавших между зубцов стены, свалился. Волог усмехнулся:

— Никого Волог не боится. Ни одного зверя, которого может убить стрела. Ни их, ни тебя. Эй, куда ты?

— В лес. Может, оттуда сейчас посыплются стрелы, дротики и камни. Ты оставайся, беседуй сам с собой, а я не хочу рисковать, — И Ифира припустила вдоль по канаве.

Волог пригнулся и последовал за ней, к северу, чтобы незаметнее добраться до леса.

Брогл услышал щелчок, увидел падающее тело и устремился к нему.

— Хорг! Старого Хорга убили!

Бурак мгновенно оказался на месте происшествия.

— Оставаться на местах, за стену не высовываться!

Слезы текли по пухлым щекам Брогла.

— Бедный Хорг! Он никогда никому ничего плохого не сделал.

Бурак толкнул Брогла за зубец:

— Не высовывайся, держи башку в укрытии, не то будешь следующим, во, во. Слезы можешь приберечь — жив он и ранен не слишком, во.

Старый привратник напялил на голову медное ведро, зацепив его дужкой за нижнюю челюсть. Стрела пронзила ведро и застряла в нем. Подскочившая Фавилла исследовала пострадавшего.

— Не вытаскивайте стрелу и не снимайте ведро. У него ухо прострелено.

Бурак упер ложку в бок и распорядился:

— Слушай команду! В колокол ударить. Хорга в госпиталь. Все, у кого пращи, по моей команде — залп по канаве и снова спрятаться. Заряжай... Готовы? За-алп!

Град камней ударил по канаве, в которой только что прятались Волог и Ифира. Два крота подняли Хорга и понесли вниз.

— О-о-о, мое бедное ухо! — простонал очнувшийся Хорг. — Куда вы меня тащите?

— Хурр, тебя ранили в ведро, бедный сэр. Не беспокойся, сестра Алканет тебя быстро вылечит, у нее чудо-лекарства.

— У-у-у, бедный я, бедный! Лучше бы меня на месте убили, чем глотать лекарства Алканет!

Рук на кухне не хватало, кухонный народ дежурил на стенах, поэтому Мгера и Гундил помогали Филорн и брату Боббу печь пирожки с капустой и с малиной. Загружая тележку для часовых, Мгера не переставала бормотать:

— СОСНА, ТОСНА, МОСНА, СОСНА, ТОСНА, МОСНА.

— Что ты такое странное бормочешь, во имя всех хвостов?

— Ах, мама, я бы сама очень хотела это узнать. Это три слова с трех тряпиц. Я их все время бормочу, надеюсь, что вдруг пойму. И ничего не получается.

— Забудь о них на время, или все подумают, что ты впала в детство. А ты ведь отвечаешь за все аббатство. Крегга доверяет тебе. Оставь загадки и разгадки до тех пор, пока не минует опасность.

Мгера не успела ответить, потому что в кухне появилась заяц, нетерпеливо поводя носом.

— Опасность постоянно подстерегает доблестных стражей стены, во. Ответственность за безопасность народа лежит на их плечах. Ответственность — мое второе имя.

Мгера хлопнула зайца по лапе, потянувшейся к пирожкам, и спросила:

— Тогда почему вы оказались здесь, господин ответственный офицер?

Бурак подвинулся поближе к Филорн и украсил свою физиономию обворожительной улыбкой.

— Ваша дочь сделала очень тонкое замечание, мэ. Позвольте пояснить. На стене все спокойно, вблизи нее не наблюдается скоплений неприятеля, никакой крашеной нечисти. Покой и порядок, можно сказать. И я решил воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы проверить, как обстоит дело с питанием. Обеспечить питание войск — первейшая обязанность офицера, знаете ли. Священный долг.

Филорн улыбнулась и вручила зайцу пирожок.

— Конечно, конечно, сэ. Вот, проверьте, пожалуйста, качество пищи, предназначенной для ваших воинов.

Пирожок мгновенно исчез в пасти зайца.

— Восхитительно, мэ, лучше не бывает. Позвольте помочь вам доставить эту тележку моим боевым товарищам, изнывающим от голода на ледяном ночном ветру. — И он поволок тележку так быстро, что Мгера и Филорн едва за ним успевали.

— Зачем ты его балуешь, мама? «Изнывающие от голода на ледяном ветру...» Недавно только все поужинали, теплая ночь, и я вообще ни ветерка не чувствую.

Филорн следила, как заяц толкает по траве тележку, стараясь идти как можно быстрее и в то же время ничего не пролить и не уронить.

— Не придирайся к нему. Он всегда вежлив. И сердце у него доброе.

— Ты, мама, сама слишком добрая. А откуда у него эти военные замашки?

— Он ведь потомок боевых зайцев Саламандастрона. Предки его ходили в дальние походы под знаменами Крегги.

Заяц уже дотолкал тележку до стены, и кротона начальница Брулл выделила шестерых кротов, чтобы поднять пищу наверх.

— Спасибо, мэ, — поблагодарила ее Мгера. — А я еще думала, как нам поднять тележку на стену.

— Хурр, пустяки для них, пустяки. Невелики кроты, но сильны. Между прочим, что мне делать с этой вот вещицей? — И кротона начальница вытащила из рукава маленькую зеленую тряпочку. — Наверху нашла, на стене, на парашете, хурр.

Такая же тряпочка, тот же запах сирени. Надпись: ПОСНА.

— Хурр, вам не нужна?

— Что? А, да, конечно нужна! Спасибо большое, Брулл!

Брулл помогала Филорн раздавать пищу. Филорн поглядывала вниз, где на ступеньках сторожки привратника сидела Мгера с клочком зеленой ткани.

— Я думала, она мне поможет. И с чего она там расселась?

— Хурр, она тряпочку читает. Пусть почитает, пусть.

Откуда ни возьмись к Мгере подлетела Фавилла:

— Опять?

— Кротона начальница Брулл дала мне только что. Нашла на стене. Надпись на этот раз — ПОСНА. Уже четыре куска, а толку нет. Вот что еще интересно, Фавилла. Эта тряпица не могла лежать наверху долго, со времен аббатисы Песенки. Она бы сгнила, выцвела, ветром бы сдуло, ливнем бы смыло... Загадка ведь должна быть древней. Первые два куска старинные. Один вжался в балку на колокольне, другой — часть больничного белья. А две последние тряпицы? Одну Крегга нашла среди факелов, под открытым небом у восточных ворот, другую Брулл обнаружила на стене. Тоже под открытым небом. Ни одна из

последних двух не могла пережить лед, снег, дождь, солнце многих сезонов. О чем это говорит?

— Кто-то их туда подложил! — возбужденно взмахнула хвостом Фавилла. — Ты так подумала?

— В точности! — Мгера сжала лапы Фавиллы. — Надо следить за всеми хорошенько. Тот, у кого эти тряпочки, владеет секретом аббатисы.

Филорн, спустившаяся со стены, увидела, что Фавилла и Мгера, сцепившись лапами, кружатся и напевают:

Сосна, тосна, мосна, посна,
Сосна, тосна, мосна, посна!

— Мгера! — строгим голосом напомнила Филорн. — О чем мы с тобой говорили?

Дочь ее остановилась и задорно усмехнулась:

— Вон, Бурак — боевой офицер, а дурака валяет все время. А я моложе. Значит, мне тоже можно валять дурака.

И выдра с белкой снова закружились у стены.

Филорн махнула лапой и повернулась к кротопачальнице Брулл.

— Вот дурочки. Как мартовские зайцы бесятся.

— Хурр, хурр. Пусть их поваляют дурака. Мы ведь тоже прыгали когда-то. Сейчас уж мне не попрыгать, толстая слишком. Прошли прыгучие деньки.





Млот Диллипинов плыл по широкой реке среди леса. Спокойный летний вечер, сытная еда настраивали на мирный лад. Таг с Джеркином устроились на корме, отдыхая, но не сводили глаз с береговой линии.

— А вот и след, — показал вдруг на берег Джеркин. — В Рэдволл шли, негодяи.

— Рэдволл? То есть нам с ними по пути?

— Может быть, — повел плечевыми иглами Джеркин. — Завтра уточним.

Вскоре Таг заметил, что детвора и молодняк о чем-то оживленно толкуют между собой.

— Мы подходим к заливным лугам, — пояснил Джеркин. — Они обычно здесь плещутся и ягоды собирают. Но тебе надо спешить...

— Нет-нет, давай остановимся. Наверстаем потом. Я тоже очень люблю заливные луга.

— И я люблю, — ухмыльнулся Джеркин. — Спасибо, Таг.

Плот зарулил на обширное мелководье, окаймленное лесом и обильно поросшее кувшинками и камышом. В тихом воздухе порхали бабочки, носились птицы и стрекозы. Ежата гурьбой бросились с плота, кто плескаться, а кто и по ягоды. Таг, оставив Нимбало отсыпаться, отправился с остальными собирать яблоки, груши, орехи, дикие сливы, чернику, малину на низком прилегающем берегу.

Вернулись они с полными корзинами, рассуждая, каких пирогов и пудингов наготовят из своей добычи. Таг спустил с плеча двух ежат и помахал лапой Джеркину, оставшемуся на борту.

— Отлично провел время. А где Нимбало?

Джеркин махнул лапой вперед:

— Сидит на носу. Проснулся давно и так вот сидит, не двигается.

Нимбало не шевельнулся и когда Таг подошел к нему.

— Что с тобой, друг?

— Со мной, пожалуй, все в порядке. Место это... противное.

Таг удивился:

— Прекрасные заливные луга... Скажи, в чем дело?

Нимбало едва заметно двинул головой:

— Там мой папаня меня гонял. Матери я не помню. Умерла, когда я был маленьким. А может, сбежала от папаши. Свирепый зверь. В камышах я от него часто прятался. Никаких друзей, мало пищи и много ремня — такое у меня детство. Он говорил, что так детей и надо воспитыв-

вать. Торговал с кем-то... Может, и с Диллипинами, я не видел. Он меня всегда оставлял наводить порядок в доме. А когда возвращался, хватался за ремень. Говорил, что я туп и ленив. Однажды, когда я подрос и он подошел ко мне с ремнем, я подрался с ним и убежал. И больше не возвращался. Поэтому мне здесь не нравится. Слушай, Таг, сделай мне одолжение, а?

— Конечно, конечно. Все, что угодно.

— Давай ходим на нашу ферму. Пусть увидит, что я вовсе не лентяй и не тупой.

— Хо-хо-хо, это ты-то тупой лентяй? Пошли, друг, покажемся этому старому брюзге. — Он махнул лапой Джержкину: — Скоро вернемся!

— Ужин будет ждать! — крикнул вдогонку вождь Диллипинов.

Таг и Нимбало прошли рощу на границе заливных лугов и вышли на обработанные поля. В отдалении показался крытый соломой домик.

— Гм, ничего, пожалуй, не изменилось. Все по-прежнему и все-таки... что-то не так.

— Что именно?

— Папаша должен рыться где-нибудь. Он в поле до темна. Если бы он в доме был, то дым бы валил из трубы.

И Нимбало понесся по полю. Таг еле успевал за ним. Вот они добежали до двери, блудный сын ворвался внутрь, Таг за ним... и замер на пороге. Все разрушено, переломано, а на полу валяется труп отца Нимбало со страшной раной в груди.

— Грувен! — вырвалось у Тага, заметившего отпечаток испачканной кровью лапы.

Нимбало присел у трупа отца. Услышав восклицание Тага, он взглянул на стуну возле очага, где из стены торчали два больших гвоздя.

— Они убили его боевым топором, его же собственным. Ох, Таг! Знаю я, был он неприятным типом, но зачем же так... Ох, отец, отец, что же тебя таким сделало?

Таг мягко положил лапу на плечо друга:

— Я что-нибудь могу для тебя сделать?

— Нет, Таг. Ты иди. Я останусь здесь ненадолго и догоню тебя.

Таг вышел и тихо прикрыл дверь. Он присел в тени на краю поля, ощущая жалость к своему маленькому другу. Такое возвращение домой... Бедняга.

Мысли обратились к собственному отцу. Ребро рассказал о его смерти. Но, может быть, где-то жила его мать. И помнила своего крошку-сына... Тут Таг заметил, что из трубы домика взвился белый дымок.

Нимбало появился на пороге с ремнем и гвоздем в руках. Он взял камень и приколотил ремень к дверному косяку. Пропустив ремень через ручку, запер дверь на пряжку ремня. Расправил плечи и направился к Тагу.

— Немного лучше выглядишь. Пошли?

— Я чуток прибрал там, — кивнул Нимбало, — зажег огонь в печи. Усадил его в кресло. Ему бы понравилось, как ты думаешь?

— Уверен. Ты все правильно сделал, Нимбало.

Нимбало вдруг остановился:

— Не говори никому об этом. Особенно Диллипинам. Обещаешь?

— Обещаю, — кивнул головой Таг. — Личные дела друзей не нужно нигде обсуждать.

Показался плот, Нимбало махнул лапой ежам на па-лубе.

— Когда мы догоним эту нечисть, — сказал он вполголоса Тагу, — у одного из них будет боевой топор. Оставь его мне.

Таг молча кивнул головой.

Непредсказуемый Нимбало в этот вечер шутил, пел, смеялся, валял дурака больше всех и больше, чем обычно. И ужин оказался выдающимся. Джеркин испек громадный закрытый пирог и объявил его «всефруктовым». В пироге действительно содержались все виды ягод и фруктов, собранных в этот вечер. Туда же он добавил мед, а сверху залил белого цвета миндально-ванильной смесью. Тяжел оказался этот пирог, но вкусен и сытен.

Джеркин сидел рядом с Тагом и смеялся проделкам Нимбало вместе со всеми.

— Вот ведь непонятный какой этот твой друг, — удивлялся Джеркин. — Смотри, как он веселится с моими ежатами. А недавно сидел как камень. Чем ты его так разве-селил?

— Да нет, не я, — поскромничал Таг, — Мы нашли следы этой нечисти, кучу следов. Идут все еще вниз по течению. Вот он и радуется предстоящей приятной встрече.

Джеркин добавил себе пирога.

— Да, мы еще держим их за хвост. Но утром все может измениться, когда мы дойдем до больших скал. Там тропа раздваивается. Хо-хо, Нимбало дает! Танец на иглах! Я думал, что его только еж может исполнить.

— Да, чего только от него не дождешься, — махнул лапой Таг.

Нимбало вместе с ежами выделявал все, что и они, и распевал вместе с ними.

Джеркин покачал головой:

— Ни за что бы не подумал, что тупица Робальд, который в жизни ни разу не дрался, может написать такую вещь. О, Ним опять сменил настроение. Чего ревешь, приятель?

— Я просто чихнул, а не реву, — ответил Нимбало, свирепо мера взглядом здорового ежа. — Так что убери улыбку с морды, не то я сам это сделаю!

Джеркин изобразил ужас и воздел лапы к небу:

— Все нормально, приятель! Не надо сразу убивать всех вокруг, у нас тут веселье. Таг, пошли, попляшем.

Таг с сожалением покачал головой.

— Когда меня воспитывали, то этому научить позабыли. Эти предметы в расписании не стояли. Оружие, оружие и сам как оружие... Вот и все, что я умею.

— Тогда это покажи.

— Ладно, — вздохнул Таг. — Расступились, встали пошире и следим внимательно за моим ножом.

Он вытащил нож и раскрутил его одной лапой. Нож очень быстро расплылся в сияющий круг.

— Гоп!

Другой лапой Таг ударил по сияющему кругу — и нож оказался воткнутым глубоко в стену хижины. Таг крутнул сальто и оказался возле ножа почти в тот же момент. Он выдернул оружие из стены и снова раскрутил его. На этот раз он стоял напротив Нимбало, и, когда лапа его прервала вращение ножа, Нимбало завопил и рухнул на палубу. Завопили и ежата, подумавшие, что их любимый весельчак и балагур убит. Таг подскочил к Нимбало и поднял его. Тот ощупывал грудь, лоб уши.

— Где? Где нож?

Таг рассмеялся:

— Спроси Джеркина.

Джеркин поскреб головные иглы:

— Откуда ж мне знать?

— Посмотри вниз! — указал Таг.

Нож еще вибрировал между лапами Джеркина. Тот отпрыгнул.

— Великие Сезоны! Иглы и колючки! Как ты это делаешь?

Снова нож засверкал, снова взлетела лапа — все пригнулись.

— Где он теперь? — спросил Таг.

Все посмотрели между лапами, потом на стену хижины.

— Где? — переспросил Джеркин.

— На месте, — объявил Таг и указал на пояс. — Где он и должен быть. Не шалите с ножом, если вы не учились с ним обращаться. А учиться надо пятнадцать сезонов... Все, устал, теперь всем спокойной ночи.

Он отправился к корме, ища местечко поспокойнее. Нимбало походкой бывалого забияки направился за другом, но задержался и небрежно бросил:

— Хорош, а? Это я его так вышколил!

Как призраки-близнецы, торчали скалы из утреннего тумана. Таг проснулся от командных окриков Джеркина:

— Правый борт заводи... Кормовые отдать!

Он вручил Тагу и Нимбало объемистые мешки.

— Тут немного, но все питательное. Теперь шевелите лапами, друзья. Догоняйте этих негодяев. Пошли, глянем на следы.

Втроем они выпрыгнули на берег к основанию двух гигантских известняковых скал. Обойдя скалы, они попали в лиственный лес, уже продырявленный лучами восходящего солнца. Опытные следопыты, Таг, Джеркин и Нимбало разошлись в стороны, не теряя друг друга из виду. Джеркин остался в центре. Бесшумно ступали они, прислушиваясь к лесным шорохам, готовые к любым неожиданностям. Вдруг все трое замерли. В птичьем щебетании они уловили новые нотки. Таг знаками дал понять, что он пойдет вперед. Нож он вытащил из-за пояса

и зажал в зубах, нырнул в кусты и исчез. Извиваясь между ветками, Таг очень скоро нашел источник птичьего беспокойства. Сквозь листву он увидел ежонка — маленькую ежиху в аккуратном желтом платице и зеленом переднике. Он вытянул лапу и осторожно дернул за тесемку передника. Девочка-ежиха обернулась, увидела перед собой здоровенную раскрашенную морду с громадным кинжалом в зубах и завопила во всю мочь:

— Ма-а-а-а-а-ма-а-а-а-а! Па-а-а-а-а-па-а-а-а-а!

И вот малышку уже окружили со всех сторон. Выбрался из куста Таг, примчались Джеркин и Нимбало, прибежали родители крошки. Джеркин их сразу узнал и вызывающе повел иголками.

— Скажите мелкой мисс, чтобы убавила громкость. Работать мешает. Мы за нечистью охотимся.

Прижав дочь к своему пышному платью, ежиха-мама свысока глянула на Джеркина и вздохнула:

— И здесь эти Диллипины! Никуда от них не денешься.

Из-за нее высунулся низкорослый толстый ежик и пискнул:

— Не денешься!

— Во имя всех иголок, что изволят искать Пряמודушные в этой глуши? — Джеркин развел лапами, как бы охватывая ими лес.

— Это наше лесное прибежище, вдали от раскаленных равнин, если вас это интересует, Джеркин Диллипин, — ответила мать, поглаживая дочку по головке. — А что касается вашей, с позволения сказать, работы, то как вы можете охотиться за нечистью, если вы с нею заодно? Раскрашенный бандит с мечом в зубах чуть не убил нашу милую дочурку. Стыдитесь!

Муженек снова высунулся из-за объемистой супруги и пискнул:

— Стыдитесь!

— Спокойно, Меррадинк, я с ними сама разберусь, — бросила мадам ежиха через плечо.

— Разумеется, дорогая Кампатия, — донеслось из-за необъятного платья ежихи.

— Вы, должно быть, сестрой доводитеесь нашему другу Робальду? — поинтересовался Нимбало.

Она смерила мышонка взглядом, полным ледяного презрения.

— Никоим образом. Мы — южные Прямодушные, а Робальд относится к одной из ветвей восточных, обмельчавших. Они всегда отличались неаккуратностью, в отличие от нас.

Таг решил повернуть беседу в нужном направлении.

— Приношу свои извинения, мадам, я вовсе не нечисть, несмотря на сходство раскраски. Прошу вас ответить на мои вопросы, и мы тотчас оставим вас в покое. Не заметили ли вы здесь нечисти в раскраске, похожей на мою? Если да, то когда и где?

Кампатия указала на нож в лапе Тага:

— Уберите... это, сэр. Я не могу беседовать в такой обстановке. Уберите немедленно!

— Немедленно! — вякнуло откуда-то из-за юбок.

Таг послушно сунул нож за пояс, и Кампатия, умиротворенная его поведением, довольно толково ответила на вопрос:

— Поздно вечером я готовила ужин и услышала их приближение. Это были два горностая и крыса в узорах, похожих на ваши. Мы немедленно покинули лагерь и спрятались неподалеку. Разбойники оккупировали наш лагерь и уничтожили наш ужин. Поведение ужасное, а манеры, манеры!.. Кошмар!.. А голоса, речь! Я зажимала лапами уши бедной дочурки.

— Когда они ушли и где ваш лагерь? — прервал ее излияния Таг.

— Лагерь там, — показала лапой Кампатия, — а ушли, когда все съели и прихватили все, что могли унести. Примерно в течение часа.

— В течение часа!

Джеркин заглянул за спину Кампатии:

— Вылезай, эхо, проводи нас в лагерь.

Кампатия строго одернула Джеркина:

— Его имя не эхо, как вам хорошо известно. Следуйте за мной.

Лагерь представлял собой расшитый узорами навес, натянутый между веткой граба и стволом упавшей лиственницы. Навес бандиты разодрали в клочья, а печь, в благодарность за украденный с нее ужин, разворотили до основания.

— Они, конечно, — указал Таг на четкие отпечатки лап. — Ушли на запад с уклоном к югу.

— Глянь-ка! — Нимбало протянул Тагу снятую с куста толстую нитку. Таг осмотрел и обнюхал находку и обратился к Кампатии: — Давно вы здесь, на этом месте, мэм?

— Все лето, — фыркнула ежиха. — Но это вас не касается.

Таг переглянулся с Джеркином, давая понять, что она врёт, а из-за ежихи донеслось:

— Не касается!

— Ты, лживая кривоиглая змея! — загремел вдруг Джеркин, уставившись на Кампатию. Ошеломленная ежиха зажала обеими лапами уши дочери.

— Как ты посмел, как ты посмел... — задыхалась она от возмущения.

— Посмел! — возмущенно квакнул супруг.

— А зачем ты врешь, толстомордая щетка для мусора?
— не унимался Джеркин.

Кампатия потупилась и стяхнула с платья отсутствующую пыль.

— Позавчера. Мы прибыли сюда ранним вечером.

— Ранним ве-Е-Е-Е-Е-Е!.. — взвыл посреди фразы супруг, которого мадам, не оборачиваясь, вдруг с силой лягнула лапой.

— Благодарю вас, мэм. — Таг вежливо поклонился. — Мы уходим.

Когда они отправились дальше, Нимбало задал мучивший его вопрос:

— Таг, а как ты узнал, что они здесь не все лето?

— Потому что в этом случае они уже были бы покойниками. Как раз перед ними на этом месте побывали Ифира с Вологом. Нитка, которую ты нашел, из плаща Ифиры. Лаской от нее несет. Запах у ласки стойкий. Стало быть, мы идем по следу Грувена, Даграба и Спиногрыза, а они следят за Вологом и Ифирой. А ты, Джеркин, что, собрался с нами? Тебе пора, наверно, возвращаться на плот.

— Да, друг, пора, как бы мне не хотелось составить вам компанию. Но я сделаю небольшой крюк, чтобы не общаться с семейкой Прямодушных снова.

— С семейкой Прямодушных снова! — собезьянничал Нимбало, подражая Меррадинку.

— Хо-хо-хо-хо! — разразился смехом еж. — Мы о тебе еще не раз вспомним, мелкий негодяй! Присматривай за этим здоровенным, Ним, куда он без тебя! Таг, пусть река всегда будет спокойной и хвост сильным. — И еж свернул в заросли, направляясь к плоту и к своему семейству.

Цель обозначилась. Перед ними пятеро бандитов. Мартин Воитель зовет Тага, Волог стреляет в него из лука, но никто и ничто не помешает им увидеть Рэдволл.



Грувен вновь обрел уверенность в себе. Были, конечно, кое-какие срывы. От Тагеранга он позорно сбежал, но здесь выдрой не пахло. Сгинул бесследно. И еще эти проклятые ежи. Но тут куча оправданий наготове. Ежей много было, они пращой мастерски пользовались, а трое Юска еще, вдобавок ко всему, торчали неуклюжими мишенями в реке по пояс. Он покачал языком подбитый камнем зуб. Можно как-нибудь надеяться туда со стаей, когда он станет полноправным вождем, и сжечь всех живьем в их паршивом домишке. В остальном же все очень неплохо. Они прекрасно заправились в доме полевого ежа, оставив его

подыхать в комке грязи. Как раз когда они подъели все припасы, наткнулись на нахального мышиноного фермера. Убил его, правда, Даграб... Жаль, что не захватили ежей в последнем ограбленном лагере. Они бы ему ответили за унижение, полученное от соплеменников. Зато жратвы там захватили кучу. А кто снова нашел следы Волога и Ифиры? Он, Грувен. Он вел группу, его первенство признали. Даграб и Спиногрыз подчинялись ему беспрекословно.

И Грувен распорядился, увидев небольшой пруд:

— Здесь отдохнем. Привал. Готовьте жратву.

Даграб и Спиногрыз выбрали место для костра, собрали хворост. Даграб принялся разжигать огонь, а Спиногрыз занялся приготовлением пищи.

— Отличные выйдут лепешки, — приговаривал Спиногрыз. — Тебе понравятся, вождь.

Грувен не обращал внимания на своих подчиненных. Он думал о предстоящих событиях, внушал себе, что не боится Волога и Ифиру. Только они могли помешать Грувену стать вожаком стаи, значит, они должны были умереть. И надо застать их врасплох. С Даграбом и Спиногрызом разделаться несложно. И вернуться в стаю с леденящим кровь рассказом о непреодолимых препятствиях, о героической гибели боевых товарищей, о том, как он, Грувен Занн, убил предателя Тагеранга и вернулся, чтобы занять свое законное место вождя. Грувен Занн Юска-занн!

Течение мыслей вождя прервало похлопывание по плечу.

— Ты что, не видишь, что я пытаюсь сосредоточиться? — огрызнулся он на Даграба. — Оставь меня в покое.

Но Даграб не отставал:

— Слышь, вождь... Слушай!

— Что слушать, кретин? — разозлился Грувен.

— Колокол! Звенит колокол!

Грувен прислушался. Действительно, звук двух колоколов доносился издалека. Подбежал Спиногрыз:

— Готовы лепешки, вождь! Прошу к столу!

Грувен вытащил меч и указал им в направлении источника звона.

— Некогда рассиживаться. Съедем на ходу. Снимаемся и молча следуем за мной, оружие наготове.

В Большой зал вбежал брат Бобб, озабоченно почесывая пузо и заглядывая во все углы. Он увидел Мгеру, Брогла и Фавиллу и направился к ним.

— Малыш снова пропал! Сюда не забежал? Фу! — Он поскреб затылок — Мы с твоей мамой, Мгера, привели их на кухню и рассказывали про пироги. Стали делать пирог с клубникой, всем так интересно было, как вдруг Филорн заметила, что Трей пропал.

— Никуда он не денется, — успокоила повара Мгера. — Наверное, залез в кладовую и объедается. Мы посмотрим снаружи. Я с ним побеседую, когда найдется. Ведь было им сказано не вылезать никуда, пока эта нечисть рядом бродит...

Фавилла распахнула входную дверь:

— Мгера, вы с Броглом поищите в аббатстве, а я быстренько пробежусь в лесу по деревьям. Проверю обстановку.

— Будь осторожнее, Фавилла, — забеспокоился Брогл. — Не забывай, у нас уже есть один раненый. Поскорее возвращайся.

— Будет исполнено, во, во!

Крегга дремала, сидя на опрокинутой тачке при входе в сад.

— Мэм, почему вы не в помещении? — довольно строго обратилась к ней Мгера.

— Здесь так хорошо и свежо, — отозвалась Крегга, отгоняя муху от носа.

— Плохой пример, мэм. Никто не должен оставаться снаружи, кроме постовых.

— А что тогда вы с Броглом здесь делаете?

— Трей пропал, мэм, — ответил Брогл, до этого старавшийся вести себя незаметно, — Вы его, случайно, не заметили?

— Он в саду, на клубничных грядках. Я поджидала его, чтобы отвести обратно. А теперь пойду без него. Ты не поможешь мне, Брогл?

— Я помогу, — вызвалась Мгера.

— Нет, ты займись Треем. А мне помощник повара поможет пройти в свои владения, в столовую. Уже пора, пожалуй.

Перемазанного соком Трея Мгера подняла в воздух и строго спросила:

— Вам было сказано не выходить из помещения самостоятельно. Почему ты здесь?

Трей ухмыльнулся и сунул ей в рот большую клубничину.

— Самую большую, вот как. Я не само... ятельно, тетя Мгера, мне матушка-барсучиха разрешила немножко ягоды пощипать.

— Неужели? Ну, я с леди Креггой еще поговорю. Посмотри, на кого ты похож! Не вытирайся передником, для этого есть платок.

Трей полез в карман, вытащил кусок зеленой ткани — и Мгера сразу же отняла его у малыша. Тряпица пахла сиренью и так же, как остальные, обнаруженные ранее, была украшена надписью. На этот раз — ДОСНА.

— Где ты это взял, Трей?

— Он торчал из-под клубники, из-под листика. Я его сам нашел! — гордо заявил Трей.

— Молодец! — похвалила Мгера. — А кто его туда положил, не видел?

— Брат Бобб сказал, что в кухне нельзя есть клубнику, и Трей пошел в сад. А кто положил, Трей не знает. Она там и выросла, эта зеленая!.. — Малыш вытащил из рукава еще одну ягодину и наградил себя его за догадливость.

Мгера отнесла Трея в помещение, думая лишь о зеленой тряпочке и ее судьбе. Кто и когда ее туда сунул, почему выбрано такое странное место? Проходя в кухню через столовую, она заметила сидящую в уголке Креггу.

— Крегга, можно вопрос?

— Снаружи или внутри, а вздремнуть мне не дадут. Можно вопрос, Мгера. Что ты хочешь узнать, любопытная?

— Кроме Трея, никто не входил в сад, пока ты сидела там на тачке? Подумай как следует, это очень важно.

Крегга задумалась.

— Да, еще одно живое существо, еще один обитатель аббатства входил туда.

— Кто?

— Ты, Мгера.

На стене появилась фигура, и Волог мгновенно прицелился и спустил тетиву. Фигура исчезла.

— Хороший выстрел, — похвалила Ифира. — Ты его уложил. Кажется, это была белка, которая вчера нас мурьжила.

— Что ж, больше не будет камни кидать. Кажется, я ее убил, но не уверен. Неважно, главное — они нашу весточку получили.

Волог смерил взглядом колокольню, сквозь арку которой виднелись два колокола.

— Неподвижная мишень, промах исключен. Хватит им спать.

Стрела понеслась к колокольне, за ней другая. Оба колокола негромко загудели, а нечистая парочка припустилась прочь из-под обстрела камнями.

Когда в неурочное время звякнули колокола, Бурак спал в сторожке. Он выскочил наружу, осмотрелся и вихрем понесся вверх по ступенькам, вопя во весь голос:

— Раненый на стене! Всем спрятаться! Носилки приготовить!

Первой из здания выбежала Мгера. За ней поспешили Крегга, Филорн, Брогл и брат Бобб. Высыпала наружу и оставленная малышня, огласив окрестности шумом, визгом и воплями. Со стены спускались Гундил, кротона-чальница Брулл и четверо ее кротов, неся на самодельных носилках Фавиллу, из бока которой торчала стрела. Брогл застонал, как будто стрела попала в него самого.

— Убили, убили! — запричитал он.

— Эй, вы, там! Слышь! — донесся грубый голос из-за стены.

Брулл с кротоми пробилась сквозь толпу, направляясь в больницу. Остальные замерли, повинувшись поднятой лапе Крегги. Мгера понеслась вверх и растянулась рядом с зайцем, лежащим на животе и выглядывающим из-за зубца наружу.

— Эй, слышь! Отвечайте.

— Ответьте ему, мистер Бурак.

— Ну, во, чего надо? — завопил заяц. — Ты кто и чего тебе?

— Неважно кто. Нам нужен Тагеранг!

Бурак вопросительно уставился на Мгеру. Та недоумевающе пожала плечами.

— Не понял, чего вам? — крикнул заяц.

— Таг-ге-ранг! — крикнули Волог с Ифирой в один голос.

Заяц примотал белый платок к ложке, с которой нигде не расставался, и вскочил на задние лапы.

— Перемирие, во, эй, там! — завопил заяц, размахивая ложкой с платком. Он тут же отскочил в сторону, но недостаточно ловко. Стрела Волога чиркнула его по щеке.

— Никаких перемирок, недомеров. Отдавай Тагеранга, кролик, не то я из тебя рагу сделаю.

Волог выпустил через стену еще две стрелы.

— Пусть поразмыслят, есть над чем, — буркнул он.

— Завтра еще какого-никакого уложим. Отдадут, куда они денутся! — ухмыльнулась Ифира.

Сестра Алканет срезала вышедший из раны кусок стрелы и извлекла древко. Она отдала кусок с наконечником брату Хобену и занялась целебными травяными смесями.

— Стрела прошла насквозь, ничего жизненно важного не задела. Если наконечник и древко не отравлены, то будет жить, хотя полежать придется. Можете Брогла обрадовать.

Брогла удерживали перед больничной дверью Дрогт, кротона начальница Брулл и Гундил.

— Пустите меня к ней. Пустите, я должен быть рядом!

— Хурр, здесь только один ход, и мимо сестры Алканет не пройдешь. Не надо, не надо, давай успокоимся, милый.

Дверь открылась, и вышел брат Хобен.

— Жива Фавилла, жива, утешься, Брогл. И выздоровеет, если эта стрела не отравлена.

Дрогт взял стрелу, обнюхал ее, лизнул.

— Нет, не отравлена, уверен. Хороший хранитель погребов яд всегда учует. Улыбнись, кустохвост! — обратился он к Броглу. — Все будет хорошо.

— Значит, к ней можно? — заморгал Брогл.

— Только сунься, и сестра Алканет тебя так вылечит, что хвост отвалится, — заверил его Дрогг. — Пойдем-ка лучше со мной в погреб. Я тебе дам заветную бутылочку. А когда мисс Фавилла пойдет на поправку, ты нарвешь цветов и отнесешь ей вместе с этой бутылочкой.

И он мягко, но настойчиво вытолкал Брогла за дверь.

— Хурр-хурр, пожалуйста, тоже пойду соберу вам букет, Крегга. Составлю Броглу компанию, — улыбнулся Гундил.

Направившись к выходу, Гундил столкнулся с Мгерой, тащившей в больницу упирающегося зайца.

— Честное слово, лучше в кухню, во. Чтобы вылечить щеку, надо как можно больше жевать. Пудинг, во, во. А не глотать всякую гадость под названием «лекарства». Тем более из лап этой отравительницы. Многие так и не вернулись из ее проклятого лазарета, сгинули без следа, растаяли в ее мухоморных микстурах, во.

Мгера не выпускала ухо обжоры.

— Без перевязки не обойтись, длинноухий. А двойную порцию за ужином боевому офицеру я обещаю.

Обещание двойной порции зайца несколько утешило.

— Ну, если уж перевязка так необходима... Чего не сделаешь в силу необходимости, во! Кстати, хотел бы я знать, что это за Тагеранг...

— Я тоже, — с мрачным видом сказала Мгера, подходя к дверям лечебницы. — Не может быть, чтобы никто о нем ничего не слышал. Вечером на совете, надеюсь, что-нибудь прояснится.





Теплая ночь. Полная луна сверкает в небе, как только что отчеканенная золотая монета. Но Вологу было не по себе. Он привык спать при свете костра. Ему уже надоело безтолку глазеть на кучку собранного хвоста.

— Ночь без костра тянется слишком долго, — сделал еще одну попытку стрелок.

— Хорошо, разжиги, — согласилась Ифира, насладившись вдоволь плохим настроением партнера. — Но я к нему не подойду. Если эти, там в крепости, такие лихие воины, как говорил Сони Рат, они уже нас ищут. Мы уложили у них двоих,

ранили длинного куцехвостого... Не могут они оставить нас безнаказанными. Да и зачем костер в такую теплынь? Раскисаешь с возрастом, что ли?

Волог не на шутку разозлился:

— Слышь, Ифира, сейчас узнаешь, как я раскисаю. На своей шкуре попробуешь.

— Ш-ш-ш-ш! Я ведь зря не болтаю... Слушай-ка!

— Точно, — услышал звуки и Волог, — Что делать будем?

— Кажись, их всего трое. — Физиономия ласки расплылась в зловещей ухмылке. — Зажигай свой костер и прячься. Одного пришьем, двоих возьмем живьем.

Даграб принялся:

— Огонь чую. Сосна горит и буковый сушняк. Вон там.

Грувен вытащил меч, и они осторожно поползли к источнику запаха.

— Пленных не берем. Всех в лапшу! — И он несколько подзадержался, пропуская Даграба и Спиногрыза вперед. Они продвинулись еще немного, затем остановились все трое.

— Никого, вождь!

— И верно, никого.

Грувен положил меч наземь и с силой пихнул обоих к костру.

— Если там никого, то чего ж вы боитесь?

Даграб и Спиногрыз завопили и хотели было прыгнуть обратно, но Ифира уложила одного и другого тяжелым обломком толстой дубовой ветки. Грувен схватился за меч... то есть за то место, куда он положил меч. Оружие исчезло. Лук Волога подцепил Грувена за горло, лучник потащил его назад, и тут Грувен почувствовал затылком острие собственного меча. Волог выволок полузадохнувшегося великого вождя Юска к костру.

— Ишь ты, грозный Грувен Занн Юсказанн к нам пришел! Даграба и Спиногрыза привел! И снова мы одна счастливая семья.

Грувен забыл все свои мысли об убийстве Волога и Ифиры. В ужасе он всхлипнул и пролепетал:

— Т-т-там, в мешках... п-п-пицца...

Ифира вытряхнула все из мешков. В основном осталась провизия южных Простодушных.

— О-о-о, спасибо, благодетель. Лепешки, пироги, смотри ты... Небось, сам жрал, а этих двух остолопов не кормил?

— Что ты, что ты, Ифира! Настоящий вождь Юсказанн наш Грувен. Заботливый. Слыхала ведь. «Пленных не берем. Всех в лапшу!» И — швырк их к костру! Шутник, да? — И Волог пощекотал мечом загривок Грувена. — Ты червяк, Грувен. Трусливый червяк. Ну-ка, скажи мне, кто ты? Не слышу!

Грувен плакал, не скрывая слез. Вскрикнув, он повторил:

— Я червяк. Трусливый червяк. Не убивай меня, пожалуйста.

Пока Волог занимался Грувеном, Ифира разбиралась с тем, что было в багаже пленников самого вкусного. Не переставая жевать, она под села к Грувену и успокоила его:

— Ну что ты, друг, кто же собирается тебя убивать? Ты нам еще пригодисься. Утри сопли и перестань хлюпать, аппетит портишь.

Волог удивился. Он как раз собирался прикончить Грувена, но не захотел показать, что он глупее Ифиры. Он освободил Грувена от удавки тетивы, убрал меч и сильным пинком распластал пленника мордой вниз.

— Поживи пока. Прикончить тебя я всегда успею. Заткнись, надоел.

Ифира посадила горностаев и крысу рядышком у костра, Грувена в середину. Она привязала их друг к другу за лапы, приговаривая:

— Веселенький хоровод получается. Так вы никуда не удерете. Мы тут кое-кого неподалеку порешили, за нами и погоню могут снарядить. Так что вы посидите тут, на карауле.

Вологу план Ифиры пришелся по душе, но он об этом не сказал. Проверив прочность веревок, он еще раз двинул Грувену по шее и на прощание прорычал:

— Не дурить. Сидеть смирно. Мы рядом, присмотрим за вами вполглаза.

Волог и Ифира удалились, оставив приманку у костра.

— Волог прав, Грувен, — свирепо прорычал Даграб. — Ты и вправду червяк.

— Заткни свою слюнявую пасть и не мешай мне мыслить, — огрызнулся Грувен, пытаясь сохранить остатки авторитета.

— Слюнявую пасть? — переспросил Спиногрыз. — Ты бы на свою пасть посмотрел, когда тут землю лизал. «Не убивай, сделай милость». Идиоты мы с Даграбом, не надо было с тобой идти. Однажды трус — всю жизнь трус.

— За это ты умрешь, клянусь! — пообещал Грувен.

— Придурок! Мы все умрем на рассвете, — закончил беседу Спиногрыз.

Пещерный зал сиял множеством факелов и фонарей. Народу в него набилось видимо-невидимо.

— Прежде всего вопрос ко всем присутствующим, — начала Крегга. — Знает ли кто-нибудь, что означает слово «Тагеранг»? Эта нечисть обещает оставить нас в покое, если получит «Тагеранг». Или Тагеранга.

С разных сторон послышались голоса:

— Может быть, это выкуп, трофеи, добыча?

— Они думают, что у нас здесь зарыт клад!
— Возможно, так они называют старших. Аббата или аббатису, например.

— Но у нас нет аббата. Да если бы и был, не выдали бы мы его толпе озверевшей нечисти.

— Почему «толпе»? Фавилла видела только двоих раскрашенных.

— Хурр, как себя чувствует мисс Фавилла? Брогл, ты ее видел?

Сестра Алканет повернулась в сторону спросившего:

— Не видел и не увидит, пока я не разрешу. Хорг уже здоров и завтра утром выйдет из больницы. Я хочу пожаловаться на зайца...

Заяц с перевязанной мордой заколотил по столу. Появка его крепилась на макушке, где в дополнение к длинным ушам торчали еще маленькие рожки завязок.

— Вы отвлекаетесь от темы, мэ, во! Хотя если бы вы вышли за ворота и полечили своими микстурами этих двух раскрашенных, мы бы уже от них навсегда избавились, во! А Тагеранг у них просто для отвода глаз придуман. Так же точно могли они и Большой Банг потребовать, и Толстый Шланг, и Тридцать Штанг. Мозги нам пудрят, во, во!

Крегга постучала по столу:

— Неуместные замечания прошу оставлять при себе. Если мы не знаем, что такое Тагеранг, то не можем отдать его нечисти. Есть еще предложения?

Высказалась Мгера:

— Что касается нечисти, то Фавилла видела лишь двоих раскрашенных зверей. Но могли появиться и новые. А у нас нет настоящих воинов после ухода выдр с Командором. Поэтому я предлагаю, во-первых, всем, кроме постовых, сидеть в помещениях и не высовываться наружу.

Во-вторых, надо послать гонца за выдрами. Наконец, если мы не можем воевать с нечистью, надо попытаться вызвать их на переговоры, чтобы узнать, что им надо.

Сестра Алканет немедленно возразила:

— Выдать им то, чего они хотят? Еще лучше открыть ворота и впустить их в аббатство. Никаких переговоров с этими бандитами. Я готова сражаться с ними и погибнуть.

Дрогг обратился к Алканет:

— И кому от этого будет лучше? Никто не предлагает впустить нечисть в аббатство. Нам надо выиграть время, узнать силы противника.

— Правильно, Дрогг! Верно говоришь! — послышалось с разных сторон, и Крегга снова застучала лапой по столешнице.

— Когда мои глаза были зрячими, я убила больше нечисти, чем вы все видели ее за свою жизнь. Эти существа жестоки, бессердечны. Мгера правильно говорит, надо разведать, сколько негодяев по ту сторону наших стен, потом подумаем, что делать дальше. А теперь всем спокойной ночи.

Необычные сны в эту ночь снились Мгере. Лицо давно пропавшего без вести отца. Она побежала к нему, крича:

— Папа! Папа!

Он выглядел моложе, чем образ в ее памяти. Она бежала, а он отступал в туман, терялся, растворялся в дымке. Добежав до берега реки, она опустилась на колени и посмотрела в воду. Но на нее смотрело не собственное отражение, а Мартин Воитель. Он поднял одну лапу, вытянул к ней другую и произнес лишь одно слово:

— Тагеранг!

Потом она увидела себя с матерью на опрокинутой тачке в саду. Дейна, ее братик, тут же, с ними, Филорн

счастливая и довольная, какой не была уже много лет.
Мгера лежала спокойно и слушала пение матери.

Звон плывет над лесом, над рекой и полем,
И ночные тени на траве лежат.
Эхом птицы вторят, а за ними пчелы
На лугу тихонько, ласково жужжат.
Спи, моя малышка, мамочка с тобою.
Вместе будем слушать ночную тишину.
Долгий день окончен, и упали тени.
Я тебе достану солнце и луну.





Маг проснулся и сразу принялся чесаться. Зудело все тело. Еще не открыв глаза, он сунул коготь в ухо и выплюнул что-то, заползшее в рот. Нимбало сидел у костра и готовил завтрак.

— Извини, Таг, в темноте не разглядел. Мы улеглись как раз на муравьиной тропе. Вон там пруд, совсем рядом.

Таг бросился мимо Нимбало и нырнул в воду, не обращая внимания на крик мышонка:

— Прихвати там карася пожирнее на завтрак!

Таг проплыл пруд вдоль и поперек, нырнул, принялся плескаться, кувыркаться в воде, ло вить свой хвост — вел

себя как шалун-малолетка. Ушел под воду и не показывался целую вечность. Нимбало, глядя на зеркальную поверхность пруда, бормотал:

— Так ведь и завтрак остынет.

Наконец Таг, свеженький как огурчик, пожаловал к столу.

— Наконец-то! — похвалил Нимбало. — А у меня оладьи с медом. Только не говори муравьям.

— Эх тебя угораздило! Отыскал место для ночлега, следопыт!

— Да, этой ночью я свое прозвище оправдал. Муравьев раздавил не одну сотню, пока из-за них же ерзал да вертелся.

Позавтракав, друзья пустились в путь по следам бандитов. Утро радовало прекрасной погодой, свежий ветер гнал по небу мелкие облака. Таг чувствовал неясную приподнятость настроения. Он не узнавал местность, но природа казалась какой-то своей, родственной.

— Нимбало, знаешь, мне кажется знакомым это место, а я ведь здесь никогда не был. Случалось с тобой такое?

— Я понимаю тебя, Таг, хоть это и трудно объяснить. Когда я бродил по равнинам, у меня сложились стихи об этом. Вот послушай.

Вот место, где я никогда
Не мог бывать никак,
Но место кажется родным,
Как старый мой башмак!

Вот роща, поле и река —
Я вижу их впервые,
Но не пойму я, отчего
Они мне как родные!

Я много лет там не бывал,
Но снова тем маршрутом
Пойду — и, кажется, себя
Я сызнава узрю там!

— Понимаешь, что я имею в виду?

Нимбало подбросил только что сорванный гриб высоко в воздух и поймал его ртом. За первым вверх взлетел второй, но Таг перехватил его и сжевал сам.

— Понимаю. Все ясно, как в тумане. Ты куда?

Нимбало понесся вперед, петляя между деревьями.

— Смотри, смотри!

В отдалении перед ними багровела громада аббатства Рэдволл.

Как замороженные смотрели они на красные стены, шаг за шагом приближаясь к аббатству. Казалось, опасности не было, но друзья решили остановиться подальше от незнакомого места.

— Пожалуй, это не муравьи построили, — изрек после долгого молчания Нимбало.

Тагу казалось, что все это ему снится.

— Опять у меня это странное чувство, друг.

Неуверенный голос Нимбало вернул его к действительности:

— Надо бы нам отойти подальше и сообразить, что делать дальше. Давай залезем в те кусты.

Они спрятались в зарослях орешника.

— Ты прав, Ним. Вряд ли стоит с ходу бежать к воротам. Никто нас там не знает. Да и Юска ползают где-то рядом. Что ты предлагаешь?

— Надо разведать обстановку. Давай разделимся и остороженько, прячась в кустах, обойдем аббатство. Потом здесь встретимся. Если наткнемся на кого-нибудь, заговорим, познакомимся. А потом поищем бандитов.

Если их заметишь, не устраивай побоища. И я тоже без тебя не буду.

— Хороший план, — согласился Таг, — Возьми мой нож.

— Зачем?

Таг не хотел, чтобы друг шнырял по лесу невооруженным, но, щадя его гордость, выдумал другую причину.

— Одно дело, если эти, из аббатства, увидят с ножом мышь, и совсем другое, если я появлюсь перед ними с моей крашеной мордой и с таким бандитским оружием.

Нимбало сунул за пояс нож, казавшийся мечом на его крохотной фигуре.

— Отлично, Таг. С твоим ножом покрасуется сам Нимбало-Убийца!

С этими словами Нимбало зашагал в северном направлении, а Таг устремился вдоль восточной стены на юг.

Эгберт ворвался в Большой зал и столкнулся с Креггой. Слепая барсучиха, опираясь на плечо Мгеры, направлялась в больницу навестить Фавиллу.

— Куда несешься, приткий?

— Заяц сбежал! — выпалил Эгберт и сунул в лапы Мгере деревянный поднос. — Вот, посмотрите!

Крегга потрогала поднос лапой.

— Сбежал? Куда? Что там такое, Мгера?

Мгера осмотрела поднос.

— Бурак сочинил нам послание. Угольком на подносе нашкрябано. Читаю: «Дорогие друзья и подруги, скачу за помощью к Командору. Не плачьте обо мне, скоро вернусь с подмогой, во. Вот если не вернусь, порыдайте сезон-другой, ладно. Филорн пусть начинает готовить, аппетит набегаю, точно. Да и возвращаться приятнее,

когда знаешь, что тебя ждет гора пирогов и сливок озеро, во. Всем привет. Держите свет в окне! Искренне ваш музыкальный мастер на испытательном сроке и командир стеной стражи Бэгскат — Углкруп — Рэглуэйт — Аркром — Крэкуилоу. P. S. Дрогг, регулярно смазывай мою аккордегардию! P. P. S. Фавилла пусть выкидывает все лекарства, если хочет жить. P. P. P. S. Надеюсь, ведро старого Хорга уже оправилося от раны, во. Ха-ха, шутка. Бегу!!!»

Крегга покачала головой:

— Идиот длинноухий. Много у меня было зайцев. И все лихие, храбрые, сорви-голова... Что ж, пожелаем ему удачи. Эгберт, на время отсутствия Бурака назначаю тебя командиром стеной стражи. Надеюсь, ты понимаешь ответственность этой задачи?

Подражая зайцу, Эгберт вытянулся по струнке:

— Ответственность — мое второе имя, мэм, во. Смирно! Равнение на знамя! Налево по двенадцать, бегом! Ать-два, ать-пять, ногу не тянуть, уши не ломать, там, во!

Ифира развязала пленников и вернула им оружие. Они непонимающе хлопали глазами.

— Удивляетесь, что живы? Я тоже удивляюсь, — промурлыкал Волог довольно миролюбиво, — Эти там, за стенкой, должно быть, полные олухи, зря мы их боялись. Тем лучше. На прогулочку пойдём. Через тропу, в канаву и до главных ворот. Носы не слишком высовывайте, пращи крутить они там вроде умеют. Ну, оружие при вас, авось заметили? Уж постарайтесь как порядочные Юска выглядеть. Я за вами слежу, чуть что не так — сразу продырявлю. Чего уставился, Грувен?

Грувен, как ни пытался, не мог подавить страха перед Вологом. Ему казалось, что лучник вот-вот пристрелит его. Дрожащим голосом он проямлил:

— Я н-не устался...

— Сэр! Скажи «сэр», — подсказал Волог, нахмурившись.

— Я не устался, сэр.

— Посмотрела бы на него мамочка, — презрительно процедил Волог, обращаясь к Ифире. — Пошли, что ли?

Ифира пошла вперед, Волог замыкал шествие, между ними неуверенно ступали трое новобранцев. Вдруг Ифира подняла лапу и остановилась. Кивнув Вологу, она нырнула в заросли.

Нимбало не успел даже голову повернуть, как Ифира с размаху опустила на его макушку древко копья. Ласка перекинула оглушенного мышонка через плечо и вернулась к партнерам.

— Смотри, какую птичку поймала. А еще глянь на нож за поясом, Волог. И после этого скажи, что Тагеранг не в аббатстве.

Волог с невольной почтительностью вынул нож из-за пояса Нимбало.

— Нож Сони Рата... Да, вари меня живьем, если Тагеранг не здесь.

Нимбало никто из них раньше не видел, поэтому они решили, что он разведчик из аббатства. Волог ткнул обмякшее тело концом лука.

— Ты его, должно быть, угробила ненароком. Теперь у него ничего не спросишь.

Ифира ткнула в ногу Нимбало острием копья.

— Нет, дергается. Даграб, Грувен, прихватите его. Может, очухается. Интересно с ним поболтать. Первому встречному Тагеранг нож бы не отдал. Двигаемся, время идет!

И они покрались по тропе, чтобы потом скрыться в канаве.

Дрогг и Брогл поддерживали Хорга с двух сторон, хотя в этом и не было необходимости. Старик-привратник полностью оправился от раны.

— Чувствую себя как пацан малолетний, хи-хи-хи. Что-то колдовское в ее лекарствах все-таки есть.

Еж убрал лапы от Хорга и потряс иглами.

— Хотел бы я быть в такой форме, — сказал он, увидев, как Хорг взлетел по ступенькам на стену, — Мисс Фавилла тоже скоро поправится, да, Брогл? Как она себя чувствует?

— Спасибо, отлично. Особенно после того, как я ей вручил цветы и твою бутылочку. Я попозже еще разок зайду. Смотри, Хорг возвращается. Что-то ему там не понравилось.

— Там нечисть крадется! — возбужденно размахивал лапами Хорг. — Сами посмотрите!

Они увидели бредущего между деревьями Тага. Хорг содрогнулся:

— Настоящая нечисть! Вся морда разрисована. Сви-репый убийца...

— Чем он тут занимался? — прервал его лопотание Дрогг.

— Кажется, подходил к восточным запасным воротам под нами. Но они надежно заперты.

Брогл трясся от возбуждения:

— Это он пустил стрелу в мою Фавиллу! Трус татуированный! Давайте захватим его!

— Совсем рехнулся, — криво усмехнулся Дрогг. — Да он нас троих одной лапой по стене размажет.

Но Брогл не сдавался:

— Не успеет. Он пробовал восточные ворота. Теперь пойдет к южным. Мы их отопрем и затаимся за ними с дубинками. И поприветствуем его.

— Опасно, — сомневался Дрогг. — Очень опасно.
Старик Хорг внезапно тоже воспламенился.
— Давайте, давайте! У нас получится! Пошли, Брогл.
— Ну, ладно, — сдался Дрогг. — Время на подготовку у нас есть. Этот негодяй не особенно торопится. Вы отворите калитку, а я позабочусь об оружии. Встретим его как следует.

Таг осторожно пробирался вдоль южной стены, не забывая следить за лесом. Вот он подошел к углублению, в котором обнаружил маленькую, но прочную дверцу из мореного дуба. Он пригнулся, влез в углубление и нажал плечом. Дверь подалась, легко открылась. Таг просунул голову, чтобы посмотреть, как выглядит аббатство изнутри... и на затылок его обрушились деревянный молот и две дубинки. Тело выдры обмякло и рухнуло.

— Хи-хи! — подпрыгнул Хорг. — Готов!

— Поумерь веселье, Хорг, не то не миновать беды, — одернул его Брогл.

— Беды? Но он же без сознания.

— Не только от него, но и от Крегги. Мы открыли ворота, впустили врага... Ты же знаешь, что она скажет. Безответственное поведение, необдуманные действия... и все такое.

— Да, верно... Какая безобразная морда. С этой татуировкой и не поймешь, кто перед тобой. Что с ним сделаем, добьем?

— Никогда я никого не убивал, — решительно заявил Дрогг. — И впредь не собираюсь. Тем более лежачего, кем бы он ни был. — Он задумчиво помолчал. — А вот тачка в саду может пригодиться... Отвезем-ка его в мой маленький погреб. И придумаем, как лучше доложить Крегге и Мгере. Пленный — хорошее приобретение.

Сознание вернулось, но зрение отказывалось слу-
жить. Таг сначала подумал, что он ослеп, но тут же заме-
тил мерцание света в узенькой щелочке под дверью. Он
уселся на жестком полу, потом поднялся. Голова гудела.
До потолка не дотянуться. Подпрыгнув, он все же достал
потолочную балку, но прыжок отдался резкой болью в
затылке. Стены каменные, пол тоже. Дверь прочная.
Здоровенная бочка напротив двери. Таг налег на нее,
качнул. В бочке что-то плеснуло. Почти полная. Нащу-
пал затычку... Но тут боль в затылке настолько усили-
лась, что он сполз на пол и застонал.

Нечисть заняла позицию в канаве напротив главных
ворот. Грувен, Даграб и Спиногрыз сделали пращи и
набрали для них камней. Волог приготовил стрелы.
Ифира командовала.

— Все готовы?

Нимбало лежал на дне у откоса и чуть дышал.

Эгберт вошел в палату, где Крегга и Мгера распива-
ли вместе с Фавиллой содержимое заветной бутылочки,
наполняя из нее медицинские мензурки. Юный еж отса-
лютовал и, поддельваясь под зайца, доложил:

— Гм, извините за беспокойство, но калитка-то
нараспашку, во, так что я взял на себя смелость вкатить-
ся, во.

— Юный Эгберт? — повернулась к нему Крегга. —
Возьмите смелость выкатиться и вернуться на стены.

— По поводу стен, мэм, — посерьезнел Эгберт. —
Проклятая нечисть сыплет камни как град. Я убрал
охрану в укрытия.

— Вы оголили стены, Эгберт? — нахмурилась Мгера.
— Это безо...

Ее перебил звон разбитого стекла. Очень сильный бросок достал, очевидно, до витража Большого зала.

— Подождите здесь, — крикнула Мгера, выскакивая за дверь. — Я посмотрю, что происходит.

— Вы оба подождите, — вздохнула Крегга, пробираясь за ней. — Я тоже выйду.

Фавилла попыталась вскочить, но Эгберт удержал ее:

— Вам еще нельзя вставать, мисс. Оставайтесь в постели. Я сейчас пришло сюда Брогла...

— Никаких Броглов, — заявила сестра Алканет, входя в палату. — Здесь я решаю, кого и когда приглашать.

Эгберт вскочил, три раза отдал честь и заторопился:

— Так точно, местра, сэм, то есть сестра, мэм. Я уже выкатился вон, во!

Нимбало пришел в себя. Он лежал в канаве, а перед глазами его, рядом с Даграбом, стоял боевой топор. Даграб обернулся.

— Мышь очухалась, — доложил он. — Хлопает глазами.

Волог мгновенно развернулся и прицелился в Нимбало.

— Чуть дернешься — пристрелю. Отсюда трудно промахнуться. Ифира, свяжи-ка его.

Ифира занялась лапами Нимбало, а он обратился к Даграбу:

— Твой топор, крыса?

— Ага. — Даграб опустил пращу. — А что, нравится?

Волог топнул по хвосту Даграба:

— Пращой работай, а не пастью!

Даграб завертел пращу над головой.

— Ты подохнешь от моей руки и от этого топора, крыса! — с ледяным спокойствием пообещал Нимбало.

Камень из собственной пращи больно хлопнул Даграба по лапе. От неожиданности он замер, и его хлестнуло собственное оружие.

— Я сам тебя сейчас убью, придурок! — зарычал на Даграба Волог. — Будешь работать или нет?

Ифира проверила, прочно ли связаны лапы пленного.

— Как тебя зовут, приятель?

Нимбало глянул на ласку как на кусок грязи.

— Мое имя — Нимбало-Убийца, и эта крыса скоро убедится в его справедливости.

— Хо-хо-хо! — захохотал Волог. — Ишь, храбрый какой. А скажи-ка мне, храбрец, что ты знаешь о выдре, которую зовут Тагеранг?

— Не твое дело, — отрезал Нимбало.

Ифира размахнулась и ударила Нимбало в зубы.

— Не наглей, нам это может не понравиться. Отвечай на вопросы, не то будет хуже, малыш мой.

Нимбало слизнул кровь и ответил Ифире:

— Если бы я был твой малыш, я бы удавился со стыда. А уж любоваться твоей гнилозубой мордой — хуже быть не может.

Волог обхватил взбешенную Ифиру сзади:

— Стой, стой! Ты же его растопчешь! На кой нам его труп? Потом, потом, никуда не денется!

Ифира выбралась из объятий Волога и сорвала гнев на Грувене. Она ударила его по физиономии и заорала:

— Что уставился, как идиот? Таскай камни!

Волог тоже поддал Грувену хорошенько. Это стало его любимым развлечением.

Собирая камни для пращи, Грувен пожалел, что нет в его характере ничего от стойкости маленькой мыши.

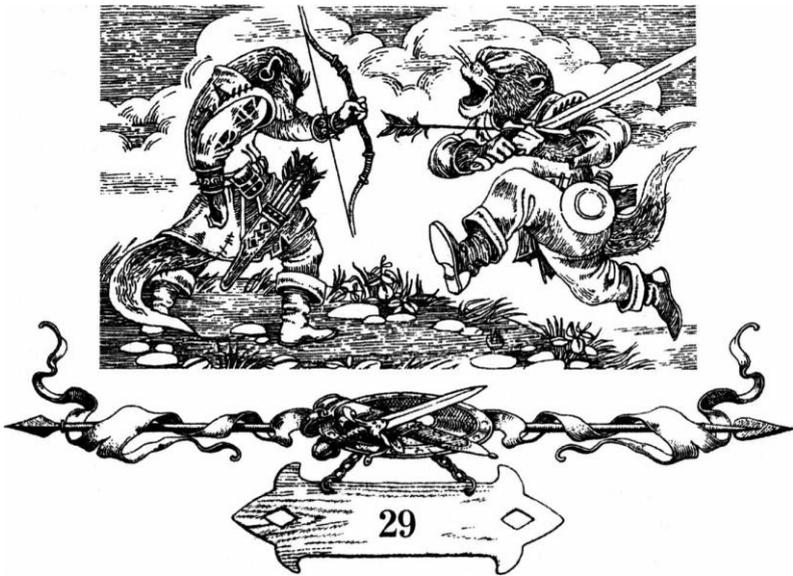
Волог пустил еще одну стрелу через крепостную стену и заорал:

— Тагеранг наш или вы все покойнички!

Таг проснулся в своей темнице. Мысли путались. День сейчас или ночь? Сколько времени прошло? Кто его запер? Как выбраться на волю? Где Нимбало? Кажется, еще никогда не оставался он так долго без свежего воздуха в легких, ветра в ноздрях и неба над головой. Пробравшись к двери, он принялся колотить в нее обеими лапами:

— Выпустите меня! Выпустите меня-а-а-а-а-а-а-а!





Мгера и Крегга стояли у дверей аббатства. За ними толпились обитатели, которым велено было оставаться внутри. Брат Хобен высказал вслух то, о чем не хотелось говорить Мгере:

— Не могли двое бандитов устроить такой камнепад. Боюсь, Фавилла ошиблась.

Крегга привалилась к косяку и погладила свою полосатую физиономию.

— Сколько же их там, снаружи?

— Не знаю, мэм.

Мгера подошла к разбитому окну и взобралась на подоконник. Она задумчиво уставилась наружу. Гундил

внимательно наблюдал за ней и разгадал ее план.

— Хурр, не надо. Не надо, Мгера. Оставайся здесь. Никому нельзя наружу, значит, и тебе нельзя наружу.

Мгера упрямо покачала головой. Она уже приняла решение.

— Надо выйти и с ними поговорить, Гундил. Надо узнать, что такое Тагеранг. Иначе мы дождемся, что кто-то погибнет. Надеюсь, они тоже сообразят, что необходимо выяснить обстановку.

Гундил насупился и объявил, что в этом случае он тоже пойдет наружу.

— И я пойду, — решительно заявила Крегга. — Значит, втроем.

— Прошу прощения, мэм, но вы не можете выйти без командира стеной стражи, во!

— Незачем устраивать коллективный поход, — проворчала Мгера, слезая с подоконника.

— Я пренебрегла бы обязанностями действующей настоятельницы, если бы осталась здесь, — строго пояснила Крегга, выпрямившись во весь свой немалый рост.

— А я пренебрег бы обязанностями твоего друга, оставшись здесь, хурр, — не менее сурово высказался Гундил, тоже выпрямившись во весь свой, прямо скажем, довольно незначительный рост.

— Спасибо, спасибо за поддержку, друзья.

В Большой зал подходили все новые обитатели. Новость о намерении Мгеры и Крегги быстро распространилась по аббатству.

— Эгберт сказал, что вы собираетесь наружу... — обратился к Крегге брат Бобб.

— Да, верно, но лучше бы он об этом помалкивал. И болтливость перенял у зайца.

— Мы вооружимся и пойдем с нами.

— Нет, брат Бобб, мы идем не в бой, а на переговоры.

Брогл, Хорг и Дрогг оживленно шептались в уголке.

— Дрогг, скажи ей о пленном.

— Я? Из меня рассказчик плохой. Лучше ты, Хорг.

— Кому, Мгере или Крегге?

— Все равно. Лучше Мгере, она не такая свирепая. Давай!

— Э-э... Не знаю, как начать. Лучше Брогл. Брогл, ведь и идея была твоя, давай, рассказывай!

К Крегге пристала сестра Алканет:

— Эта Фавилла не хочет слушаться. Она собирается выскочить из постели, а ей нельзя! Скажите ей...

— Сестра, Фавилла — существо взрослое, если она чувствует себя здоровой, пусть делает что хочет.

А брат Бобб преградил дорогу Мгере:

— Когда вернетесь, мисс? И где будете принимать пищу? В столовой, в комнате Крегги или с собой возьмете?

— Надеюсь, скоро вернемся, брат Бобб. Не надо за нас волноваться и переживать. Вернемся — и сразу в столовую. Нам пора, извините...

Хорг и Дрогг вытолкнули вперед Брогла. От волнения он снова стал заикаться:

— М-м-ми-мисс М-м-ме-ме-ме-мгера...

— Ну, что еще за Мегера? — раздраженно обернулась Мгера, но поймала взгляд матери. Филорн улыбнулась и покачала головой.

— Й-й-й-я-а-а...

— Хорошо, Брогл. Скажи сестре Алканет, что я тебе разрешила посещать Фавиллу в любое время. — Она дружески потрепала Брогла по плечу и решительно направилась к двери.

— Гундил, Эгберт, помогите матушке-барсучихе, пожалуйста. Идем вдоль стены, соблюдая осторожность.

И дверь за ними закрылась.

Грувен, Даграб и Спиногрыз все лапы пращами отбили, но об отдыхе думать не приходилось. Ифира хлестала по их спинам прутом и непрерывно осыпала ругательствами:

— Шевелитесь, сонные тетери! Чаще, чаще! Лупите их!

Волог поднес лапы рупором к пасти и снова заорал:

— Эй, в осаде! Отдавайте Тагеранга!

— В осаде? Ха-ха-ха! — засмеялся Нимбало. — Ваши стрелки сидя в пруду в воду не попадут.

— Заткни пасть или я тебе язык вырву! — крикнула Ифира и хлестнула Нимбало прутом по голове.

— Храбрая, со связанным воевать. Были б у меня лапы свободны...

Тут Волог схватил Нимбало и высунул его из канавы.

— Эй, там! Мы сцапали вашего героя! Нимбало-Убийца у нас в плену! Не отдадите Тагеранга, убьем вашего убийцу, как пить дать, кровь по капле выпустим, на ремешки разрежем!

Сестра Алканет окинула Брогла ледяным взглядом:

— Не ожидала от вас такого. За моей спиной и через мою голову распоряжаться у меня в больнице!

Брогл вспыхнул:

— Нет-нет, сестра, не было ничего такого. Мгера меня неправильно поняла. Я не о Фавилле собирался с ней говорить. Честное слово!

Алканет недоверчиво сузила глаза:

— Неужто?

На помощь Броглу пришел Дрогг:

— Точно, сестра. Брогл хотел сообщить о пленнике, которого мы захватили, он, я и Хорг.

Алканет обратила ледяной взор на Дрогга:

— Пленник? Что еще за пленник? А ну-ка рассказывайте все.



Наоравшись до хрипоты и отбив лапы о дверь, Таг стоял, привалившись к большой бочке. Свалить бочку на бок и разогнать ее, чтобы выбить дверь? Но здесь слишком мало места для разгона. Вдруг чуткое ухо его уловило шаги. И голоса.

— Большой?

— Ох, здоровенный, сестра. Мощный негодяй, весь раскрашенный.

— И вы его одолели? Гм... что-то не верится. А почему никому не сказали?

— Мы хотели... Ждали подходящего момента. А тут Крегга и Мгера вдруг убежали.

— Ну-ну... «Хотели»... Что за зверь, какой породы? Вооружен чем?

— Ой, не понять. Жуткой какой-то породы. А оружия не было никакого, не-е... Так мы его, стало быть, безоружного?.. Герои... Ну, хвост у него, правда, как у выдры, почище любого оружия будет. Слыхал я, что у горностаев хвосты... В школе проходили. И Клуни Хлыст, крыса, — у него тоже сильный хвост был, правда?

Таг внимательно прислушивался к разговору. Значит, его считают нечистой. Стало быть, лучше не орать, не стучать, а ждать, пока кто-нибудь не сообразит наконец с ним поговорить.

Волог так и оставил связанного пленника лежать возле канавы, почти на тропе. Нимбало осторожно зашевелился, чуть отполз в сторону и нащупал, что искал: небольшой остроконечный камень. Он выгнулся, зажал камень лапами и начал скоблить свои путы, стараясь, чтобы никто этого не заметил.

— Эй, вы, фиалки лилейные! — сменила Ифира осипшего Волога. — Выйдите, полюбуйтесь на своего грозного Убийцу. Мы пока не стреляем!

Крегга, Мгера, Гундил и Эгберт лежали за зубцами надвратной башни.

— Что ты на это скажешь, Крегга? — спросила Мгера. — Больше тебя о нечисти никто не знает.

— Первая заповедь: никогда и ни в чем нечисти не верь. Не знаю, кто такой Нимбало, это может быть уловкой. Сделаем так: Гундил и Эгберт, бегите в аббатство, пусть Дрогг и все, кто может носить оружие, вооружаются и спешат к воротам. Если Нимбало их пленник, мы сможем выбежать и отбить его. Пусть соберутся у ворот и ждут моего сигнала. Бегите!

— Бедняга Нимбало! — пела из канавы Ифира. — Ой, что его ждет, если там, за забором, эти жирные задницы не пошевелиятся. Ха-ха-ха!

— Сейчас я встану, а ты лежи, — наставляла Мгеру Крегга. — Не беспокойся, у меня большой опыт общения с нечистью. И не спорь! — Она легонько прижала выдру лапой.

Мгера прижалась к ее лапе щекой:

— Только осторожней! У нас ведь нет запасной матушки-барсучихи, только ты одна.

Сестра Алканет осторожно постучала в дверь погребца и произнесла суровым голосом:

— Слушай меня внимательно, нечисть, и правдиво отвечай на все мои вопросы, иначе сгниешь там взаперти. Понял меня?

Алканет ожидала, что из-за двери донесется грубое сипенье матерого бандита, но, к своему удивлению, услышала приятный звучный баритон:

— Я вас понял, мэм. Что вы хотите узнать?
— Что вам и вашим дружкам нужно от нашего аббатства?

— За вашими стенами пять бандитов. Они мне не друзья, а враги. Я не нечисть. Я выдра.

Старик Хорг гордо выгнул грудь:

— Ну, я-то с первого взгляда понял, что он выдра!

Сестра Алканет презрительно глянула на него, и Хорг замолк.

— Мне сказали, что у вас такие же татуировки, как и у нечисти за нашими стенами. Как вы это объясните?

— Это очень длинная история, я ее, конечно, расскажу. Но позвольте мне задать вам один вопрос. Не встречался ли вам мышонок по имени Нимбало? Нимбало-Убийца он себя называет.

— Нет, не встречался. Теперь отвечайте на мои вопросы. У вас есть имя? Как вас зовут?

— Можете называть меня Тагом. Это имя я слышал, сколько себя помню.

Молчание затянулось, и Таг забеспокоился:

— Вы мне не верите, мэм? Меня действительно зовут Таг.

— Таг... Коротковатое имя. Полностью, пожалуйста! — потребовала сестра Алканет.

— Занн Юскарат Тагеранг!

— Тагеранг! — откликнулось за дверью четырехголосое эхо.

В этот момент к ним подбежал Эгберт. Забыв о своих заячьих ужимках, он закричал, еще не остановившись:

— Фу! Хорошо, что Брулл видела, куда вы пошли! Дрогг, Брогл, быстрее! Хватайте оружие и к главным воротам. Бандиты захватили мышонка и хотят его убить.

— Какого мышонка, как его зовут? — раздался громкий голос из-за двери.

Эгберт удивленно уставился на дверь и послушно ответил ей:

— Нимбало. Нимбало-Убийца. А что?

Дверь вдруг как будто ожила, затряслась и загремела.

— Выпустите меня, я никого не трону, клянусь! Я должен спасти друга! Им нужен я, Тагеранг!

На сестру Алканет ожившая дверь сильного впечатления не произвела.

— Мы должны сначала обсудить ситуацию на совете. Боюсь, придется подождать до вечера.

Тут Брогл сделал то, чего от него никто не ожидал. Он отпихнул опешившую сестру Алканет в сторону и отодвинул засов.

— Спешите на помощь другу, Тагеранг!

Крегга стояла, выпрямившись во весь рост.

— Среди нас не было мыши по имени Нимбало, но я прошу не причинять вреда пленному.

Волог встал, держа Креггу на прицеле.

— Мы его в фарш изрубим, если не получим Тагеранга, полосатая собака!

Мгера из-за ограждения хорошо видела связанного Нимбало, лежащего между тропой и канавой, и пятерых татуированных бандитов.

— В нашем аббатстве нет Тагеранга. Я даже не знаю, кто это такой.

Ифира, взглядевшись в барсучиху, прошептала Вологу:

— Да она слепа, как пень. Глянь, уставилась мимо нас.

— Ха-ха-ха-ха! — заржал Волог. — Где уж тебе знать, старая дура! Ты своего носа не видишь!

— Послушай, безмозглый идиот! — рассердилась Крегга. — Ты можешь орать до посинения, но то, чего нет, от этого не появится.

Нимбало тем временем распилил веревки. Боевое бешенство засверкало в его глазах, он молнией рванулся к боевому топору.

— Смерть нечисти! — завопил он, схватив топор и рванув его из канавы. Рукоять топора ударила Волога в локоть, отпущенная стрела вылетела из лука и пронзила грудь Крегги. Мгера с криком вскочила.

Таг молнией понесся по коридорам и лестницам. Пробегая через Пещерный зал, он врезался в шедшую навстречу выдру, поддержал ее, в спешке крикнул:

— Извините, мэм! — и был таков. Он уже ворвался в Большой зал, а Филорн все еще стояла как околдованная. Таг сразу заметил меч Мартина, подпрыгнул и схватил оружие.

Стоявший у ворот брат Хобен вдруг увидел, что к нему несется вооруженная мечом большая выдра с раскрашенной физиономией. За выдрой поспешал Брогл, размахивая лапами и крича:

— Ворота открывай, Хобен, открывай быстрее! Выпусти его!

Хобен выбил засов и налег на створки. Таг промелькнул мимо, оглушив старика боевым рыком:

— Тагеранг Юска-а-а-а! Волог, смерть тебе!

Волог успел вложить стрелу и выстрелить. Стрела вонзилась в грудь выдры, но Таг не замедлил бега. Стрелок не успел достать вторую стрелу, а голова его уже полетела в канаву. Последнее, что услышал Волог, был крик Тагеранга:

— За отца!

Тело Волога еще не успело упасть, а Ифира, отскочив от летящей в нее головы, выскочила из канавы и побежала по полю. Таг одним прыжком перемахнул через канаву и

понесся за ней. Даграб припустил по канаве на юг, Нимбало за ним, размахивая топором. Грувен подхватил свой меч и кинулся на север. За ним, не раздумывая долго, устремился Спиногрыз. Добежав по канаве до леса, Грувен перебрался под защиту деревьев. Спиногрыз бежал за ним как приклеенный. Они миновали редколесье, снова попали в чащу, еще раз пересекли тропу и канаву. Грувен почувствовал, что выдохся. Остановившись, он тут же стал погружаться в болото. Последним усилием Грувен успел высвободить лапы из засасывающей бездны и вернулся на твердую почву. Привалившись к стволу дерева, он тяжело дышал, глядя на подбегающего Спиногрыза. Грувен махнул лапой боевому товарищу:

— Туда, туда, друг. Сейчас отдышусь и за тобой. Будет погоня — задержу.

Спиногрыз, покачиваясь, скрылся за деревьями. Грувен дождался его испуганных воплей, присел на мох и некоторое время слушал их с удовольствием. Крики быстро стихли, и Грувен принялся восхищаться своей ловкостью.

— Все покойники, все до одного. Только я остался, Грувен Занн Юсказанн.

И он крадучись двинулся вокруг болота к западу.





Данный вечер окрасил небо и рассеянные по нему облака в розоватые тона. По равнине резво тарабанили пятками выдры Командора.

— Выше нос, приятель! К ночи доберемся до аббатства, — подбодрил зайца вождь выдр.

Длинноухий заметно сдавал. Он не сомкнул глаз с тех пор, как покинул аббатство, но упрямо следовал с отрядом.

— Приляг, отдохни, друг, потом нагонись, — уговаривал Командор, давно заметивший состояние гонца.

— Ни за что! — с жаром отказался Бурак. — Не время спать, во! Мы вступим в аббатство плечом к плечу!

Продвигаясь по местности, выдры внимательно осматривали ее, следили за всем, что происходит вокруг. Поэтому возглавлявший колонну Командор первым заметил какой-то блеск впереди и слегка южнее. Сначала казалось, что это пламя, но затем стало понятно, что лучи солнца отражаются от какой-то зеркальной поверхности. Отряд изменил направление.

— Дротики приготовить! Сдвоить ряд!

Бурак сначала отстал, потом вдруг обнаружил, что он в середине отряда. Две крепкие выдры-самки поддерживали его с обеих сторон.

— Бежим! Переставляй лапы, косою!

Командор оценил взглядом открывшуюся перед ними картину смерти. На земле валялась убитая Ифира, из открытой пасти ее вывалился язык. Таг обмяк, сидя рядом, из груди его торчала сломанная стрела. Меч Мартина Воителя Таг из лап не выпустил.

— Гром и молния, вот настоящий воин, во! — вырвалось у зайца, стоявшего теперь на своих собственных лапах.

— У ласки лука и стрел нет, — рассматривал Командор место происшествия. — Стрела в этом большом парне уже торчала, когда он ласку прикончил. Ее рана свежее. Откуда они взялись?

— Похоже, из аббатства, — отозвался кто-то из его отряда, уже осмотревший следы.

Командор подобрал половинки сломанного копья Ифиры.

— Значит, он гнал ласку от аббатства. И догнал, несмотря на стрелу в боку. Убил и сел, подставив меч солнцу. Древний сигнал для товарищей, чтобы нашли и помогли. Но никто не пришел, и он умер, сжимая в лапах меч Мартина... А как к нему меч попал? — Командор нагнулся, пы-

таясь взять меч. — Да-а, Бурак, точно, это настоящий воин. Мне у него и у мертвого меч не отнять. — Командор поднатужился. — Во имя всех водоворотов и водопадов, живой он, живой!

Таг приподнял голову, полуоткрыл глаза:

— Юска... в покое...

И снова уронил голову.

— Ребята, делаем носилки... Пояса, дротики... — захлопотал Бурак. — Не теряем времени, во!

— Юска... — Командор провел лапой по усам. — Видал я этих Юска... Воры и бандиты. Но там сплошь хорьки, горностаи, крысы. Как туда выдра попала? А у него такая же татуировка на морде...

К зайцу пришло второе дыхание.

— Пусть он хоть от носа до хвоста разрисован, ему помощь нужна. И что в аббатстве происходит, мы тоже не знаем. Может, они в осаде.

И они продолжили путь. Тага несли восемь мощных воинов. Он лежал на носилках, не приходя в сознание, сжимая меч Мартина, и не чувствовал толчков и тряски от быстрого шага соплеменников.

Нимбало возвращался по дну канавы, устало опираясь на топор, как на палку. Услышав окрик, он перехватил топор в боевое положение.

— Стой, кто идет?

— Нимбало-Убийца, так что поберегись.

Дрог протянул лапу, помогая мышонку выбраться из канавы.

— Вылезай, друг. Ну как, повезло тебе с крысой?

— Повезло, — буркнул Нимбало, вылезая из канавы. — Крысе зато очень не повезло. Больше этот бандит никого не убьет.

— Нимбало, а где твой друг? — спросил Эгберт, подошедший к ним с зажженным фонарем. — Он погнался за лаской, и больше мы его не видели. А у него ведь меч Мартина.

— Не беспокойтесь, Таг нас сам найдет, — небрежно бросил Нимбало, опершись на топор.

— Эй, с фонарем! — послышалось из темноты, — Эгберт?

Подошла команда выдр. Заяц набросился на Дрогга с вопросами:

— Как у вас дела в аббатстве? Проблемы, во?

Дрог дернул иглами:

— От нечисти-то мы избавились. Этот Нимбало и его друг, выдра по имени Тагеранг, прогнали да побили всю нечисть. Но Креггу нашу эти бандиты успели ранить, плоха Крегга очень. А вы не видели эту выдру геройскую, Тагеранга?

— Вот ваш Тагеранг, — указал Командор на носилки, которые выдры держали на весу. — Мы нашли его возле убитой ласки. Ранен тяжело, но живой. И меч он сберег.

Нимбало подбежал к носилкам:

— Таг, Таг, это я, Нимбало... Очнись, друг!

Таг не шевелился.

Бурак снова заторопился:

— Давайте, побыстрее несите его в аббатство. Надо спасти храбреца. Этот парень, Нимбало, пусть идет с ним.

Главные ворота были все еще открыты. Филорн и Хорг дежурили у входа в крепость, держа в лапах фонари. Обратив внимание на обеспокоенную физиономию выдры, Хорг предложил:

— Вы устали, мэм, пройдите в сторожку, подкрепитесь, выпейте чаю. Если что случится, я вам сообщу.

Филорн улыбнулась и покачала головой:

— Нет, Хорг, я останусь здесь. А вот вам стоит сходить в сторожку, отдохнуть и подкрепиться. Идите, идите. Я прекрасно справлюсь здесь.

— Что ж, мэ, спасибо вам. Сезоны, сезоны берут свое, — кряхтел старик, направляясь к сторожке.

Филорн поплотнее запахнула платок на плечах. Эта татуированная выдра... Голос ее, манера двигаться... Брат Хобен видел, что выдру ранили стрелой... Серьезна ли рана? Заботы не отпускали Филорн.

— Эй, на воротах! Да, да это милая Филорн встречает нас!

Филорн узнала голос Командора и выбежала навстречу. В слабом свете фонаря она различила силуэты выдр Командора и членов поисковой группы.

Когда они вошли в здание, Филорн держала лапы Тага в своих, а Нимбало поддерживал голову друга. Заглянув в лицо Филорн, он заверил ее:

— Таг мой друг, и я не дам ему умереть.

Кроты уложили на полу Большого зала матрасы и подушки.

— Осторожно, осторожно опускайте, не стукните его...

Мгера подошла к матери:

— Кто это, мама? Весь татуированный и раскрашенный...

Филорн притянула дочь ближе:

— Всмотрись, дитя... Ты увидишь что-то знакомое в этих чертах.

— Папа... Это папа?

Филорн не ответила. К удивлению Мгеры, она запела, лаская лапы Тага, сомкнутые на рукояти меча:

Реки, горы и ручьи,
Эти лапки чьи? Чьи?

Кроличьи или беличьи?
Эти лапки чьи? Чьи?

Щекочу немножко,
Чья это ладошка?

Очень давно не слышала Мгера, как мать поет колыбельную. А Филорн все пела и поглаживала большие, грубые лапы. И тут лапы расслабились и потихоньку разжались. Нимбало убрал меч, а на открывшейся лапе Тага обнаружилось пятно, четырехлепестковый цветок.

— Я почувствовала это, как только увидела его вчера. Мой сын и твой брат, Мгера, вернулся домой.

Мгера прикоснулась к лапе с отметиной и воскликнула:

— Дейна!

— Дейна? — Нимбало почесал нос. — Так он больше не Тагеранг?

— Дейна, и только Дейна, — улыбнулась мышонку Филорн.

— Гм-м... — Нимбало примерялся к новому имени. — Я, например, Нимбало-Убийца. Может, назовем его Дейна Злодейный или там Дейна-Дьявол... Дейна-Демон... Как-нибудь повнушительней.

— Я всех попрошу, чтобы тебя называли Нимбало-Балаболка, если не перестанешь болтать глупости.

— Ладно, ладно, молчу, пусть будет просто Дейна.

Появилась сестра Алканет. За ней несли котелки с горячей водой, мази, травы и перевязочные материалы. Сестра осмотрела и очистила рану. Вид у нее был озабоченный.

— Стрела вошла глубоко. Удалить наконечник я не смогу. Но Дейна силен и живуч, он выживет и с оставшимся в теле наконечником.

— Прошу прощения, мэм, но Рукки Гарж сможет вылечить Дейну. Никто не вылечит выдру лучше, чем старуха Рукки.

Сестра Алканет поморщилась:

— Рукки Гарж — это легенда, которую выдры передают из поколения в поколение. Нет на свете никакой Рукки.

— Я слышала, что Рукки давно умерла, — вырвалось у Филорн.

Командор усмехнулся и показал на свой хвост:

— Еще крошкой я поранил хвост. На нем оставался глубокий шрам. Сможет кто-нибудь найти сейчас след этого шрама? Я иногда посещаю Рукки и варю ей острый суп из раков. Она мне вроде бабушки. Х-хо, крепкая старушка!

— Если она вылечит мне сына, я буду каждый день варить ей суп. Я ей отдам все, что у меня есть, — пообещала Филорн.

— Это все ни к чему, а вот побрякушки всякие она очень любит. Как сорока, тащит все, что блестит.

— Вот что я нашла в канаве. — Филорн сунула лапу в карман передника. — Может быть, ей понравится.

— Да она запоет и запляшет, когда его увидит, — заверил Командор, осматривая нож Сони Рата.

— Тогда надо доставить Дейну к Рукки! — нетерпеливо воскликнула Мгера.

— Да, конечно, — согласился Командор. — Но Рукки живет одиноко, у нее свои причуды и капризы. Никого, кроме выдр, не лечит, да и тех по просьбе лишь нескольких доверенных выдр. Ну, по моей тоже, к счастью. Я уж ее упрошу. Мы Дейну туда доставим, там за ним проследим, весточки вам тоже передавать будем. А вам с мамой и здесь дела хватит, так?

— Да, Командор, — согласилась сестра, как всегда, сурово поджав губы. — Крегга очень плохо. Наконечник я удалить смогла, но лучше ей не стало. Она хочет вас видеть,

Мгера. Да и брат Бобб без Филорн не обойдется. Я прошу вас остаться.

Филорн до того удивилась, что сестра Алканет кого-то о чем-то просит, что не смогла возражать.

— Что ж, мы так долго не знали, что Дейна жив... Теперь мы знаем это и потерпим еще немного. Правда, Мгера?

— Да, мама. Надеюсь, он скоро к нам вернется.

На этот раз для Тага смастерили более прочные и удобные носилки, от которых Нимбало не отходил ни на шаг.

Командор приблизился к нему и негромко спросил:

— Ты собрался с нами?

— Я должен сопровождать друга. А что, есть возражения?

— Я не могу этого запретить. Но, видишь ли, если Рукки увидит с выдрами еще какое-нибудь существо, она отвернется от нас и даже не посмотрит на твоего друга, в каком бы состоянии он ни был.

Нимбало чуть не заплакал:

— Но мы с Тагом так долго были вместе... А сейчас вы его заберете. Что я без него буду делать?

Мгера взяла мышонка за лапу:

— Ты дождешься его возвращения здесь, в аббатстве. Тебе у нас будет хорошо. Мы живем здесь как дружная семья.

Мгера не знала, что сказала запретное слово.

— Не говорите мне о семье, — отгрызнулся Нимбало. — Я не хочу жить ни в какой семье.

Командор с выдрами отправились в путь, а Филорн применила другую тактику уговаривания.

— Я еще не встречала воина, который страдал бы отсутствием аппетита. Приглашаю вас прогуляться на кухню,

Нимбало-Убийца. Лучше нашей пищи вы нигде не найдете.

Мгера направилась к постели Крегги. Так как отнести барсучиху наверх никто не смог, ее устроили тут же, под гобеленом с портретом Мартина Воителя. Почувяв приближение Мгеры, Крегга слабо улыбнулась:

— Твоя мама смогла бы птицу с дерева заманить к себе на кухню. А этот малыш, мышонок Нимбало, хороший товарищ. Доброе пополнение в нашем аббатстве. Ты, конечно, поможешь ему освоиться, Мгера.

— Мы вместе поможем ему, Крегга, — поправила барсучиху Мгера, присаживаясь на край ее постели.

— Может быть, если я поправлюсь, но никто не живет вечно.

Мгера вдруг принялась принохиваться и рыться в подушках.

— Что случилось, Мгера?

Мгера поднесла к носу барсучихи полоску зеленой ткани.

— Опять. Еще одна. Выцветший зеленый. Домотканый. Пахнет сиренью. Как он оказался в твоей постели?

— Откуда это знать слепой барсучихе, да еще тяжело раненной?

— РОСНА, — прочитала Мгера. — Что же это значит, Крегга?

К кухне устремились многие обитатели Рэдволла, так как никто за весь день не смог толком перекусить. Нимбало отдал должное всем блюдам, начиная супом и кончая десертом. Филорн попыталась его разговорить.

— Должно быть, вы с Дейной пережили множество приключений. И можете рассказать нам, так ведь? Позвольте, я наполню ваш кубок Октябрьским элем.

Нимбало почувствовал, что душа его оттаяла. Куча хорошей пищи, внимательные слушатели. Он прикончил остаток свекольно-картофельного пирожка с репой и запил добрым глотком эля.

— Да-а, мэм, верно. Благодарю вас, мэм. Вот однажды мы с Тагом, то есть с Дейной, попали в логово змей. Но что нам с Дейной змеи. А вот скажите, довелось ли вам попробовать пирог из змеерыбок?

— Из змеерыбок? — ужаснулась Филорн. — Даже не слышала. А ты что, пробовал?

Нимбало подмигнул притихшим соседям по столу:

— Трудно поверить, но именно так.





Струйки сизого дыма ползли вверх, обвивая кроны деревьев. Над костром из шишек и сухих ветвей висел котел, в котором что-то булькало. Стоящий рядом Командор помешал содержимое, попробовал и повел хвостом.

— Слек, еще раков. Блек, наруби перца и луку.

Две крепкие сестрицы-выдры, Слек и Блек, быстро выполнили поручение, и очень скоро Командор протянул им поварешку.

— Попробуйте и скажите, что вы об этом думаете.

— Да-а... Воду зажжет.
— Не-е... Такого никто больше не сварит.
— Х-хе, не вздумай сказать это своей матери, — усмехнулся Командор.

Дейна так и не приходил в сознание, неподвижно лежал на носилках.

Слек потрогала его сухой и горячий нос и обратилась к Командору:

— Бедный парень три дня ничего не ел. Может, попробуем покормить?

— Никакой еды! — погрозил ей лапой Командор. — Каплю воды время от времени, и больше ничего. А теперь все наполните свои миски и подождите меня за излучиной. Да не перестарайтесь, оставьте для Рукки побольше. Я хочу ее развеселить.

Когда команда с полными мисками удалилась, Командор подошел к толстой лиственнице. Дерево давно умерло, сердцевину выели грызуны и насекомые, но ствол все еще стоял на берегу. Вождь выдр погладил его, отступил на полшага и ударил по нему хвостом.

Буммм!

В прибрежных скалах откуда-то появилась невероятно древняя выдра. Шерсть ее казалась серебряной, но по большей части скрывалась под черным плащом с капюшоном, расшитым ракушками и раковинами, кораллами и янтарем, полированными камнями и осколками хрусталя. Согнутая возрастом выдра передвигалась при помощи тяжелой суковатой палки. Во рту ее не сохранилось ни зуба, но глаза сверкали ярче, чем золотые серьги в ушах.

Командор поклонился:

— Рукки Гарж, рад видеть тебя в добром здравии!

Старуха причмокнула деснами, прежде чем ответить:

— Хах-х, это ты, малец-сорванец, пострел речной? Небось, твои обжоры вылакали весь мой суп?

Командор почтительно проводил выдру к котлу.

— Они только попробовали, королева моя. Лучшее для тебя оставили. Вот отведай.

Рукки Гарж запустила поварешку в кипящий котел, оттуда — прямо в рот, и враз опустошила ее. Она почмокала, облизала губы:

— Лучше меня варишь, молодец. Ну, ты ведь не придешь повидать Рукки без нужды. Что болит?

Командор показал на Дейну:

— Принесли беднягу из аббатства. Стрелой ранен. Кроме тебя, никто не сможет ему помочь, кудесница.

Рукки понюхала рану Дейны, подняла его веко и заглянула в глаз, потерла нос, ощупала лапы. Приподняла и отпустила хвост. И все время бормотала при этом:

— Хах-х, Рэдловл... Ученые, хах-х... Пчелиного жала вытащить не смогут... х-харх-х-х...

Командор нарушил почтительное молчание:

— Верно, моя волшебница, но ты ведь сможешь?

Рукки вернулась к котлу и отправила в рот еще две поварешки кипящего супа.

— Юска! Крашеный. Плохо. Х-х-а-а-ах, плохо. Зачем лечить нечисть?

Командор пустился в пояснения, а Рукки еще два раза зачерпнула из котла.

— Дейна сын моего старого друга. Юска захватили его еще ребенком. Риллфлаг его отец. Филорн — мать. Она еще живет в аббатстве с дочерью, сестрой Дейны. Сестру зовут Мгера.

— М'х-и-и-и-ира... М'и-и-и-и-и-и-и-ира... Имя мне нравится. Хорошее имя. Я исцелю его.

Командор не двинулся с места, зная, что Рукки терпеть не может лапопожатий, объятий и вообще прикосновений.

— Спасибо тебе, Рукки Гарж. Котел с супом для тебя я буду держать на огне день и ночь.

Она оперлась на палку:

— Хах-х, много надо будет супа, много... осенние яблочки падать начнут, тогда готов будет твой Дайна... Дейна.

Командор постарался не показать удивления.

— Да, долго...

— Долго, долго... Стрелу надо убрать, да и картинки его не красят.

Тут удивление Командора прорвалось наружу:

— Как, ты и татуировки уберешь?

— Могу, могу. Я тебе щуку на лапе наколола, помнишь?

— Как же, как же. Давно это было. — Командор посмотрел на свою лапу.

— Могу наколоть, могу убрать. И метку на лапе уберу. Будет порядочным речным псом, а не нечистью.

По указанию Рукки Командор перенес Дейну в ее пещеру и уложил на длинный уступ скалы, устланный мхом. Жилище Рукки напоминало плащ его хозяйки. От пола до потолка пещера сверкала, поблескивала, светилась хрусталем и металлом, янтарем и сердоликом, малахитом и гагатом. Все это великолепие освещали два больших фонаря, наполненных светлячками.

Командор вытащил нож Сони Рата:

— Маленький подарок нашей спасительнице. Тебе, Рукки.

Рукки отпрянула, спрятав лапы под плащ.

— Красивый... Но кровавый... Х-х-х-х, кровавый. Много крови пролил. Не прикоснусь к нему. Воткни в ту стенку.

Командор выбрал место и погрузил лезвие в узкую расщелину.

— Что мне теперь делать?

Старуха отмахнулась от него:

— Убирайся. Иди суп варить. Понадобишься — позову, поможешь. А грубиянов своих шумных держи подальше, подальше. Иди, малец, иди.

Командор еще не успел выйти, а Рукки уже подбросила в очаг трав и корней, от которых повалил беловатый дым. Предводитель выдр поспешил убраться прочь от незнакомых запахов, а Рукки открыла темную лакированную шкатулку и начала подбирать инструменты.

Выдры окружили Командора, чтобы выслушать его распоряжения.

— Рукки говорит, что исцелит Дейну, но только к началу осени, когда начнут падать поздние яблоки. Я остаюсь здесь, суп варить. Блек и Слек, возвращайтесь в аббатство. Филорн успокоите. Ухо держать остро, нечисть может снова нагряться.

Желающих вернуться в Рэдволл было достаточно, и после споров сестры-двойняшки с двумя дюжинами выдр наконец отбыли, а Командор вернулся к пещере Рукки и присел у костра, погруженный в свои мысли.

Уже шесть дней лежала раненая Крегга на горе из тюфяков под портретом Мартина Воителя. Брат Хобен и сестра Алканет вышли из Большого зала на воздух. Алканет зябко спрятала лапы в рукава.

— Шесть дней она сражается за свою жизнь. Невероятно!

Хобен улыбнулся и кивнул:

— Да, нашу Креггу так просто не одолеешь. Она еще оправится.

Сестра Алканет поморщилась:

— Вы все почему-то считаете, что Крегга будет жить вечно. Но бессмертных существ нет на свете. Крегга очень

стара. Кроме того, стрела попала почти в сердце. Уж я-то ее рану видела. К сожалению, ее дни сочтены.

— Уверю вас, сестра, большинство рэдволльцев знают об этом. Жизнь не бесконечна, но надежда теплится, пока продолжается жизнь. И я прошу вас, сестра, не торопиться с разговорами о ее смерти.

Сестра смерила Хобена ледяным взглядом:

— Как хотите, как хотите.

И, гордо выпрямившись, она удалилась своей обычной деревянной походкой.

Мгера и Фавилла устроились на подушках рядом с барсучихой. Крегга чаще всего спала, но Мгера то и дело забегала в Большой зал, чтобы провести матушку-барсучиху и сообщить ей местные новости.

— Знаешь, Крегга, нынче вечером в твою честь готовится маленький праздник.

Фавилла в ужасе прикрыла глаза хвостом:

— Мгера, это же сюрприз, а ты... Что скажет брат Бобб?

— Да я уже знаю, знаю, — усмехнулась Крегга. — Слышала, как Бобб с Броглом меню обсуждали. Я здесь много чего слышу. Вот сейчас, например, к нам пожалует сама чума.

И действительно, не успела Крегга договорить, как в зал ввалились Бурак и Нимбало.

Нимбало быстро освоился в аббатстве и чувствовал себя в Рэдволле как рыба в воде. Он сновал повсюду, появлялся тут и там, помогал на кухне, болтал с Дроггом в погребах, давал советы в саду... А уж с зайцем Нимбало мог день-деньской врать наперегонки. Вот и сейчас Бурак прямо с порога раскрыл рот:

— Приветствуем вас, леди. Не могли противостоять желанию посетить прелестных дам, во!

— Я, стало быть, прелестница, — шепнула Крегга Мгере и Фавилле. — Давайте сразу к делу, меньше болтовни. Говори, Нимбало, я этому вуну не поверю.

Нимбало выгнул грудь колесом:

— Эти двое в кухне, брат Бобб и Брогл. Мы хотим им помочь, а они не разрешают. Выгнали нас, так ведь, приятель?

Бурак звякнул колокольчиками, кивнув головой:

— Точно. Выперли взашей, а за что? Пара горсток каштанов в сахаре, во, чуток фруктового пирога, э-э... Пирог с грибами, миска салата, крошка творогу да...

— Стоп, стоп! — перебила Мгера. — Похоже, вы собирались полностью очистить кладовые. Я бы на месте Бобба вас метлой вымела.

Уши зайца скорбно поникли.

— Во, во! Жестокие слова, жестокое обращение. И мисс Мгера даже не взглянет на то, что мы нашли, ей это не интересно, во. Пошли отсюда, друг.

Фавилла мигом подскочила к зайцу и вцепилась в его ухо:

— Отдай немедленно!

— Ай, ай! Сама отдай, во! Отдай ухо! Ним, отдай ей, выменяй на мое ухо, не то быть мне редким одноухим экземпляром.

Нимбало протянул Мгере полоску выцветшей зеленой ткани.

— Мы обнаружили это на подошве сандалии брата Бобба. Когда он вышиб нас из кухни, это прилипло к моему хвосту.

Мгера пощупала ткань:

— Да, немножко намазано медом. Все остальное то же. Сиренью пахнет. А что написано? РОСНА. Заглавными.

Фавилла выпустила зайца.

— Странное слово. Как будто название какого-то существа. Может быть, одно из многочисленных имен мистера Бурака?

Бурак морщился и тер оскорбленное ухо.

— Нет у меня такого имени, мисс.

Мгера сложила тряпицу и сунула в сумку-набрюшник, к остальным таким же.

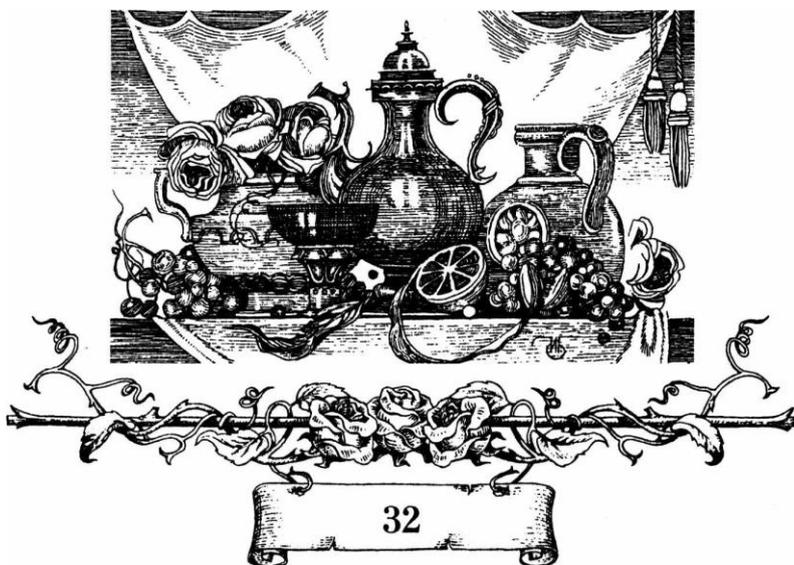
— Мы пытаемся разгадать эту загадку, но пока никак. Иногда аж голова раскалывается, — пожаловалась она.

Крегга протянула громадную лапу и положила ее на голову выдры:

— Мне кажется, что скоро ты ее разгадаешь. А теперь идите-ка вы все на солнышко, а я посплю. Устала я с вами.

Мгера остановилась в дверях и обернулась. Крегга лежала спокойно, опустив голову на подушку. Не было еще случая, чтобы она ошиблась, подумала Мгера. Но когда придет решение?





В Большой зал торжественно внесли большие столы. Один поставили у ног Крегги, два других — с обеих сторон ее постели. Предстоял праздник в ее честь. Перед старой барсучихой поставили ее любимые яства: горячие лепешки, творог, засахаренные фрукты, летний салат. Дрогг с кротона начальницей Брулл и двумя добровольцами, Бураком и Нимбалом, подбирали напитки к столу.

Мгера и Фавилла занимались малышами. Мыльная трава с розовыми лепестками и миндальным маслом наполнила помещение свежим, бодрящим ароматом. Вымытую малышку

обряжали в безукоризненно чистые одежды. Некоторые пугались излишней чистоты и упирались всеми четырьмя лапами. Словом, в Рэдволле царствовала обычная предпраздничная суета.

Вечером колокола Рэдволла пригласили обитатель на праздник. Мгера и Филорн пришли вместе, взявшись за лапы.

— Жаль, что Дейны нет с нами, — вполголоса сказала Мгера матери. — Я его так долго не видела, да и потом только мельком.

— Ничего, у вас еще будет время узнать друг друга. Командору можно верить, он вернется с Дейной. А теперь улыбайся и не расстраивай нашу матушку-барсучиху.

Сестра Алканет содрогнулась от ужаса, услышав какое-то треньканье и бряканье. Бурак и с полдюжины выдр волокли в Большой зал аккордегардию. Сестра фыркнула:

— Неужели вы хотите испортить праздник этой своей адской шарманкой?

— Чарующие звуки небесного инструмента никак не могут испортить праздник, мэм, во...

Когда все расселись и колокола перестали звонить, Бурак вскочил, застучал ложкой по столу и заорал:

— Звери добрые, минуточку молчания-внимания, брат Хобен прочитает благодарственную молитву, во.

Молитва прозвучала в благоговейной тишине, а в конце раздалось дружное и нестройное «Аминь!». Заяц снова застучал ложкой:

— Еще внимание, во! Предлагаю тост в честь матушки-барсучихи нашего аббатства леди Крегги, ради которой мы здесь все и собрались!

Все присутствующие, даже самые маленькие малыши, повскакали с мест и подняли свои бокалы, кубки, кружки, чашки. Казалось, балки рухнут от крика:

— За Креггу!!!

Гундил, распираемый эмоциями, пырнул под стол и подбежал к постели Крегги.

— Хурр-хурр, мы все вас очень любим. Скажете нам что-нибудь?

— Спасибо, Гундил. Всем спасибо, друзья. Да, я хочу вам кое-что сказать, и притом весьма важное. — Незрячие глаза барсучихи, казалось, видят и Гундила, и тех, кто подбежал к ней вслед за ним.

— Мы все обратились в слух, во!

— А ты еще и в уши, — пробормотал Нимбало. В наступившей тишине все его услышали, раздался хохот.

— Спасибо, спасибо, друзья, — продолжала Крегга. — Я прошу вас разойтись по местам и приступить к трапезе. Вы будете есть, а я — говорить.

Все расселись, а Крегга снова заговорила:

— Сезоны аббатисы Песенки закончились еще до того, как родился самый старейший из вас. Мне, как ближайшему своему другу, она завещала заботу об аббатстве и его обитателях. Она предлагала мне стать настоятельницей, но я предпочла подождать, пока появится подходящий кандидат на это место. При этом я не забывала советы мудрой аббатисы Песенки. Наконец мне показалось, что это свершилось. Я наблюдала и проверяла, испытывала и делилась опытом его подготовкой. Никто не может жить вечно, это стало для меня особенно очевидным, когда грудь мою пронзила стрела. И сегодня я предлагаю вам избрать нового настоятеля аббатства.

Тут все, и даже заяц, прекратили жевать.

— Мгера, дочь Филорн, подойди ко мне, пожалуйста.

Мгера поднялась и под аплодисменты, одобрительные выкрики и грохот ложек по столам направилась к Крегге, подталкиваемая и подбодряемая со всех сторон.

— Поздравляю, дорогая! Подумать только, моя дочь — настоятельница Рэдволла!

— Хурр-хурра-а! Матушка Крегга знает, кого выбирать, у нее глаза на верном месте, даром что слепая как крот и даже еще слепее, хурр-хурр-хурр...

Сестра Алканет сунула Мгере в лапы чистый платок:

— Прямее держитесь и никаких слез, барышня. Что ж, на месте Крегги я тоже вас бы выбрала.

Мгера добралась до постели барсучихи, опустилась возле нее на подушку и заплакала:

— Крегга, ты не умрешь?

— Вот еще! Умереть на собственном празднике и оставить этому длинноухому обжоре всю свою вкуснятину? Ты лучше посмотри... — И она вытащила что-то, завернутое в зеленоватую ткань. Она сняла полоски зеленой ткани и отдала их Мгере вместе с небольшой книжечкой, которая под ними скрывалась. — Конец твоей тайне. Все осны-сосны, которые мы с Хоргом не успели спрятать. В книжечке ты можешь прочитать об этом, но лучше оставь на завтра. А сейчас у нас праздник, и я не хочу, чтобы кто-то на нем лил слезы. Ваша новая настоятельница Мгера хочет что-то сказать.

Наступила тишина. И тут раздался писк какого-то малыша:

— Что никогда больше не надо мыться!

Мгера рассмеялась:

— Нет-нет. Давайте веселиться, друзья! Продолжаем праздник!

Крегга выждала, пока затихнет радостный шум, и подняла лапу:

— У меня еще одно краткое сообщение. Испытательный срок мистера Бурака истек, теперь он полноправный житель Рэдловла.

Заяц вскочил с набитым ртом и затараторил:

— Долгий был срок, во! Позвольте по этому случаю исполнить какой-нибудь шедевр на аккордегардии. Что бы вы пожелали услышать, мэм? — спросил он у Крегги. — Балладу, реквием, плач отвергнутого влюбленного...

— Ничего печального, ничего скорбного, — улыбнулась Крегга. — Я бы предпочла услышать... старый боевой марш. Знаешь его, заяц?

Бурак уже крутил колесики и дергал рычаги своего музыкального монстра.

— Знаю ли я его? Я выучил этот марш, сидя на лапах дедушки Бэгската. Вы его помните, конечно. Самый отчаянный и прожорливый заяц Дозорного Отряда.

— Хватит болтать, начинай, — легонько подтолкнула его кротона начальница Брулл.

Заяц рванул струны, дернул рукоятку и ударил в барабан. Из инструмента поднялось облако пыли и вылетели три божьих коровки. И грянул боевой марш.

Гремели барабаны аккордегардии, топали в такт сидящие за столами, а Крегга вспоминала дни молодости. Могучая воительница во главе тысячи зайцев Долгого Дозора... Зоркие глаза ее выслеживали неприятеля и следили за порядком в собственном войске. Не утомляли ее ни долгие дни, ни трудные переходы.

Напевая мелодию марша, шагала она во главе войска рядом с лихими офицерами-командирами. Синее небо, золотое солнце, зеленые долины.

Мгера почувствовала, что лапа барсучихи стала тяжелей. Лицо Крегги оставалось спокойным и мирным, на нем еще жила улыбка. Бурак закончил пение и раскланивался во все стороны под аплодисменты, выкрики слушателей и шипение своей затихающей музыкальной машины. Сестра Алканет почуяла неладное и заспешила к постели барсучихи.

— Заснула? — тревожным шепотом спросила она у Мгеры.

Мгера осторожно прикоснулась к незрячим глазам, опустив их веки.

— Да, сестра. Наша матушка-барсучиха заснула вечным сном.

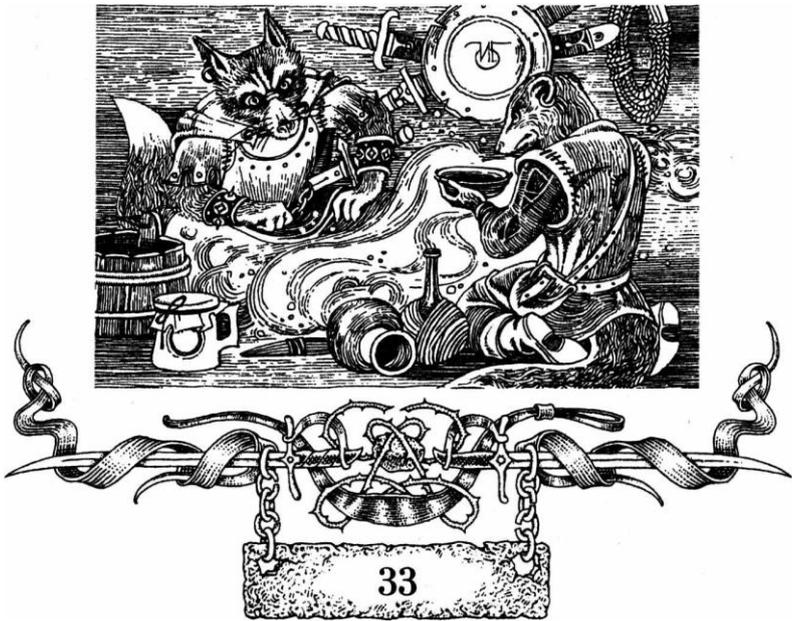
В глазах Алканет появились слезы. Мгера сжала ее лапу:

— Крепитесь, сестра. Выплачемся позже. Продолжим праздник в ее честь. Выше голову, улыбайтесь!

Сестра Алканет отошла к Филорн.

— Воистину, ваша дочь — прирожденная настоятельница аббатства.





Нрувен продвигался на юг между дюнами, сквозь начинавшую таять в солнечных лучах дымку. Справа шумели бьющиеся о берег волны. По неизвестной ему причине лагерь Юсказанн опустел. Стая двинулась на юг, как ему удалось определить после длительного рыскания по береговому пляжу и между дюнами.

Припасы подошли к концу, но пищу всегда можно раздобыть. Вот, например, довелось позавтракать из мышиного котла. Недавно он заметил, как семейство мышей готовит пищу у подножия песчаного холма. Несколько энергичных

прыжков на вершине было достаточно, чтобы склон холма пополз вниз и похоронил под собою нахальных грызунов. Отдохнув часок, Грувен спустился и закусил тем, что не испортил песчаный оползень.

Следя за восходящим светилом, Грувен еще раз повторил в уме историю, которую собирался рассказать в стае. Ладная получилась история, не придерешься. Потом отрепетировал праведный гнев по случаю смены лагеря. Надо будет найти виновных и истребить их безо всякого снисхождения, чтобы укрепить свой авторитет вождя... Грувен Занн Юсказанн!

Он вышел из дюн и зашагал по твердому береговому песку, укатанному морскими волнами. Можно было оставить след. Он уже уверился в том, что шли они вдоль берега. Скоро, должно быть, покажется дым от лагерных костров. К полудню Грувен устал, выдохся. Вернувшись в дюны, он нашел уголок поукромнее и безмятежно заснул.

Выспаться вволю, однако, не удалось. Разбудил его грубый пинок в бок. Кто-то бесцеремонно выдрал из-за пояса меч. Ужас сковал лапы и перехватил горло, пришлось напрячь все оставшиеся силы, чтобы огрызнуться:

— Что такое? Кто такие?

Крупная ласка-самка еще раз пнула его и, не удостоив ответом, приказала:

— Заткнись и поднимай свою задницу.

Среди задержавших его Грувен узнал крысу Веррула. Татуировка на его морде изменилась. На знакомый узор легли зеленые волнистые линии, а на каждой щеке красовался желтый кружок. Грувен облегченно вздохнул:

— Веррул, приятель, что тут происходит? Мы же с тобой одной стаи, оба Юсказанн!

Веррул дернул веревку, которой обмотали лапы Грувена. Не глядя на бывшего вождя, он проворчал:

— Нет больше никаких Юсказанн. Мы все вошли в Юскабор. Живей, пошевеливайся!

Ласка, которую звали Грузла, больно ткнула Грувена в спину:

— Ты, видно, глухой. Я больше повторять не буду. Заткнись, или прирежу. Говорить будешь у вождя.

Уже к вечеру изможденного Грувена довели до нового лагеря. Он сразу заметил, что палаток примерно вчетверо больше, чем на прежней стоянке. Народу, стало быть, около трех сотен. Встречались знакомые лица, все с новой татуировкой, как у Веррула. Число лис сильно возросло. Грузла остановилась перед большой палаткой, разрисованной разноцветными фигурами. Она сшибла Грувена с ног, ткнув его мордой в песок.

— Следите, чтоб не дергался.

Она исчезла в палатке и вскоре вернулась. Еще через некоторое время входной полог палатки откинулся, и вышли трое. Грувен сразу узнал Гриссу. Еще одна такая же сухая старая лисица явно была ясновидящей. Плащ, кости, сумка, ожерелья... Грувен скользнул по жрицам взглядом и уставился на третьего. Крупный лис с неуловимым выражением физиономии и жесткими золотыми глазами убийцы возглавлял группу и возглавлял стаю. Это Грувен понял сразу, несмотря на простое одеяние лиса. На нем была короткая черная плащ-накидка, на бедрах болталась юбка-килт, тоже черного цвета. Юбку придерживал пояс, скрепленный цепью, на поясе сабля. Роган Бор мельком глянул на Грувена и повернул голову к Гриссе:

— Это преемник Сони Рата?

— Да, о вождь, — с почтительным поклоном подтвердила Грисса. — Это горноста́й Грувен Занн, поклявшийся убить Тагеранга.

— Развязать, вернуть оружие, — бросил вождь, ни к кому не обращаясь.

Грузла мгновенно бросилась к Грувену, заторопились и трое стоявших рядом с ним. Все здесь знали свое место и знали, что и когда делать.

Грувен понял, что сразу его не убьют. Значит, надо укреплять свои позиции. Без изрядной доли блефа это невозможно. Очевидно, Роган Бор решил, что перед ним воин. И Грувен мужественно сузил глаза, расправил плечи и встал, опершись на меч. Рта он, однако, не раскрывал. Инстинкт самосохранения подсказал ему, что с Роганом Бором шутки плохи. Золотистый лис оглядел Грувена с головы до пят:

— Сын Антигры?

— Д-да, — почему-то запнувшись, ответил Грувен.

Лапа Рогана Бора покоилась на рукояти сабли.

— Я Роган Бор Юскабор, вождь южных берегов. Я присоединил Юсказанн к своей стае, к Юскабору. Антигра, твоя мать, взбунтовалась против меня. Я убил ее.

Грувену стало неудобно от равнодушного тона, которым продолжал речь Роган Бор.

— Хочешь ли ты, Грувен Занн, отомстить за смерть матери? Меч при тебе, ты свободен. Ты можешь вызвать меня на поединок здесь и сейчас.

Нервы Грувена натянулись до предела. Он понимал, что, подняв меч, сразу превратится в покойника. Но безумная надежда стать хоть когда-нибудь вождем стаи придавала решительности. И он выкинул козырную карту, надеясь произвести впечатление на лиса-воина.

— Меня зовут теперь Грувен Занн Тагеранг. Восемь воинов покинули со мной лагерь. Вернулся я один. И я убил Тагеранга.

Роган повернулся к своей жрице:

— Эрма, что скажешь об этом?

— Ничего, повелитель. Я не вижу признаков смерти Тагеранга.

Горящие золотые глаза сверлили теперь Грису.

— А ты?

— Ничего, о вождь, — потушилась Грисса. — Знамения молчат об этом. Кто знает...

— Я знаю! — выкрикнул Грувен, — Я знаю, потому что я теперь Тагеранг. Я убил его и принял его имя.

Грисса чувствовала себя между двух огней. Она была почти уверена, что Грувен врет. Почти. А вдруг... Но на чьей стороне сила, она видела ясно.

— Грувен Занн, ты поклялся принести в лагерь голову Тагеранга. Где она? — спросила Грисса.

Грувен усмехнулся. Ответ на этот вопрос он много раз репетировал.

— Погода жаркая. Сколько можно по такой жаре таскать с собой дохлятину? Я донес ее до старого лагеря, но там пришлось выкинуть.

В порыве справедливого возмущения Грувен повернулся к Рогану Бору.

— Слово воина Юска! Я убил Тагеранга этим мечом.

Золотые глаза спокойно смотрят на Грувена. Физиономия вождя ничего не выражает. Лапа все еще на рукояти сабли.

— Слышу, Грувен Занн. Но не слышу ответа на первый вопрос: вызываешь ли ты меня на поединок, чтобы отомстить за смерть матери и занять место вождя?

Чтобы сохранить голову и шансы на место вождя, приходилось соображать быстро.

— Мы оба могучие воины, — откликнулся Грувен. — Стая ничего не выиграет, если лишится одного из нас. Когда вы все поймете, что я Тагеранг, стая примет решение.

Роган Бор повернулся к Грузле:

— Возьми шестерых, поставь Грувену палатку. Кормить, охранять.

Уже отвернувшись, чтобы уходить, бросил Грувену:

— Приглашаю завтра к завтраку, Грувен Занн. Там и побеседуем.

Грувен сидел в своей палатке и жевал жареную птицу, запивая ячменным вином. Пища высшего качества! Кто он, почетный гость или пленник? Почетный караул у его палатки или тюремные надзиратели?

Роган Бор задал работу своим жрицам. Он наблюдал, как они мечут кости, жгут в костре перья, перебирают четки. Спокойно ждал, спокойно выслушал сообщения.

— Ничего нового, повелитель. Сплошной туман.

— Да, о вождь, но время обнажит истину.

Золотистый лис не возражал.

— Время покажет, верно, по терпеть этого лицемера здесь... Он наверняка затеет заговор за моей спиной. Если он убил Тагеранга, почему он не вызвал меня? Я убил его мать, занял его место. Если бы я был на его месте, он бы уже кормил морских рыб. Ладно. Свободны. Я сам подумую.

Утренняя заря заползала на небо. Роган Бор сидел перед угольками костра в своей палатке. Он прищурил глаз и уставился в спину часового у палатки. Постовой обернулся и отсалютовал копьём.

— Слушаю, вождь!

— Повар пусть несет завтрак для двоих. Грувена сюда.

Грувен привык спать долго, он еще зевал, появившись в палатке Рогана. Не выказывая презрения к лентяю, вождь кивнул:

— Сядь, Грувен Занн. Ешь и отвечай на мои вопросы. Правду говори.

Грувен принялся за кашу с морскими раковинами, приготовившись врать напрапалую.

Роган вообще к еде не прикоснулся.

— Где ты убил Тагеранга? Назови место.

— У старого лагеря.

— Но ты говорил, что голову туда принес. Откуда?

Грувен принялся долго и медленно запивать еду, обдумывая ответ.

— Ну да. У старого лагеря я его выследил. Шел за ним три дня. Убил и вернулся к старому лагерю, посмотреть, может, кто вернулся. Никого там не оказалось, и я выкинул голову.

— Ну-ну. Потом обнаружил наши следы и пошел по ним. А почему не заметил этих следов раньше?

— А, да... — Грувен проклинал себя за ошибку, лихорадочно ища ответ. — Ну, я ведь не кого-нибудь выслеживал, а Тагеранга. Остальное тут забудешь, пожалуй.

— Пожалуй. Ладно, наелись, пошли.

— Куда? — удивился Грувен.

— В старый лагерь. Голову искать.

Недожеванная пища во рту Гривена как будто превратилась в золу. Он едва нашел в себе силы кивнуть.

Оставив на месте охрану, Роган Бор повел стаю в старый лагерь. Грувен шел под надежной охраной. Точнее, его вели.





В прекрасным осенним утром Хорг и Хобен работали в Большом зале. Они ремонтировали окна, разбитые камнями осаждавшей аббатство нечисти. Хорг придерживал стремянку, а брат Хобен вставлял в витраж тщательно подобранный и подрезанный кусок хрусталя и заполнял шов свинцом. Закончив работу, они сложили стремянку и подмели осколки.

Из кухни прискакали Брогл и Фавилла. Они помахали старикам лапами:

— Привет!

Старик Хорг тоже замахал им лапой.

— Если вы наружу, не хлопайте дверь. Дайте окну осесть.

Белки осторожно закрыли дверь и понеслись в сад.

— Смотри, красота какая! — восторгалась Фавилла. — Золотые и красные листья, желтые груши, розовые яблоки. А вон аббатиса. Мгера, привет!

Мгера стояла возле яблони позднего сорта с несколькими малышами. Она помахала лапой друзьям, а малыши не отрывали глаз от дерева. Только Трей прижал лапу к губам:

— Ш-ш-ш! Мать-настоятельница Мгера велела не прыгать и не топтать. Яблоки сами должны падать, когда созреют.

Фавилла и Брогл подошли к группе.

— Это игра? — спросила Фавилла у Фигл. — А нам можно?

Фигл кивнула.

— Кто увидит, как падает яблоко, получит приз.

В этот момент яблоко сорвалось с дерева и упало Броглу на макушку.

— Я увидел, я, я! — завопил ежонок Вегг.

— А я почувствовал, — потер голову Брогл.

Мгера чуть не опрокинула Фавиллу и весьма несolidно для матери-настоятельницы понеслась к дверям аббатства.

— Мама, мама! Падают! Падают! — кричала она на бегу.

За ней, смеясь, крича и толкаясь, побежали малыши.

Первой в кухню ворвалась Мгера. Она с трудом удержала равновесие. Филорн подхватила ее, но их обеих чуть не сшибли с ног ворвавшиеся за Мгерой малыши.

Трей вскарабкался на лапы Мгере, перескочил к Филорн и завопил:

— Филорн, мэ, осенние яблоки падают!

Мгера поддержала Филорн, но Трей по инерции сорвался и плюхнулся головой в пирог.

— Хорош, хорош, — приговаривал брат Бобб, под смех малышни выжывая ежонка из пирога.

Блек и Слек плескались в пруду. Заметив приближение Филорн и Мгеры, они вылезли на берег и вежливо махнули хвостами.

— Осенние яблоки начали падать, я сама видела, — сообщила Мгера. — Что нужно делать?

— Только ждать, — вздохнула Слек, — Мы будем следить со стены, не сомневайся. А ты занимайся своими делами. Как что заметим, сразу дадим вам знать.

— Спасибо, Слек, но мы пойдем на стену с вами.

— Не надо этого делать, — возразила Блек. — Командор вряд ли нас за это похвалит. Стену уж оставь нам.

— Командора я беру на себя, — заверила Мгера, — Мы идем с вами. Мама, скажи Фавилле, чтобы нам туда носили еду, и попроси кротона начальницу прислать одеяла для всех.

Одеяла на крепостную стену принес Гундил. Он вручил Мгере мягкое розовое.

— Хурр, мать-настоятельница, это для тебя. Я уж тут побуду с вами.

— Спасибо, Гундил. Извини, что у меня в последнее время для тебя остается так мало времени.

Гундил потерял голову об ее лапу:

— Хурр-хурр, дела аббатства, понятно, понятно. Ничего, потом легче будет и время найдется.

Мгера хлопнула лапой по одеялу, приглашая крота сесть рядом.

— Вот уже немножко нашлось. Что это у тебя?

Гундил вытащил книжку аббатисы Песенки, завернутую зелеными полосками.

— Хурр, плохо у меня с чтением, мать-аббатиса. А послушать люблю. Кроты любят слушать, когда им читают, хурр.

Мгера сняла полоски с книги.

— Откуда начнем чтение? И перестань называть меня матерью. Мгерой меня зовут, ты ведь не забыл?

— Не-ет, не забыл, — расплылся Гундил в улыбке, — С начала начнем, хурр.

И Мгера прочла первую строку:

— «Я, Песенка, мать-настоятельница аббатства Рэдволл, оставляю эти записки для того, кто займет мой пост после меня.

Скромность — обязательное свойство настоятеля аббатства;

терпение — обязательное свойство настоятеля аббатства;

мудрость — обязательное свойство настоятеля аббатства;

понимание — обязательное свойство настоятеля аббатства;

доброта — обязательное свойство настоятеля аббатства;

сила — обязательное свойство настоятеля аббатства...»

Мгера хлопнула по непробиваемому рабочему когтю крота.

— Вот они все, эти основные «осны». А дальше — смелость, сочувствие, справедливость, решимость... список длинный, все читать?

Гундил в ответ царапнул лапу Мгеры — нежно, чтобы не повредить.

— Ххурр... только последнюю строчку. Она мне больше всех нравится.

Мгера заглянула в самый конец.

— «Я выбираю в настоятельницы Мгеру», — прочитала она каракули, резко отличающиеся от аккуратного почерка Песенки.

Со своего наблюдательного поста они хорошо видели надгробие Крегги. Мгера посмотрела туда.

— Представь себе, сколько усилий приложила Крегга, чтобы это написать. Смотри... — Она выбрала одну из полосок. Тем же почерком написанные буквы ЯВВНМ. — Эту полоску я должна была найти последней... Не плачь, друг, Крегге бы это не понравилось.

— Но Крегга такое чудесное существо... Хурр. Жаль, что ее больше нет с нами.

Рукки Гарж и Командор сидели рядышком на берегу. Целительница стукнула суковатой палкой по валуну.

— Хах-х, Дейна, зверь здоровый, здесь, здесь сядь.

Дейна повиновался и терпеливо сидел, пока она скребла и мяла его физиономию.

— Ну, малец, — обратилась она к Командору, — глянь теперь.

Командор посмотрел на морду Дейны, протер глаза, снова посмотрел. Схватил его голову двумя лапами, ощупал, обнюхал...

— Рукки, королева, не поверил бы, если б не увидел. Ни следа ведь не осталось, ни отметинки! Это чудо!

— Хи-и, хи-и... — Древняя старуха застеснялась, как девочка. — А покажи нам, где у тебя родинка была, Дейна.

Дейна протянул Командору правую лапу. Лапа как лапа, никаких отметок, вся темная.

— Но ведь... — Командор поскреб хвост, — Чтоб мои усы утонули, вот ведь, а?! Дейна, друг, как это она сделала, а?

Бывший Тагеранг и сам смотрел на свою лапу, как будто ее впервые увидел.

— Не знаю, Командор. Я ведь спал почти все время. Но когда не спал, жгло как огнем, и лапу и морду.

Рукки хлопнула его по лапе палкой.

— Хах-х, зато теперь не болит.

— Совсем не болит! — И Дейна с силой хлопнул лапами.

Старая колдунья треснула Дейну палкой в грудь, туда, куда вошла стрела. Дейна даже не дрогнул.

— Никаких заплат, все новое, — похвасталась старуха-целительница. Она указала палкой на валун: — Вон тот.

Дейна обхватил валун лапами и легко зашвырнул на середину потока. Брызги упали на сидящих на берегу. Рукки вытерла морду и указала на воду:

— Положи на место.

Дейна нырнул и появился с валуном.

— Хах-х, сильный, сильный речной пес.

Она велела Дейне присесть рядом. Командор одобрительно хлопнул его по плечу:

— Ведь расскажешь — не поверят!

— Спасибо, Рукки, ты спасла мне жизнь! — Растроганный Дейна полез к целительнице с объятиями.

Она встретила его палкой:

— Не прикасайся ко мне! Никто не смеет до меня до-трагиваться. Иди в пещеру, вытащи из стены свой нож и проваливай.

Обиженный Дейна стоял, опустив голову и лапы. Вредная старуха похлопала его по хвосту палкой:

— Хи-хи-хи-их-х-х! Но возвращайся, когда научишься варить суп лучше, чем Командор. Рукки тогда рада будет тебя увидеть.

Два дня и три ночи держали вахту на крепостной стене сестры-выдры Слек и Блок, Филорн с Мгерой. Иной раз все население толпилось на стене, за исключением

брата Бобба и поваров, занятых на кухне. Здесь пели песни и слушали легенды, здесь делились новостями и играли дети. Малышне не смог испортить настроения даже строгий надзор сестры Алканет, настоявшей на том, чтобы детишек связали веревкой. Иначе обязательно свалятся, уверяла Алканет.

Последнюю вахту третьей ночи несли Фавилла, Брогл, Филорн и Бурак. Они сидели у огня, завернувшись в одеяла, и негромко беседовали. Беспокойный Бурак вылезался сходить помочь на кухне, но его не пустили.

— Ну и тьфу на вашу кухню. Этот старый пузан Бобб душу вытрясет, пока там надрываешься, хвост отъест, во. Того не трогай, этого не касайся, отойди от пирожков, не подходи к пудингу... Когда наконец жрать принесут, во-во-во? Брюхо возмущается, гудит и стонет, мочи нет терпеть!

Где-то защебетала первая птаха, ночной туман становился все реже. Фавилла плотнее завернулась в одеяло и пересела ближе к огню.

— Странные ощущения вызывает этот ночной туман здесь, на крепостной стене.

Брогл зевнул:

— Да, меня от этого тумана как-то развозит.

Бурак фыркнул:

— Не-е, ребята, не видали вы тумана. Вот я раз попал в гороховый суп, хоть ножом разрежай, во!

Появился Нимбало, завернутый в одеяло, напоминающий крохотное привидение.

— Ха, вы в горном тумане не плутали. Оглянешься — так даже своего хвоста не видишь, а вперед смотришь — носа не видать. Такой густой был туман, что в нем лягушки плавали.

Из-за Нимбало послышался еще один голос:

— Горные туманы — всего лишь дымки по сравнению с добрым болотным туманом. Из иного болотного тумана можно накрыть одеял для моих больничных коек.

К удивлению сидящих, у огня из ночной мглы выплыла улыбающаяся сестра Алканет.

— Ха-ха-ха! Здорово придумано! Одеяла для больницы! Ха-ха-ха!

Филорн распахнула свое одеяло, приглашая Алканет согреться.

Шаркающей походкой приблизилась кротона начальница Брулл. Туман оседал на шерсть капельками воды. Они причудливо сверкали, освещенные языками пламени.

— Хурр, солнце скоро, скоро. Туман рассеивается.

И вот настало утро. Мгера подошла к стоящей между зубцами стены Блек.

— Когда же наконец вернется Дейна?

Блек перехватила дротик и повернулась к настоятельнице:

— Трудно сказать. Яблоки посыпались, верно, но они еще долго падать будут. Рукки Гарж дня не назвала. Придется потерпеть. Ты бы лучше отдохнула. Усталый у тебя вид.

— Что бы я не сделала, чтобы ускорить этот день!

— Можно попробовать, — произнес кто-то совсем рядом.

Мгера обернулась. Неслышно подошел Хорг.

— Как? — удивленно спросила Мгера.

— Путеводной песней. Когда я был маленьким, мы, бывало, влезали на стену и пели, чтобы наши путешественники поскорее вернулись живыми и невредимыми.

Блек и Свек согласно закивали:

— Да, мы тоже об этом слышали.

— Командор говорил, что помогает. Надо бы попробовать. Мы споем, а вы все будете подтягивать.

Мгера улыбнулась:

— Отличная идея.

Она прочистила горло и крикнула:

— Слушайте все! Обитатели аббатства, давайте споем путеводную песню для Дейны, чтобы он скорее вернулся домой!

Все воодушевленно выразили согласие. Лишь Бурак недовольно забубнил:

— Что за ерунда! Мой желудок всю ночь пел, чтобы к нему жратва пришла, и ничего, во. А теперь, когда наконец можно ему хоть чуть помочь, придется оставить завтрак и петь песенки парню, который их даже и не услышит.

— Сэр, — обратилась к зайцу Мгера, подражая ледяным интонациям сестры Алканет, — вы можете поступать, как вам заблагорассудится. Но если вы не присоединитесь к хору, вход на кухню будет для вас закрыт навсегда. Брат Бобб, примите мое указание к сведению.

— Будет исполнено, мэм! — с жаром откликнулся старший повар.

Заяц оставил завтрак.

— Ладно, ладно, шантажисты проклятые... Я хотел сказать, прекрасное утро для веселеньких куплетиков. Давайте, давайте споем поскорее, чего ждем, во?

Блек и Свек выстроили выдр на стене. Они пошущукались и прокашлялись, раза два перестроились и дружно грянули превесельтй марш:

Гляди, как солнце ярко горит над головой!
Когда же ты вернешься домой? Домой! Домой!

Уже ложатся тени, а я желаю, чтоб
Скорей раздался топот лап. Топ! Топ! Топ!

А если будут тучи, то есть фонарь у нас,
И я тебя увижу. Раз! Два! Раз!

Скорее, барабанный бой, сверни за поворот!
Ты помнишь ли, что мама стоит и ждет? Ждет!

Вьются ли знамена, славные в бою?
Слышишь ли, как я стою и песню пою?

А если будут тучи, то есть фонарь у нас,
И я тебя увижу. Раз! Два! Раз!

Тучи, расходитесь! Прочь! Прочь, мрак!
Миленький, скорей домой! Шире шаг!

Бабушка, готовь постель! Чайник на плиту!
Песенка кончается! Я жду! Жду! Жду!

А если будут тучи, то есть фонарь у нас,
И я тебя увижу. Раз! Два! Раз!

Песня всем так понравилась, что ее повторили. Подпевали и малыши, топая в такт. Во время третьего исполнения Нимбало вдруг вскарабкался на плечо Бураку и что-то ему зашептал, указывая на юг, туда, где тропа исчезала в лесу. Филорн заметила это и дернула за лапу Блек. Та остановила поющих и громогласно провозгласила:

— Там, на тропе! Сюда идут! Песня сработала!

Бурак ссадил Нимбало с плеча и заорал:

— Ну, чего замолкли, солисты и хористы? А застыли чего? Не ломайте магию! Хорг, ворота нараспашку, живо! Все марш вниз, в колонну, встречать пойдем, во, во!

Заяц исчез в сторожке и мигом появился с самодельным знаменем. Он примотал старую скатерть Хорга к шесту и размахивал ею над головой.

Идущие к аббатству выдры заметили встречную колонну и ускорили шаг, потом, потеряв терпение, побежали.

Бурак размахивал знаменем и выкрикивал команды:

— Гляньте-ка на них! Ха, мы еще посмотрим, кто кого первый встретит, во! Бросай полевые кухни! Вперед, в атаку! Кровь и клочья! Еулалиа-а-а-а!

Толпа ринулась вперед, Бурака сшибли в канаву. Но даже самые быстроногие не смогли догнать Мгеру и Филорн. А от бегущей с юга колонны выдр оторвалась крупная стремительная фигура, казалось, опережавшая ветер. Лапы колотили тропу, вздымая клубы пыли.

— Дейна-а-а-а-а-а!

Он схватил обеих и, сжав в объятиях, оторвал от земли. Тут в них врзался Нимбало, свалив с ног. Подбежали с обеих сторон встречающие и вернувшиеся, обступили трепыхающихся в пыли Дейну, Мгеру, Филорн и Нимбало. Раздался дружный, долго не умолкавший смех, заразительный хохот. Хохотали до слез, пугая пролетавших над ними птиц.

Дейна, сын Риллфлага, вернулся домой.





Очень неуютно чувствовал себя Грувен. Конечно, как и любой трусливый лжец, он убеждал себя, что сможет выпутаться из любой ситуации и достичь всего на свете. Потеря матери не слишком его удручала. Мать вечно донимала упреками, понуканиями, советами. Без нее проще. Плохо, что золотистый лис отнял у него стаю. Но как ее вернуть? Грувен панически боялся Рогана. Таких зверей он еще не встречал. Лис никогда не проявлял обычных для живого существа чувств: удивления, страха, гнева или радости. Никто не видел его улыбки, не слышал гневного окрика. Золотые глаза его, казалось, читали мысли.

Встретившись с ним взглядом, Грувен сразу же отводил глаза. При мысли об этом бесстрашном воине и беспощадном убийце у Грувена кровь застывала в жилах.

Стая маршировала к старому лагерю. Весь день на ногах, простая грубая пицца, полное вооружение. Но никто не отставал и не жаловался. Роган Бор шагал во главе колонны, ни с кем не разговаривал, лишь отдавал приказания, выслушивал донесения и изредка советовался со своими жрицами. Грувен попытался было возмущаться, но поджарая лисица тут же накинула на него петлю и грубо прикрикнула:

— Пошевеливайся, не то мы тебе поможем.

— Ты смеешь так поступать с Тагерангом? Да я эту веревку вмиг перегрызу. У меня зубы что ножи, — попробовал огрызнуться Грувен и тут же почувствовал, что в спину ему уперлось острое копьё.

— И сразу получишь новый деревянный спинной хребет, — сообщила топающая сзади крыса. — Заткни пасть и шевели лапами.

Грувен обернулся и плюнул крысе под ноги:

— Я тебя запомню, крыса. И ты запомни мое имя: Грувен Занн Тагеранг. А копьё твоё мне что зубочистка.

Мускулистый хорь, шедший рядом с Грувеном, больно двинул ему локтем в ребра:

— Зубов для зубочисток не оставлю, понял? Заткнись!

Грувен остановился, уперся лапами в песок и завопил:

— Хватит! Я хочу говорить с Роганом Бором!

Он не понял, откуда пришел удар, но мысли помутились, в глазах запрыгали искры.

— Зато он не хочет с тобой говорить, — донеслось откуда-то издалека. — Шевелись!

Вечером на привале Грувена привязали к дереву. Охрана расселась вокруг, мрачно следя за своим подопеч-

ным. Кто-то сунул ему миску. В мутноватой воде плавала раскисшая корка ячменного хлеба.

— Жри и дрыхни, на заре снова топать!

Грувен быстро проглотил, что ему дали, свернулся калачиком. В уме он перебирал варианты объяснений, плел паутину вранья. Куда делась голова убитого Тагеранга? Может, ее унес поток, она уже в море, голова. Рыбы съели. А где тело? Конечно, ему зададут такой вопрос. Надо бы «вспомнить», да побыстрее... Скоро уж и старый лагерь. Ах, тело? Да, конечно! Он бросил его в болото. В то самое болото, в котором утопил Спипогрыза. Ха-ха! Что, взяли? То-то же! Попробуй перехитрить Грувена Занна Тагеранга, сковородная морда! Тоже, вождь называется... Да ты и в подметки не годишься Грувену великому, ужасному и хитроумному. Он их еще всех перехитрит, как перехитрил и победил Ифиру и Волога...

Грувен, конечно, не знал, что дергается и бормочет во сне.

— Что значит «не убивал»?.. Все мертвы, один я остался... Да, я прикончил его...

— Боевой какой, — процедила сквозь зубы лисица. И презрительно добавила: — Болтун.

— Да, всех поубивал, и вас тоже. Совсем один остался, — изумился хорь.

— Во сне, — подняла глаза крыса, точившая камушком копые. — Такие трусы всегда во сне всех убивают, направо и налево.

В лагере горел лишь один костер. Его зажгли жрицы. Роган Бор сидел рядом, наблюдая, как старые лисицы бросают кости и камушки, сжигают перья и порошки. И бормочут, бормочут не переставая, толкуют знамения, объясняют сочетания. И все объяснения должны понравиться вождю. Лис слушал, слушал и вдруг перебил:

— Ну-ка повтори!

— Разве лис не родня волку? — забормотала Эрма чуть громче.

— Никто не сравнится с лисом в ловкости, хитрости, свирепости. В нем течет кровь великого Вулпаза, правителя Врат Ада.

Роган Бор поморщился. Это он уже слышал.

— Грисса, что скажешь?

Грисса, не отрывая взгляда от только что брошенных костей, продекламировала:

Тагеранга взявший имя,
Правь над слугами своими!
Рэдволл... Колокольный звон...
Бойся! Бойся! Страшен он...

— И что это значит? Скажи мне, — потребовал Роган Бор.

Грисса еще ниже нагнулась над рассыпанными костями. Она как будто не слышала вопроса вождя. Роган и раньше видел, как провидцы впадали в транс, поэтому снова обратился к Гриссе:

— Повтори и объясни.

Эрма не слишком жаловала новую жрицу. Грисса оттеснила ее, все чаще склоняя к себе ухо Рогана. Подойдя к Гриссе, Эрма трянула ее за плечо и приказала:

— Говори! Вождь обращается к тебе.

Грисса вместо ответа клюнула носом и свалилась на разбросанные кости, смешав их.

— Повелитель, она умерла! — с дрожью в голосе воскликнула Эрма.

Роган приподнял саблей голову покойницы и снова уронил ее.

— Старуха. Умерла от старости. А что она сказала, ты понимаешь? Хотя бы слова помнишь?

Эрма сжалась:

— Нет, повелитель. Видения одного жреца недоступны другому. Кто знает, что увидела она, стоя на пороге Адских Врат, где правит...

Роган отмахнулся от нее и улегся на отдых.

— Скажи, чтобы ее похоронили. Ничего она не увидела. Бред умирающего ничего не значит. Отдыхать.

Наутро Роган Бор уже не помнил ни о Гриссе, ни о ее предсмертном бормотании.

К старому лагерю они вышли через четыре дня, утром, орошаемые моросящим дождем. Под укрытием дюн развели костры, повара начали готовить горячую пищу. Роган Бор огляделся. Он вытащил саблю и приказал:

— Горностая Грувена ко мне.

Грувена привели на веревке. Он понимал, что вести себя следует осторожно, но попытался сохранить достоинство.

— А, Роган, давно хочу тебя увидеть. Да, отсюда я вышел простым воином, а вернулся Тагерангом... — Под взглядом Рогана Бора голос его сразу потерял звучность.

— Голова, — напомнил Роган Бор, — Мне нужна голова.

Грувен сделал еще одну попытку.

— Я — Грувен Занн Тагеранг. Я протестую против такого обращения. Я не буду отвечать, пока связан.

Свистнула сабля, Грувен лишился половины усов с левой стороны. Не меняя выражения лица, Роган Бор пообещал:

— Не будет головы Тагеранга, займись твоей. Следующими будут уши.

Испуганный Грувен опустил на песок и заплакал как малое дитя:

— Я бросил ее в поток.

— Какой поток? Здесь нет ничего текущего. Но кровь твоя сейчас вся может хлынуть потоком.

— Там, там, в лесу!

— В каком лесу?

— Там, там! — Грувен замотал головой в северо-восточном направлении.

— А тело? Что сделал с телом?

Грувена вдруг разобрал смех. Он уставился в глаза Рогану и истерически хихикал и всхлипывал:

— В болото! Все в болото! Хи-хи-хи-хи! Башку в болото, труп в трясину, хи-хи-хи-хи! Все и навсегда! Ха-ха-ха-ха!

— Поставьте эту жабу на ноги, — приказал Роган. — Пусть покажет болото.

Дождь прекратился, выглянуло солнце, засвиристели птицы. В лес звери вступили широкой цепью, направляясь на поиски болота. Роган держался сзади, удерживая при себе Грувена и приставленную к нему охрану.

Вскоре из чащи вернулся запыхавшийся молодой лис.

— Мы нашли болото. Большое болото. Сначала только ящерицы да лягушки попадались, потом наткнулись на сумасшедшего горностаю. Сейчас его доставят сюда.

— Хо-хо, у нас теперь два сумасшедших горностаю, — шепнула крыса из охраны Грувена хорю.

Крыса замолкла, когда по ней скользнул взгляд Рогана. Взгляд остановился на Грувене.

— Что за горностаю? — спросил Роган.

— Все мертвы, все, все, — мрачно бубнил Грувен. — Я всех перебил. Всех и навеки.

Роган услышал шаги приближающихся с пойманным горностаем, но не обернулся. Он пристально смотрел на Грувена. За его спиной раздался голос:

— Вождь, у этого горностаю с головой не все в порядке.

Глаза Гривена расширились от ужаса.

— Спиногрыз? Уйди! Ты труп! Говорю тебе, ты труп!

Упитанный Спиногрыз на покойника похож не был. На болоте в изобилии водилась всякая съедобная мелочь. Но рассудок его явно был не в порядке, о чем свидетельствовали блуждающие глаза и мутный взгляд. Он склонил голову набок и показал Гривену язык. Потом повернулся к Рогану Бору и сказал ему вполголоса, как бы по секрету:

— Этот вот воображает, что он меня угробил. Думал, что утопил старика Спиногрыза в болоте. Хо-хо-хо! Чуть не утоп, верно. Ветка! Хорошая, добрая ветка... Два дня держала меня, тянула и вытянула. Помаленьку, помаленьку... Хо-хо-хо! Во как я его надул. Ты, Гривен, мне больше не друг. А вы не будете толкать меня в болото?

— Конечно нет, друг мой. — Роган дал знак, и Спиногрыза тут же развязали. — Присядь поудобнее, сейчас тебе принесут чего-нибудь вкусненького и бутылку смородиновки. Посидим, потолкуем.

Спиногрыз ловко схватил лапу Рогана и чмокнул ее.

— Смородиновка! Да снизойдут на вас многие сезоны! Потолкуем? Все, что знаю, скажу такому доброму господину.

Гривен подумывал, не рвануть ли ему в кусты, но спилу неприятно щекотало острие копыта крысы, а дротик мускулистого хоря маячил в верхушке от живота. И еще острее казались глаза шестерых охранников.

Спиногрыз жадно поглощал пищу, какой давно не видел, отрывал ломти теплого свежее испеченного хлеба, терзал жареного голубя, запивая изрядными глотками смородинового вина. Роган ободряюще похлопал его по плечу:

— Ты ветеран старой стаи, вижу по расцветке. Ешь, ешь, у нас много пищи. А потом расскажешь мне о Гривене. Как он убил Тагеранга.

Полупережеванная каша из пищи и вина брызнула изо рта Спиногрыза.

— Хо-хо-хо-хо! Он убил Тагеранга? А-ха-ха-ха-ха! Ой, не могу, Грувен убил Таге... Та... а-ах-ха-ха-ха!...

— Не слушайте этого психа! — заорал Грувен, пытаясь заглушить смех Спиногрыза. — Вы же видите, он с ума сошел. Мало ли что он наврет!

Поджарая лисица обхватила сзади шею Грувена и заткнула ему пасть комком грязи и травы. Она придерживала его пасть, пока хорь не замотал ее собственным поясом Грувена.

— Больше он нам не помешает, друг, — успокоил Роган Спиногрыза, придвигая к нему еще одну бутылку. — Теперь спокойно можешь все рассказать. Как вы вышли из лагеря, что потом произошло...

Смородиновка улучшила настроение Спиногрыза и развязала ему язык. А память его от происшествия на болоте совсем не пострадала. Он подробно поведал Рогану все, что помнил о походе за головой Тагеранга. Роган Бор слушал внимательно, особенно о том, что произошло у стен Рэдволла.

— Да, сидим это мы, значит, в канаве перед воротами. Волог и Ифира кричат, мол, отдайте Тагеранга. И тут этот мышоныш... мышонок, ну, наш пленный, как-то развязался, и все вкривь-вкось полетело! Волог всадил слепой собаке полосатой стрелу, убил, похоже, да... А мышь — хватъ топор и за Даграбом. А про нас с Грувеном все забыли, знать, не до нас тут... Ну, Грувен втихаря меч подобрал да деру по канаве. К северу дернул. Я за ним, что ж... Обернулся, нет ли погони. Вижу — Волог уж без головы, падает, а за Ифирой Тагеранг уже за канавой по полю гонит. Ну, Тагеранга-то как не узнать... Он, он это был, к западу гнал Ифиру. Меч в лапе здоровенный, сверкает... Стрела в нем торчала, это верно, да что такому воину

стрела... Его и колчан не свалит. А эта шушера из аббатства торчит вся в воротах, и все вопят, вопят, храбрые воляки, тоже... лапами машут... Больше я не оглядывался, а все за Грувеном, за Грувеном... Догонишь его, как же... удирать мастак. Выпрыгнули из канавы...

Роган Бор услышал достаточно.

— Ладно, Спиногрыз, ешь, отдыхай, набирайся сил. Теперь ты снова член стаи.

Спиногрыз под воздействием съеденного и выпитого почти сразу захрапел, а Грувена освободили от кляпа и опять поставили перед вождем.

— Все слышал? — спросил Роган Бор. — Что скажешь?

Грувен выплюнул под ноги грязь изо рта. Он оправился от приступа паники и уже придумал свою версию событий.

— Спиногрыз псих. Это же сразу видно. Это Тагеранга он видел без головы, не Волога. Я отрубил ему голову!

— А как же труп в болоте, голова в потоке? Сколько голов было?

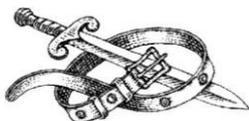
Грувен напялил на себя новую маску. Теперь он был отважный воин, но несколько смущенный своим проступком.

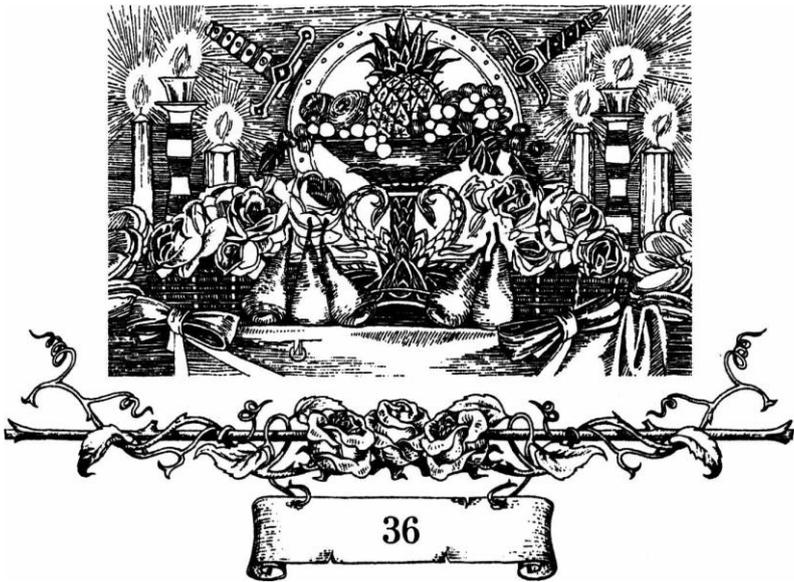
— Я не хотел признаваться в том, что сбежал среди боя. Но врагов было слишком много. А Тагеранга я все же успел убить.

Роган Бор помолчал, затем заговорил спокойно, как и всегда:

— Всякого я наслушался на своем веку. От тебя я ничего, кроме вранья, не слышал и не слышу. Ты начал врать, как только открыл пасть. Разумеется, я верю Спиногрызу. Ему правда не вредит. Мои воины удивляются, почему я тебя до сих пор не прикончил. Они видели, как я поступаю с трусами и с теми, кто мне врет. Но ни один шанс не должен уйти от тебя. Легенда о Тагеранге давно

живет среди Юска. Конечно, странно, что честь стать Тагерангом выпала выдре. Мы всегда хотели видеть Тагерангом лиса. Итак, если Тагеранг пал от твоей лапы на поле боя, то не один ты это видел. И мы можем найти очевидцев того боя, во время которого ты удрал от Тагеранга... или, как ты утверждаешь, убил его. Можем узнать правду, Грувен. Как только прибудем в Рэдволл.





С каждым днем темнело все раньше. Деревья оголились, урожай убран в кладовые. Дейна с сестрой и матерью прогуливались по лужайкам аббатства, наслаждаясь лунной ночью. Он поймал странный взгляд Филорн.

— Что, мама?

— Ах, сынок, ты так похож на отца. Такой же большой и мужественный. — Она повела плечами, почувствовав ночную прохладу. Дейна накинул на нее плащ и улыбнулся.

— А ты очень похожа на мою мать. Мгера похожа на мою сестру, только она ведь теперь тоже мать, мать-настоятель-

ница. Хорошо, когда у тебя две матери, о тебе вдвое больше заботятся.

— Назови меня матерью, и я твой хвост в пруд закину» — улыбнулась Мгера. — Идемте-ка внутрь, уже прохладно, да и дождь приближается.

Дейна запахнул ее под плащ к матери.

— Извините. Я так много времени проводил на воздухе, что едва обращаю внимание на погоду. Пошли потихоньку.

Филорн повернулась и начала отмерять крохотные шажки.

— Ну, не настолько «потихоньку», — засмеялся Дейна. — Я видел, как вы обе бежали, впереди всех.

Колокола аббатства зазвонили.

— Вот, дождались, — заторопилась Филорн. — Побежали!

Большой зал пестрел разноцветными фонарями и букетами цветов. Все уже сидели за столами и поднялись при входе Дейны. Раздался хор приветствий.

— Великие Сезоны! — воскликнул Дейна, сделав вид, что очень удивился. — Спасибо, друзья, спасибо огромное!

Дейну усадили во главе большого стола. Рядом сели Филорн, Мгера, Нимбало и Хорг, старейший обитатель аббатства. Картина мира, дружбы, счастья; незабываемое застолье! Пудинги, пироги, паштеты, пирожные, печенья расставлены между подносами с орехами, фруктами и ягодами, свежими и залитыми медом. Всевозможные салаты, хлебы и супы соревновались с тортами, суфле, фланнами. Дрогт подкрепил сервировку множеством шипучих и спокойных, прозрачных и разноцветных напитков. Но центральным событием пира стал громадный сыр, изобретение Филорн, Бурака, Нимбало и Гундила. Заяц ревниво следил, как сыр доставили к противоположному краю стола.



По мере продвижения вдоль стола сыр стремительно убавлялся в размере, но до зайца все же он дошел, к его громадному облегчению, уменьшившись лишь на четверть. Он отрезал большой клин, положил на тарелку, добавил салата, маринованных луковиц и краюху теплого хлеба и передал Дейне.

— Попробуйте, сэр, и скажите честно и откровенно, пробовали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное, во.

Дейна разрезал клин пополам и половину отправил на пробу Командору. Они одновременно откусили и одобрительно закивали. Филорн улыбнулась:

— Свежий желтый сыр с орехами, сельдереем и другими травами, вымоченный в морковно-одуванчиковом отваре с бледным сидром. Мистер Бурак придумал ему название, но уж очень трудно его выговорить.

— Спешу на помощь, — галантно поклонился заяц. — Название из кусочков наших имен: филбурнимгун. Красиво, правда?

— Мало кто смог бы этого сыра отведать, если бы сначала надо было выговорить название, — пошутила Мгера. — Можно назвать просто большим вкусным сыром.

— Все дело в памяти, мэм, — с видом знатока пояснил Нимбало. — Всем бы мою память! Брат Бобб, прошу вас, мне кусочек... э-э... флеробутинама!

Сестра Алканет постучала по столу. Все замолчали.

— Мистер Бурак, скажите, пожалуйста, еще раз, как правильно называть сыр.

Все устали ждать на зайца. Они терпеливо ждали, пока он дожует. Но заяц тоже молчал. Он широко улыбнулся и наконец произнес:

— Вот незадача! Совсем из головы вылетело, во. Прощенья просим! Ха-ха-ха-ха! — засмеялся он, и с ним грохнуло смехом все застолье.

Веселье продолжило выступление выдр Командора. Они под волынку исполнили танец и закончили его, выстроившись в кружок хвостами внутрь. Фавилла и Мгера спели дуэтом комическую песенку.

Дейна не хотел пугать малышей фокусами с оружием, поэтому усадил два десятка карапузов на длинную скамью и понес их по Большому залу. Его наградили аплодисментами, после которых Нимбало гордо заявил:

— Мой ученик. Способный. Я, правда, ношу их вдвое больше.

Заяц не захотел отставать.

— А я еще сажаю в серединку мою толстую тетю и по краям ставлю два бочонка эля, во.

Это звучало явным вызовом на соревнование врунов, и Нимбало этот вызов принял.

— Молодец! А я, когда малышом был, залезал в ведро и день-деньской таскал себя в нем не вылезая.

— Здорово! А видел ты аббатство? Высоко, правда? Я, бывало, выходил на лужайку и прыгал на крышу. Без разбега. Медленно, правда, получалось, потому что поднимался с туманом. Не веришь, спроси кротона начальницу Брулл. Она видела.

Кротона начальница расплылась в улыбке от уха до уха:

— Хурр, сэрр, видала, видала я, всеми тремя глазами видала, да.

Неожиданно для всех сестра Алканет тоже решила принять участие в конкурсе лжецов.

— Однажды я лечила зайца и полевую мышь и долечила до таких размеров, что они не могли пролезть в дверь и выйти из больницы. Пришлось лечить обратно. Может, попробуем еще раз? Спросите мать-настоятельницу, аббатису Мгеру.

— Конечно, конечно, — кивнула Мгера. — Сестра Алканет и не такое может!

— Шутки шутками, но такое, во... — Уши Бурака опустились по обе стороны его физиономии.

— Лечила... долечила... залечила — что это такое? — допытывался Нимбало.

— Слово офицера, сэр, вам не захочется этого узнать. Добрая сестра может остановить армию лягушек ложечкой своей лечебной дряни.

Дождь барабанил по стеклам аббатства, надвигалась ночь. Сидящие за столом ослабили пояса. Старшие вспоминали минувшие дни, младших разносили по спальням. Несколько кротов, Бурак и Нимбало вместе с Дроггом направились в погреб, неся с собой остаток громадного сыра. Кое-кто, устав от шумного застолья, зевая, направлялся в спальни. Дейна наслаждался общением с матерью и сестрой, с удовольствием осматривал громадный зал.

— Нравится тебе здесь? — спросила Мгера, заметив, с каким интересом осматривает он кружево балок, поддерживающих потолок.

Бывший Тагеранг провел лапой по чистой, без единой отметины, морде и повторил вопрос:

— Нравится? Я и представить не мог, что существует такое чудесное место. Ты, мама... Как будто я живу в прекрасном сне.

— Этот сон будет долгим. Мы снова вместе, снова семья.

Через несколько дней Нимбало встал рано и решил прогуляться по крепостной стене. Он уже заскочил на кухню и получил от брата Бобба пирожок с грибами. Удобно устроившись на крепостной стене, Нимбало жевал свой завтрак и любовался пейзажем. Деревья в лесу, равнина, тропа...

А на тропе перед главными воротами — Роган Бор во главе трех сотен головорезов. Неподвижно стояла рать нечисти под стенами аббатства. Зверье с раскрашенными мордами молча рассматривало стены и ворота, ожидая приказов вождя.

Нимбало прыгнул за зубец. Забыв про завтрак, он прокрался к ступенькам и скатился вниз.





Недяная вода канавы хлюпала под лапами Грувена. Он пытался представить себе, что произойдет, когда обитатели аббатства заметят неприятеля. Грувена затрясло, скорее от страха, чем от холода, он качнулся, и грязь под ногами чавкнула громче.

— Не ерзай, не то навеки успокою! — услышал он за спиной шепот и почувствовал осязаемый тычок в спину.

Медленно поднималось солнце. Из-за стен аббатства не доносилось ни звука. Молча стояла стая Бора. Наконец вождь решил, что момент наступил. Он дал знак четырем копыеносцам. Они подбежали к

воротам и забарабанили в них дровками.

Роган Бор ожидал, что на верху стены появится зашпанный привратник и спросит, кто в такую рань ломится в ворота. Вместо этого створка ворот подалась, и он увидел перед собой строй здоровенных выдр, вооруженных тяжелыми дротиками. Из-за зубцов стен высунулась живность помельче, тоже вооруженная, в основном пращами. Промелькнул длинный заяц с длинным копьём-багром.

К Рогану вышел самец выдры, выделявшийся ростом и мощностью даже среди своих могучих соплеменников. Внимание Рогана привлек его меч. Для такого гиганта коротковат, но оружие прекрасное. Похоже, что владелец умеет этим мечом пользоваться. Появившийся меченосец окинул взглядом строй, потом посмотрел на предводителя:

— Что тебе надо здесь, нечисть?

Роган шагнул вперед, поближе к выдре:

— Я Роган Бор, повелитель южного побережья и вождь Юскабор.

Большой нахал из крепости тоже шагнул вперед, приблизившись к Рогану почти вплотную.

— Я Дейна, воин Рэдволла. Я спросил, что тебе здесь надо.

Роган отступил на шаг:

— Мне нужно знать, есть ли у вас выдра с такой татуировкой на морде.

Грувена выпихнули из канавы и подвели к воротам. Он с недоумением уставился на Дейну. Голос тот же, но где татуировка?

Дейна мельком глянул на горностая. Он, конечно, узнал Грувена, но виду не показал.

— Здесь, за этими стенами нет ни одного существа с такой татуировкой и раскраской. Еще есть вопросы?

Рогану не нравился этот наглец. Сабля его была длинней меча Дейны, и вот она уже у морды выдры.

— Не надо мне врать. За мной три сотни голов. Мы можем войти в аббатство и обыскать его.

Дейна сделал какое-то молниеносное движение. Теперь сабля Рогана торчала в воздухе, а меч веслохвостого нахала уперся в горло великого вождя. Дейна оказался сбоку от Рогана, железная лапа, словно тиски, сжала за-тылок.

— Никто не войдет в аббатство без моего разрешения. Забирай свою стаю и убирайся. Или оставайся и умри.

Роган сделал вид, что не замечает ни меча, ни лапы. Он проговорил тем же тоном:

— Уйду, когда скажешь, есть ли у вас выдра по имени Тагеранг? Или была?

— Да, — кивнул Дейна. — Тагеранг был здесь, но сейчас его больше нет. Насколько мне известно, его больше нигде нет. Я могу даже сказать, что Тагеранг умер.

Грувен решил, что пришел его звездный момент. Он рванулся вперед и завопил:

— Я ведь говорил, что Тагеранг мертв! Я убил его в этой самой канаве! Теперь я Тагеранг! Грувен Занн Тагеранг!

Нимбало высунулся из-за зубца, указывая лапой на Грувена и вопя:

— Да, это он! Я видел, как он убил большую раскрашенную выдру!

Грувен едва верил ушам. Мышонок видел! Он подтверждает! Грувен замахал лапой Нимбало:

— Спасибо, друг! Ха-ха-ха! Слышал, Роган Бор? Кому верить, свихнувшемуся Спиногрызу или мне? Вот и свидетели! Он видел, как я убил Тагеранга.

Бор тронул лапой меч у своего горла:

— Убирай меч, речной пес. Мы уходим.

Роган Бор оттянул свою стаю через канаву в поле. Дейна все еще стоял с мечом в лапе. Грувен ликовал. Он отнял у конвойной лисицы свой меч и разрезал им веревку на поясе. Его распирало ликование.

— Ха-ха-ха-ха! Грувен Занн Тагеранг! Поклоняйтесь мне! Я самый могущественный зверь!

Роган Бор тем временем о чем-то шептался со своей жрицей. Грувен же, не обращая на них внимания, напустился на свою охрану:

— Ну, мерзавцы! Я покажу всем, что бывает с теми, кто смеет со мной так обращаться, как вы. На колени!

— Грувен Занн Тагеранг! Кто убьет Тагеранга, сам становится Тагерангом!

Грувен не успел полностью повернуться к Рогану, а его голова уже слетела с плеч. Роган Бор столкнул обезглавленный труп в канаву.

Жрица Эрма тут же воздела лапы к небесам и возопила тонким пронзительным голоском:

— Повелитель южных берегов! Вождь Юскабор! Роган Занн Тагеранг!

И три сотни здоровых глоток подхватили:

— Роган Занн Тагеранг! Тагеранг! Тагеранг! Юска-а-а-а!

Тут случилось что-то невиданное. Роган Бор улыбнулся! Он расплылся в широкой улыбке и засмеялся, глядя на мечи и копья, клацающие о щиты, на воздетые к небу кинжалы и дротики и вслушиваясь в вопли бушующей стаи Юска.

Мгера подбежала к воротам, прошмыгнула между выдрами Командора и прижалась к брату:

— Что там происходит, Дейна?

Дейна подтолкнул сестру к выскочившему за ней Командору:

— Быстро внутрь, Мгера. Они сейчас доведут себя до исступления.

К тому и шло. Рогам Бор стоял на краю канавы, размахивая саблей. Юска продвигались вперед, нацеливая копы и клинки на аббатство. Дейна понимал, что три сотни Юска не смогут устоять перед соблазном напасть на аббатство, число защитников которого втрое меньше.

Мгера поднялась на стену к Бураку.

— Дейна вошел? — спросила она зайца.

Заяц не ответил. Он напряженно вглядывался в сторону южного поворота тропы, где появилось какое-то облачко пыли. Он повернулся к Мгере со странной улыбкой на физиономии.

— Извините, аббатиса, прошу вас зажать покрепче уши. Я сейчас заору.

Приложив обе лапы ко рту, он вдруг дико завопил:

— Еулалиа-а-а-а-а!

Нимбало взвизгнул и зажал уши.

— Что с тобой, друг? — озабоченно спросил мышонок.

Бурак махнул лапой в сторону пыльного облачка.

— Давай, Ним... Все, кто здесь есть, слушайте! Из всех сил орите со мной! Одно только слово: еу-ла-ли-а-а-а-а! Раз, два...

— Еу-ла-ли-а-а-а-а-а-а-а!

Бурак заставил их крикнуть еще пять раз и поднял лапу.

Ворота внизу еще не успели закрыться. Юска готовились к атаке. Выдры приготовились сопротивляться до последней возможности. И все вдруг замерли. Отдаленный рев, похожий на морской прибой, донесся с юга.

— Еу-ла-ли-а-а-а-а-а-а!

Рев повторился, а потом задрожала земля. Сквозь тучу пыли обрисовался силуэт громадного барсука. За ним рысила тысяча боевых зайцев.

— Теперь вы только для начинки годитесь, придурки, — пробормотал заяц в адрес онемевшей от ужаса нечисти. — Лорд барсук и его Долгий Дозор идут к нам на помощь.

Со стен раздалось громкое «ура!» защитников аббатства. Ворота распахнулись, и выдры выступили из аббатства. Зайцы разделились и взяли стаю Рогана Бора в клещи.

Филорн закрылась лапами:

— Мгера, не смотри. Сейчас начнется ужасная бойня.

— Ни в коем случае, мэ, — заверил ее заяц. — Это ведь не дикари какие-нибудь, а зайцы Саламандастрона во главе с лордом Русано Мудрым.

Лорд Русано превосходил размерами даже Креггу Красноокою. Одет он был скромно, в темный плащ и короткую гербовую накидку. Меча на его широком поясе не было. В громадной правой лапе он держал короткую в сравнении с его ростом дубинку, похожую на скипетр. Лорд барсук был спокоен, уверен в себе и своем воинстве.

К Русано четким шагом подошел пожилой заяц в моноклем в глазу и отсалютовал копьём:

— Маневр завершен, во, враг обезврежен, сэ.

— Спасибо, полковник, — кивнул Русано. — Кто у этой нечисти главный?

Подвели Рогана Бора. Русано взглянул на Дейну, поняв, что он возглавляет защитников аббатства.

— Эти Юска успели причинить какой-нибудь ущерб? Убили кого-нибудь?

— Нет, — ответил Дейна, поклонившись, — но лишь благодаря вашему своевременному вмешательству. Вы предотвратили кровопролитие.

Русано обратился к вождю Юска:

— Судьба избавила вас от роковой ошибки. Как вас зовут?

Впервые стая Юскабор услышала, как дрогнул голос их вождя:

— Я Роган Бор.

Русано ткнул лиса в грудь своим жезлом:

— Слышал я, что вы именуете себя повелителем южного побережья. Я Русано, владыка Саламандастрона. Не хотите ли бросить мне вызов?

Роган Бор аккуратно положил саблю к ногам барсука.

— Я тоже о вас наслышан. Только сумасшедший решился бы на такую глупость.

Мгера не могла оторвать глаз от громадной фигуры Русано. Вместе со всеми жителями Рэдволла она следила, как нечисть сдает оружие, и гадала, что произойдет после этого. Русано указал Бору в поле за канавой и прокотал:

— Постройте свою стаю за канавой дюжинами, Роган Бор.

Нечисть поползла через канаву в поле, а Русано негромко отдал какие-то распоряжения своему полковнику. Мышонок Трей тем временем подобрался к Бураку и дернул его за лапу:

— А сейчас им всем отрубят хвосты и сделают из них суп?

— Какой ты кровожадный! — удивился заяц. — Смотри внимательно, сам увидишь. Запомни, потом внучкам рассказывать будешь.

Полковник с пятью сотнями вооруженных зайцев приблизились к стае Юска. Всей нечисти приказали опуститься на четыре лапы. После этого к ним обратился лорд Русано:

— Я сохраню ваши жалкие жизни. Но если кого-нибудь из вас снова заметят вблизи Рэдволла, пощады больше не ждите. Возвращайтесь на свои южные берега и оставайтесь там.

Полковник заметил, что Роган Бор хочет подняться. В его затылок тут же уперлось острие копья.

— На всех четырех, герои! Так вы промаршируете до заката, во. Мы вам поможем не делать ошибок, во, во.

За дело принялись зайцы-сержанты.

— Подтянуться, во, сброд неотесанный! Кругом! Хвосты поджать, голов не поднимать, во, тетери сонные! Пошевеливайтесь, сто хвостов вам в глотку, во, во!

Стая Юскабор поползла в позорное изгнание, и вождь их следовал не впереди, как обычно, а замыкал длинную цепочку нечисти.

Русано подошел к Дейне и Мгере. Аббатиса поклонилась лорду, заметив, что не достаёт ему даже до пояса.

— Лорд Русано, я Мгера, аббатиса Рэдволла. Сама судьба послала вас сегодня к нам на помощь.

Русано преклонил колено и поцеловал лапу Мгеры.

— Судьба послала мне сон. Увидел я во сне Краснооую Креггу. Она сказала мне, что ее сезоны истекли. И я направился к месту ее последнего покоя, в аббатство Рэдволл.

— Вы знали нашу Креггу? — спросила Мгера, вводя барсука в ворота.

— Она нянчила меня, когда я был еще малышом. В молодости она была неукротимым воином, впоследствии отличалась мудростью и терпением. Многому она меня научила. После того как она потеряла зрение, я какое-то

время был ее глазами. И жил здесь, в аббатстве. А потом отправился управлять Саламандастроном.

Лорд перевел глаза на Дейну.

— Дейна, защитник Рэдволла,— представила его Мгера.

— Меч Мартина Воителя... А ведь вы с аббатисой брат и сестра! И жизнь у вас, мой друг, судя по глазам, переполнена приключениями.

— О друг, если все рассказать, половине не пове-
ришь!

— Ну, если я порасскажу, что видел и слышал, то ты тоже загнешь хвост дугой, приятель!

Они подошли к могиле Крегги. Русано снял с шеи тяжелый медальон на толстой цепи и повесил на край надгробия. С медальона на них смотрела запечатленная в металле Крегга. Барсук прикоснулся полосатой мордой к песчанику надгробного памятника и нежно пробормо-
тал:

— Память о тебе, сестра наша, сохранится навсегда и здесь, и в нашей горе, которой ты мудро правила когда-то. Спи спокойно.

Он встал и вытер глаза.

— Очень жаль, Дейна, но я не смогу в этот раз вы-
слушать твою историю. Завтра мы отбудем. Извините
меня, мать-настоятельница.

Мгера поправила медальон.

— Почему вы так спешите, сэр?

Русано махнул лапой в сторону ворот. В аббатство вливался поток саламандастроносских зайцев; пришельцы
знакомились с обитателями и играли с малышами.

— У вас здесь прекрасно, но со мной тысяча зайцев.
Слишком много гостей для вашего аббатства.

Мгера укоризненно покачала головой:

— Мы обязаны жизнью вам и вашим зайцам. А где разместить и чем накормить ваше воинство, мы найдем. Вы наши почетные гости. Крегга учила нас, что ворота аббатства должны быть широко открыты для добрых друзей.

Лорд Русано Мудрый, правитель Саламандастрона, опустил в траву возле могилы. Он погладил землю и сорвал розовый цветок, выросший между надгробием и стеной. Русано вдруг почувствовал себя малышом, вспомнив время, когда он жил в аббатстве с матушкой Креггой.

Он преподнес цветок Мгере.

— Да, и мне Крегга говорила то же самое. Вы так похожи на нее, мать-настоятельница... Скажите мне то же самое еще раз, пожалуйста.

Дейна почувствовал гордость за сестру, с улыбкой принявшую цветок и повторившую, обращаясь к Русано:

— Ворота аббатства должны быть широко открыты для добрых друзей.





ЭПИЛОГ

Отрывок из дневника белки Розабель

Вот не думала, что такая длинная история получится. Я читала ее четыре вечера подряд. Пещерный зал каждый раз заполняла толпа внимательных слушателей. А поздравления и аплодисменты все еще отдаются в ушах. Конечно, были и вопросы. Многих малышей интересовало, зачем Рукки Гарж удалила с Тагеранга раскраску стаи и родинку-отметину. Я ответила, что так Дейне спокойнее жить, не вспоминая о своем прошлом. Но малышей такой ответ не удовлетворил. Уж очень им нравится лихое имя Тагеранг, жизнь, полная опасностей, и возможность побегать вокруг, пугая зверей своей раскрашенной мор-

дой. Наш воин Дейна слушал меня внимательно, а когда я закончила, подошел ко мне и поцеловал в щеку. Он подарил мне костяное кольцо-нахвостник, которое носил когда-то. Я заметила слезы в его глазах.

А вот еще отличная новость. Аббатиса Мгера и брат Хобен пригласили меня в старую спальню матушки Крегги. Когда я поднялась туда, брат Хобен сообщил, что моя рукопись будет храниться в архиве аббатства, что это замечательный труд. Потом он сказал, что оставляет пост летописца и отправляется на помощь старику Хоргу в его сторожку. Бедный Хорг почти не встает с постели. И мать-настоятельница тут же произвела меня в официальные летописцы. Комнату Крегги отвели под мой рабочий кабинет. Ущипните меня, не сон ли это? Кротоначальник Гундил и его кроты занялись мебелью, подогнали стол под мой рост. А кровать Крегги и подгонять не надо, прекрасное сооружение! Мама Фавилла делает мне для нее новое покрывало, а папа Брогл поможет его вышить. Он прекрасно вышивает, когда удастся выкроить для этого немного времени. Только времени у него не хватает, особенно с тех пор, как он стал старшим поваром вместо брата Бобба. Все, кроме Филорн, говорят, что зря он взял Бурака к себе в помощники. Ну а мастером музыки стал, конечно, Нимбало. Он даже научился играть на этой страшной аккордегардии.

Надо смыть чернила с лап. Лекари наши, сестра Флоберт и брат Эгберт, просили снять копии с новых рецептов. Они изобретают новые лекарства, приятные на вкус. Малыши даже прикидываются больными, чтобы получить ложку-другую сладкой микстуры. А сестра Алканет... ни за что не догадаетесь! Она помогает Дроггу в погребах. И многие заметили, что некоторые напитки приобрели странный привкус. Бурак даже сказал, что лучше принять лекарство, чем пить такое... (Во, во!) Некоторые

засмеялись, но тут же умолкли. Сестра Алканет сменила пост, но не изменила своего леденящего взора. Великие Сезоны, уже слышу колокол на ужин! Хорошо, что я уже вымыла лапы! Сестра Флоберт и брат Эгберт немного подождут. Ведь даже летописец должен иногда принимать пищу. Иду, иду, бегу, а на прощание вам подарок: первая подпись в новой должности.

*Розабель, дочь Брогла и Фавиллы,
летописец аббатства Рэдволл в Лесу Цветущих Мхов*



Оглавление

ПРОЛОГ

7

**КНИГА ПЕРВАЯ
ДИТЯ У БРОДА**

9

**КНИГА ВТОРАЯ
ПЯТНАДЦАТЬ СЕЗОНОВ СПУСТЯ**

63

**КНИГА ТРЕТЬЯ
ДЕЙНА**

243

ЭПИЛОГ

380

Литературно-художественное издание

Брайан Джейкс
ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА

Редактор Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Марина Антипова
Корректоры Наталья Бобкова, Нина Тюрина
Верстка Светланы Романович

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 10.04.2006.
Формат издания 60x84 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 22,32. Изд. № 1851. Заказ № 1285.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» им А. М. Горького
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

